

СЕРГЕЙ АНИСИМОВ

«АБРАМСЫ» В ХИМКАХ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Гнев терпеливого человека

Дойти и рассказать

Сергей Анисимов

Гнев терпеливого человека

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Анисимов С. В.

Гнев терпеливого человека / С. В. Анисимов — «Эксмо»,
2017 — (Дойти и рассказать)

ISBN 978-5-699-97003-2

На территорию России неожиданно вторгаются оккупанты, называющие себя миротворцами. Это блок НАТО! Правила игры диктуют американцы, утверждающие, что в России нет демократии и свободы личности и что они прибыли, чтобы защитить угнетаемый русский народ. Им удастся разрушить наше государство, но по всей земле бывшей России начинается жесточайшая партизанская война русского народа с агрессором...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97003-2

© Анисимов С. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Среда, 17 апреля	10
Воскресенье, 4 августа	33
Вторник, 20 августа	42
Четверг, 22 августа	64
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Сергей Анисимов

«Абрамсы» в Химках. Книга третья

Гнев терпеливого человека

© Анисимов С. В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

*Бойся гнева терпеливого человека.
Джон Драйден (1631–1700)*

– Ты знаешь, мне так больно от того, что по-дурацки я прожил жизнь... Столько лет прожил – а годами жил бесцельно, ни для чего. Работал... Это нельзя назвать работой. За зарплату, да, верно – я семью кормил. Даже за хорошую зарплату. Но от меня никому, кроме хозяев фирмы, не было никакой пользы, вообще никакой. От этого не росли заводы, не... Я не знаю... не колосились гуще поля, не летели быстрее ракеты в космос... По-детски сейчас говорю, да? Помнишь, как нас учили этому всему в детстве? Что быть геологом хорошо, а официантом плохо. И даже не плохо – стыдно... А я ведь не официантом даже работал, не халдеем. Хуже. Нельзя было так деньги зарабатывать, как я... Пусть беднее бы жил, все равно... И все остальное тоже. Сколько я пил, сколько гулял, сколько времени и денег выкинул на ерунду? Мог бы заниматься спортом, мог бы готовиться, мог бы семье дом построить в глуши, подвалы запасами набить, оружием запастись... Знаешь, как в фильмах про зомби? Сейчас бы и за семью был спокоен, и сам бы... А не как сейчас...

– Ты закончил? Выговорился?... – Второй из лежащих мужчин прижал ладонь ко рту и переждал приступ кашля, мучительно изгибаясь всем телом. – Тогда я тоже скажу. У меня же похожая жизнь была, ты в курсе. Не просто так мы подружились, в таком-то возрасте... И бухал я, и гулял, и развлекался. И знаешь, в отличие от тебя – не жалею ни капельки! Как было здорово с семьей или друзьями нажарить шашлыков да залить в себя чего-нибудь вкусного! Чтобы в голове легко, на душе легко, и воскресенье завтра! Рыбалка! Утром, знаешь, когда туман над водой? Бабы, опять же! Да, а что? Знаешь, какая эта большая часть моей жизни? Лучшая, пожалуй! Мм, какие у меня бабы были... Сладкие, как... Кондитерские фабрики таких не готовят... И что, променять все это на запас консервов и крупы? Да щас! Не пил бы я, не ел, не отдыхал – только качался бы, и как Шварценеггер был бы сейчас. И что? Пошел бы всех там голыми руками разбросал, победил бы?

– Я не то имел в виду.

– Да то, то. Я уж тебя наслушался, слава богу, за столько дней. Так и ты послушай для разнообразия, ладно? Потому что времени мало уже. Я таких, как ты, навиделся. И тех, кто на словах, и тех, кто на самом деле что-то делать пытался. Кто справедливости для всех добиваться, кто еще чего. А толку? Только свою жизнь в ерунду превратили. А мне вот зато есть что вспомнить. И не жалко... Вот поверь, совсем не жалко теперь ни времени, ни денег. Вот сейчас нас не станет, а у меня тепло на душе: как я пожил здорово! Теперь так ни у кого не получится. И пожил хорошо, и уйду хорошо.

– Да, вот тут мне не возразить. Тут крыть нечем. Но про себя-то я... Извини, но да, я опять про себя и про своих думаю сейчас. Было бы странно иначе... Я все равно думаю, что я прав. Пусть не изменил бы ничего, не добился бы ничего большого, но мне легче было

бы, а?.. Только вот сегодняшним днем чуть искуплю свои грешки... Не крупные, но много, очень уж много. За годы накопились. Как ты думаешь, хватит мне этого?

– Шутишь? Смеешься, да? Лично мне все равно. Я и не верил никогда, и не поверю никогда уже. Даже под тем обстрелом, если помнишь его, я в бога не поверил, хотя аж обоссался тогда... Ерунда это. В себя надо верить, в свои силы. В удачу, если с силами плохо. А если надежды нет, то можно и не верить, просто делать дело. Вот как сейчас... Ты что? Ты что, земляк, плачешь?

– Нет... Это так... Сейчас пройдет...

– Не плачь, все нормально. Не бойся.

– Я не боюсь. Старый уже, чтобы бояться.

– Не старый, зрелый.

– Старый. И толстый. И усталый. И за детей страшно: что у них впереди, какое будущее? А делать надо, сами же вызвались...

– Еще как надо. Ты готов?

– Давно готов... Это напоследок вот пробрало... Это случайно... Прошло уже. Извини...

– Не извиняйся. Прости меня, если что.

– И ты меня прости... Господи... Отче наш, иже еси на небеси... Да святится имя Твое... Да приидет царствие Твое...

Второй номер расчета отвел глаза: черные, злые. Пустые. Вера никогда его не интересовала, молящиеся люди всегда вызывали у него или презрение, или по крайней мере снисходительность. Старушки – спокойную, молодые – раздраженную... Он усмехнулся. Каждый сам для себя решает, как ему легче и лучше жить и умирать. Лично у него все было нормально: и прожил на зависть многим, и умрет так, что не жалко жизни. Поквитавшись с хорошим запасом и за себя, и за родных. За тех, кто стар, да за тех, кто молод. В сорок пять с лишним мужчине умирать почти не страшно, если...

А этому вот больше обидно, чем страшно. Этот правильный мужик, что бы он сам о себе ни думал. Раз здесь, значит, правильный.

Он покосился вбок и бесшумно вздохнул. По-разному бывает. Можно признаться, что ему самому все же не по себе, – как ни пыжься, как ни уговаривай свой разум. «Почти не страшно» – это чтоб себя ободрить. Это позволяет примириться с тем, что сейчас будет.

– Идут.

– Где?

– Тихо. Тихо, я сказал. Не высовывайся! Голову пригни, блин!

– Угу. Вижу.

– Во гады... Хороши, а?

– Эх...

Колонна действительно производила глубокое впечатление. И вырвавшееся слово «хороши» было верным. Не подходящим квасному патриоту, каким он, впрочем, никогда не был. И верным. В голове второго мелькнула смазанная, смутная ассоциация из фильма «Чапаев», про «красиво идут». Сколько лет назад сняли этот фильм, почти сто? Сколько лет назад он его в последний раз видел?

– Чего скалишься? – спросил первый номер расчета.

– Угадай.

Невежливо, зато весело. Первый из мужчин дважды вжал клавишу связного устройства, давая оговоренный сигнал. Время пошло. Маршрут колонны проверяли вражеские беспилотники, причем видно их не было, только слышно. Неделю назад оба предположили бы, что это могут быть легкие вертолеты на большой высоте. Но наблюдение они вели не первый день, и в прошлые разы своими глазами разглядели то, что жужжало теперь в невесомой

пелене мороси над головой. Беспилотники, причем не вооруженные. Две штуки. Невидимые пропеллеры легко несли их в сотне метров над глухо ревущей колонной, руки операторов на джойстиках разворачивали их влево и вправо, позволяя внимательно оглядеть все пространство вокруг. Где находились сами операторы, можно было только гадать. Очень возможно, что за сотни и даже тысячи километров отсюда, в комфортабельных помещениях, в удобных креслах. С кружечками кофе в руках. Двое доживающих последние минуты своей жизни мужчин лежали в это время уткнувшись в землю, превратившуюся в грязь и оказавшуюся поверх не спасающих от холода тряпок. Им было очень обидно...

– Ну?

– Еще чуть...

Они уже практически перестали дышать. Головной дозор в колонне состоял из нескольких вездесущих «Хамви» и одной колесной бронемшины незнакомого обоим типа. Эти то шли на большой скорости, то замедлялись, давая время основной группе сократить дистанцию. Как обычно, колонна была смешанная: тентованные грузовики, автоцистерны, разнотипные единицы бронированных боевых машин, сконцентрированные в голове и хвосте колонны. В этот раз – дополнительно несколько тяжелых автоплатформ, перевозящих тяжелые танки. Самая драгоценная цель, окупающая их жизни с лихвой. И при этом цель редкая: танков у натовцев довольно мало. На поле боя танк противника – это то, что очень многие солдаты видят в самые последние моменты своей жизни. Поэтому возможность нанести точный удар по «неактивным» танкам была просто драгоценной.

– Давай! – хриплым, сорванным шепотом выкрикнул первый номер, следящий за секундной стрелкой на потертых наручных часах.

Второй, зачем-то крепко зажмурившись, изо всех сил вжал в железо тугую скобу. В набитом электроникой тяжелом коробе что-то глухо загудело – будто раскручивался небольшой, но тяжелый маховик. Затем в нем что-то по-детски, по-мультиашному пискнуло, и тут же все светодиоды на простой верхней панели прибора разом погасли. Одновременно тут и там по ходу колонны завизжали тормоза, раздался знакомый всем взрослым звук – какой бывает, когда сталкиваются два автомобиля. Через несколько мгновений глухо, не сильно ухнуло: приподнявшие головы напарники успели засечь, как разваливается свалившийся на землю «кверху лапами» беспилотник-разведчик: белый, похожий на дорожную игрушку.

– Бх... – Второй уже отщелкнул сошки и с натугой приподнял на них тяжелую коробку лазерной системы. Хиляком он не был, но «жим лежа на боку» дался ему с напряжением: лицо за мгновение покраснело сверху донизу. Со всхлипом втянув воздух, он прожал клавишу включения, пробежал по тумблерам выставленной на сошки системы пальцами и тут же припал взглядом к визиру, выцеливая одну из автоплатформ в центре колонны.

– Луч пошел... – хрипло прокомментировал его напарник, успевший нацепить очки. – Дистанция расчетная или чуть больше... До приоритета – примерно 450...

– Сам вижу, – сразу же ответил товарищ. – Сработало, да?

Оба смотрели на колонну во все глаза. Часть машин встала, по крайней мере две столкнулись: то ли засоней был водитель задней из них, то ли еще что. Взвыли несколько клаксонов. Несколько солдат из состава экипажей боевых машин охранения спешили, рассыпались по обеим сторонам дороги и теперь грамотно вертели головами во все стороны.

Было только вопросом времени, как скоро кто-то с хорошей оптикой увидит двух наводчиков. Электромагнитный импульс в одно мгновение выжег половину электроники в радиусе нескольких сотен метров, остановил контролируемые компьютерами двигатели, временно вывел из строя часть систем наблюдения. Даже в легковом автомобиле сейчас по несколько компьютеров, чего уж говорить о специальных машинах военного назначения!

Наводчиков предупреждали, что эффективность системы далека от стопроцентной: даже находящиеся под током приборы горят не все, а блокировки могут быть самые разные.

Но авионика беспилотников и электроника систем радиоэлектронной борьбы были более уязвимы, чем все остальное.

– Пора.

Моргнув двумя глазами сразу и машинально приоткрыв рот, второй номер их расчета перещелкнул тугой тумблер и резким движением кисти прокрутил на несколько оборотов миниатюрную рукоять. Механизм подрывной машинки взвыл и утих. Ей лет сорок минимум, ее сделали еще до бума электроники. На электромагнитные импульсы ей наплевать.

– Рви.

Две кнопки одновременно, до хруста. Управляемый фугас на обочине в районе головы колонны взорвался даже не с грохотом – с ревом. Вложенный в косую бетонную яму заряд наискосок провел по колонне потоком щебня. Совершенно обычного, гранитного, какой используют в строительных работах. Четвертькилограммовые пирамидки и кубики с острыми и тупыми гранями не могли пробить даже сантиметр брони – но по открытой пехоте, по небронированным машинам они сработали так, как не могут стандартные шарики и ролики «МОНОк»¹. Первый номер не отвел взгляда от цели ни на мгновение. Хотя от передавшегося с земли в тело удара рот наполнился кислым металлическим вкусом, направляемый его руками луч вильнул лишь немного и тут же вернулся на место. Вопли и вой на дороге были почти не слышны – уши будто забило ватой. Столб дыма и пыли скрыл почти четверть длины колонны, но автоплатформы было все еще отлично видно. Несколько одиночных выстрелов и коротких очередей: неприцельных, не по ним, просто в воздух и в стороны. Спаренный выстрел автоматической пушки, и тут же еще один, из другого места. В норме малокалиберные пушки били звонко – так, что отдавалось в зубах. Сейчас все было глухим.

– Держи, держи.

Расползающиеся клоки дыма и пыли начали закрывать колонну. Сколько у них еще времени? Успеет ли подходящая ракета? Оба мужчины не были военными, они понятия не имели, как все будет. Вызывали добровольцев, и потом еще переспрашивали: понимают ли они, что это почти точно маршрут в один конец? Когда оба подтвердили, инструктажи, тем не менее, не касались лишних деталей. Классический «черный ящик», только не из одного, а из четырех компонентов, применяемых последовательно. Дальняя связь, электронная бомба, лазерная система наведения, которую называли «подсветчик»... И фугас с нетрадиционными «готовыми поражающими элементами». В чем был его смысл, можно было догадаться даже представителям мирных профессий. Меньше риск обнаружения инструментальными средствами, по сравнению с минами, оснащенными «заводскими» пакетами этих самых поражающих элементов. Или даже кустарными, сделанными из нарубленного на короткие фрагменты стального прутка либо используемых в бетонных работах арматурин. Верно? А вот в чем смысл того, что фугас следовало подорвать уже после включения «подсветчика», можно было только гадать. Однако про такую последовательность на инструктаже повторили тридцать три раза, значит, именно так и требовалось действовать.

Глухое, короткое мяуканье в воздухе. Первая из пуль прошла в десятке сантиметров и тут же со стуком вбилась в спрессованную землю где-то позади.

– Все... Заметили.

К моменту, когда второй номер расчета это произнес, по ним били уже с нескольких стволов. Очки показывали, что луч твердо держится на центральной в колонне автоплатформе. С угловатой громадой «Абрамса» в нише, сформированной изломами могучих стальных ферм. Наверняка в штабных машинах есть десятки приборов, улавливающих лазерные

¹ Отечественное семейство противопехотных осколочных управляемых мин направленного поражения. – *Здесь и далее примечания автора.*

лучи от дальномеров и подсветчиков даже автоматически. Выдающих направление и дистанцию до источника тем, кто смотрит. Секунда-другая, и...

Прямо вокруг них ухнули разрывы от первой пристрелочной очереди той же автоматической пушки. Снаряды легли в основном спереди – и половина осколков, казалось, пошла прямо в лицо. Машина была по ним с места, чтобы не потерять захват: дистанция была весьма умеренной и гарантировала поражение «открытой пехоты» за считанные секунды. Так и случилось, но именно за эти секунды хищные туши русских сверхзвуковых ракет прошли остающиеся километры до являющегося их целью пятачка земли. Окутанного сейчас дымом и пронизанного идущими в одну точку трассами.

Головка наведения лидирующей ракеты в серии давно «видела» точку, в которую столько долгих мгновений упирался мощный лазерный луч: дым и пыль после подрыва не могли скрыть его полностью. Даже выпущенная с максимальной дистанции, вся серия «Гермесов» весьма точно вышла в район цели: собственная инерциальная система наведения была современной и эффективной. Колонну эти ракеты могли накрыть и сами, но полученные на подходе данные подсветки цели с земли сделали удар безошибочным даже после гибели наводчиков и отключения луча.

На подсвеченный, до сих пор сияющий ярким теплым пятном танк на трейлере навелось сразу три ракеты, на остальные – по одной или по две. Одна из ракет серии выбрала не тяжелую автоплатформу с танком, а бронированную боевую машину, другая сдуру предпочла грузовик. Распределение целей длилось несколько сотых долей секунды.

У колонны не имелось собственных средств ПВО и даже просто систем обнаружения воздушных целей. Дистанция до красной зоны считалась слишком большой, а дотягивающиеся сюда «Искандеры» не могли эффективно поражать мобильные цели и были слишком дороги. У тяжелых многоосных автоплатформ, часть которых до сих пор не сумела завести двигатели, не было ни малейшего шанса избежать попаданий. Ракеты серии легли на колонну почти одновременно, все двенадцать. Полет скоростных «Гермесов» почти невозможно уловить глазом: для оставшихся в живых свидетелей удара произошедшее стало полностью неожиданным. Боевая часть каждой управляемой ракеты весила 28 килограммов, почти две трети этого веса приходилось на взрывчатку. Ни в одном случае динамическая защита и собственно бронирование «Абрамсов» и единственного пораженного «Брэдли» не смогли отразить удар. Вторичные детонации были мгновенными.

Обстоятельства гибели обоих наводчиков остались неизвестными навсегда. Их звали Иван Амосов и Артем Светличный. Менеджер по развитию бизнеса и менеджер по продажам финансовых услуг, соответственно. Один в розничной сети «Магнит», другой в «Хоум Кредит энд Финанс Банк». Оба бывшие менеджеры. Оба пошедшие в бой, когда слово «надо» вытеснило в мыслях каждого все остальные слова. Не самые молодые, далеко не самые подготовленные, вовсе не самые храбрые. Не первые и последние погибшие в этой войне солдаты России.

Не первые и не последние, забравшие с собой врагов.

Среда, 17 апреля

– Просыпайтесь, засони.

Тычок был крепкий. Не сказать чтобы особо деликатный или даже просто дружеский. Антон ткнулся лицом в тряпки и недовольно замычал. Мышцы продолжали болеть, как после полумарафона. Было у него такое в молодости, когда испытать себя казалось любопытным. Когда можно было бегать на такие дистанции ради удовольствия и ради призрачного шанса выиграть предназначенный победителю приз. Телевизор – самому быстрому и самому выносливому. Угу... Слово «победитель» уже изменило свое значение. Точнее, это значение вернулось к исходному.

– Давайте, давайте, время идет.

– Да встаю я... Ох...

В голове было оцепенение, а болело все. Вот даже странно, человек же бежит ногами, а не грудью и шеей. А те тоже болели. Причем плохо, с надрывом, а не как бывает, когда мышечная боль в удовольствие.

Рядом тоже бурчали, покашливали и похрипывали. Когда говорят, что на войне не болят, – это чушь. На войне болят непрерывно. Только на ногах. Никто в постель не принесет чай с малиной и медом, когда у тебя температура тридцать восемь, и невозможно слюну сглотнуть, и ломает от нытья в спине и костях. Терпи. Жди, когда полегчает. Жри те из лекарств, что можно найти, когда кругом война.

– Очнулись, товарищ кап-лейтенант?

– Вроде бы... Эй там! Как вы, бойцы?

Роман молча кивнул: лицо у него было помятым, по правой щеке наискосок шла глубокая борозда – что-то он не особо мягкое с вечера положил под голову. Второй из курсантов смотрел туповато; дыхание у него было клокоющим, будто он хотел отхаркаться, но не решался при людях.

Разбудивший их солдат терпеливо ждал, не говоря больше ничего. Лицо было знакомым – из вчерашних. Из первых, кого они встретили.

Быстрый туалет, быстрое умывание полулитром воды в стеклянной банке. Вода была не ледяная, а чуть-чуть подогретая – уже хорошо. Зеркальце в импровизированной «ванной комнате» имелось, и Антон, поколебавшись, потратил треть воды на бритье: картридж в станке еще держался и бритва в нем не отупела окончательно. Где взять следующий, на смену, он не имел понятия, но вариантом было «там же, где и этот». Найти в вещах убитого врага. Патологической брезгливостью он не отличался – облил одеколоном, и можно пользоваться. Это было две недели назад, и с тех пор маленькая вещь стала окончательно своей.

– Ну, скоро вы?

– Ждет кто-то?

– Завтрак.

– У-у! – восхитился Антон. – Это здорово. Это редкость...

В голове у него возникла картина из довоенного времени: когда в воскресенье, послав часов до полдесятого, можно было сделать себе яичницу на три яйца поверх пары ломтей поджаренной колбасы. И тост с чем-нибудь. Сыром или паштетом.

Его одолевал нервный смех, а вид местного завтрака заставил засмеяться совсем уже почти вслух. Сдержался он с трудом, отлично понимая, как некрасиво его не понятные никому спазмы-всхлипы будут выглядеть со стороны. Ничего, прошло. В прошлые разы проходило, и в этот прошло. Еще можно было держаться.

Тарелок не было, были пластиковые миски: салатно-зеленые или синие. Ему досталась синяя, и Антон подумал, что это даже символично: он все-таки моряк. Разведенная на

кипятке, несладкая овсяная каша с кусочками чего-то фруктового – то ли яблок, то ли груш. Вкуса он почти не чувствовал, просто запихивал в себя ложку за ложкой. Ребята точно так же заправлялись, сидя рядом. Молча, сосредоточенно.

Напротив стукнуло: рядовой поставил на козлы кружки с чаем. Вот от чая пахло хорошо – ароматно. Пусть даже один пакетик на всех, все равно неплохо.

– Спасибо.

– На здоровье. Оголодали, товарищ капитан-лейтенант?

– Есть немного... Даже просто по горячему соскучились. Желудки как у котят стали, наверное. Скукоженные, и мяучат непрерывно, сухарь просят... Каша – это то, что надо. Так что спасибо еще раз.

– Здесь ничего с едой, – кивнул боец. – Не омары с рябчиками, ясное дело, но ничего. Пока ничего. Допивайте быстренько, и пойдем. Хорошо?

Капитан-лейтенант согласно кивнул, уже отодвигая опустевшую миску и беря в ладонь кружку с горячим чаем. Кружка покоцанная, но самая классическая – из эмалированного металла, с изображением красной грозди рябины на белом. Чай был горячим и немного сладким, и в голове сразу зашумело. Сразу захотелось прилечь и еще поспать. Понятно, что баловство, но помечтать об этом даже секунду было очень приятно.

– Контрразведка нас ждет?

– Никак нет. Как раз наоборот, командир разведчиков. У него сто вопросов, наверное. Да и у остальных, конечно... Как будет время, расскажете, а? Вы же первые с той стороны, вашей информации цены нет.

Курсант Иванов сбоку со свистом прошипел одно конкретное неприличное слово, и Антон покосился с неодобрением. Курсант понял и педалировать тему не стал: опустил глаза и сжал зубы. И молодец. Понятливый и адекватный. Другие никому не нужны.

– Трудно пришлось?

Антону подумалось, что вопросы у бойца все же не самые простые. Что-то в них и в нем самом такое было... Наверняка он контрразведчик. Здесь иначе нельзя. С чужими, незнакомыми.

– Еще как трудно. Даже не думали, что доедем вообще-то. Думали, точно вляпаемся. А прошли. По-наглому.

– Наглость – второе счастье, – со значением в голосе произнес Рома. – Наглость города берет. Осел, нагруженный наглостью, возьмет любую крепость.

Боец захмыкал, с одобрением глядя на осунувшееся лицо курсанта.

– Ладно-ладно... Тут это вы по адресу. Тут такого хватает. И везучести, и наглости. Главное, чтобы в меру. Чтобы адекват.

Капитан-лейтенант посмотрел на рядового еще раз, очень внимательно. Вот-вот, то самое подтверждение своим мыслям. Непростой парень. Да и слава богу.

– Пошли?

Они огляделись и отнесли опустевшие кружки-миски с ложками к стоящему в стороне кривоногому столику. Забавно, что этот был не козлами, а настоящий, – только старый и кривой.

– Вы молодцы, – сказал боец уже на ходу. – Даже то, что вы просто дошли, это здорово. А вы и оружие принесли, и снаряжение. Доктор спасибо за аптечки сказал – этого добра всегда мало.

– У вас и доктор есть? Что, раненых много?

– Доктор есть, да, – согласился парень. Они прошли по коридору, перелезли через пролом в баррикаде, дальше был еще один коридор, ведущий вбок. Все это они, впрочем, видели еще вчера. Теперь боец закончил выглядывать из-за перекошенной двери и начал очень осторожно спускаться первым по полуразбитому лестничному пролету. – Не сильно нормальный

доктор, но ничего. А раненых... Тяжелораненых сразу увозят, вроде бы ничего так уже все организовано, есть куда везти. Или нести, я не знаю. Легкораненых на месте лечат. Но пока не много, не могу сказать. Уже не так, как было.

– А чего ненормальный?

Лестница наконец-то кончилась, и можно было перевести дух. Нет, оказывается, еще нельзя. И не поверите, почему. Потому что весь разбитый первый этаж трехэтажки был густо засран. Несмотря на холод, воняло страшно.

– Чего, спросите?.. Да того... Э, осторожней тут! И здесь не просто так это, не смотрите так. Это задумано. Вот представьте, заходит пеший патруль с очередной рэндомной проверкой. А тут дерьмища гора, бумажки гадкие лежат. Ух! Они тут же рожи кривят – и назад. Иногда проходят до лестницы, и все. На них по три ствола к этому времени смотрят, но они и взгляд не поднимают: под ноги больше глядят... А доктор... Он чуть-чуть мозгами повернутый. Ну, как многие здесь, чего уж там... Сами увидите. Штык всегда примкнут – говорят, доктор в двух штыковых побывал, самых настоящих. На нем отразилось...

Они остановились на выходе из здания, представляющего собой полуразрушенную трехэтажку из красного кирпича, с прохудившейся крышей. Половина оконных проемов заделана кирпичами, причем явно сто лет назад, задолго до войны. Вокруг – гаражи и мастерские, ровно в середине двора торчал остов тяжелого бульдозера с опущенным ножом, ближе к краю – еще несколько единиц строительной техники, эти в приличном состоянии. Чуть дальше – остовы выгоревших домов-пятиэтажек, но здесь было именно старье, остатки раздолбанного жизнью и временем «малого и среднего бизнеса». Какие-то баки, какие-то бочки, какие-то связки арматурин и прочий хлам. Боец, прищурясь, разглядывал это все из оконного проема рядом с дырой, в которой раньше была дверь. Он не торопился, и капитан-лейтенант молчал, ожидая, что будет дальше.

– Подождем минутку, лады? Живее будем... Так вот... – парень бесшумно выдохнул воздух, и его ладонь на висящем под рукой автомате расслабилась, убралась ниже. – Он когда людей лечит – ему лучше. Лечит как может, и вроде как сам рад. А потом это перестает помогать, потом ему снова плохо, и это видно. Тогда ему надо пойти и убить кого-нибудь там, снаружи... Тогда ему от этого тоже плохо, но по-другому, и в любом случае уже лучше, и тогда он еще некоторое время может работать... Блин, вот так.

Рома позади издал губами звук, и капитан-лейтенант напрягся. Но ничего, не дурак, продолжать курсант не стал.

– Угу... И кто осудит-то? Хорошо, что он есть. Здесь много таких, самых разных. У всех в голове или одно, или другое. Редко кто без таракана. Один с собакой своей по четыре раза в день целуется. Плачет и целуется. Увидите.

– Любовь? – все же спросил сзади Рома.

– Да если бы, – довольно сухо ответил рядовой. – У него от семьи одна собака осталась. Ничего пес, довольно крупная дворняга, очень умная. Папа овчар, наверное, был. Или мама. А у мужика вся семья... С детьми... Они вдвоем теперь в бой ходят... И плачут тоже вдвоем...

У Антона что-то начало мешать внутри. То ли надышался дряни в загаженном первом этаже, то ли еще что: воздуха перестало хватать.

– Только вот командир разведчиков полностью счастливый. Совершенно нашел себя человек. Вот кому счастье на лице сдерживать приходится... Воюет... Ох, увидите, как он воюет, если задержитесь у нас. Я бы решил, что это тоже пунктик, тоже таракан мозговой... Но как же он воюет... Если бы в армии таких хотя бы один на роту был, перед войной, – ох, да кто бы решил с нами связываться, а?

– Ты забыл, мы с флота.

– Да ничего, – боец пожал плечами. – Пусть с флота. Здесь же Питер, помните? Здесь флотом никого не удивишь. Я про другое.

В сотне метров впереди мелькнуло что-то белое. Антон не успел сфокусироваться, но боец, видимо, именно этого сигнала и ждал. Удовлетворенно кивнув, он обернулся к ним и кривовато ухмыльнулся.

– Потопали...

Походка у него была чуть косолапая, и во время ходьбы он то ли горбился, то ли сутулился. Было очевидно, что это бывалый солдат. Камуфляжная куртка еще сохранила на плече темный овал от содранной нашивки. Его ли эта куртка, тот еще вопрос, но боец носил и ее, и свой автомат очень ловко, как что-то привычное.

– Стоим.

Они остановились за его спиной, изобразив на земле растянутый треугольник. Растянутый вдоль стены, как же иначе? Капитан-лейтенант постарался не сильно поворачивать голову влево и вправо, а разглядывать очередной раздолбанный домик скошенными глазами. Один этаж, да и тот в дальней от них стороне вроде бы начали сносить, а потом бросили. Не особо далеко виднелся остов недостроенного четырехэтажного здания – то ли будущего офисного центра, то ли просто многоэтажной парковки. Но до него был еще один ряд развалюх, а дальше торчал верхний край довольно высокого сплошного забора, выкрашенного в ярко-синий цвет.

– Неплохо вы тут устроились.

– Грех жаловаться. И выходы хорошие, и обзор в самую меру свободный... И пешком можно дойти, куда желание есть... Вон с той стороны, не видно сейчас, такой здоровенный новый дом был, из нескольких блоков с переходами. Я сам это не видел, но наши говорили, что он в самом начале сгорел. И вроде бы сам, без бомбежки. Питер же не бомбили особо. Здесь не центр, конечно, здесь всякое бывало, но... Это как-то сами. ГИБДД общими усилиями жгли, а это сами. Зато вот на Крестовский остров вообще никто даже посмотреть через прицел не посмел... И там сейчас такого понаставили, мы туда даже не пытаемся подходить, себе дороже стоять будет...

Антон отвлекся на подходивших вдоль стены здания людей и перестал слушать разговорившегося парня. Трое в непривычно сером камуфляже. Не вытертом и грязном до серости зеленом, как он привык, а именно исходно сером. Светло-серые и темно-серые вперемешку маленькие прямоугольнички, с вкраплениями чисто-черных и чисто-белых, – это он разглядел, когда трое подошли уже вплотную.

– Ну, здравствуйте.

– Здравствуем.

Взгляд командира подошедшей тройки Антону категорически не понравился. Слишком он был безмятежный и уверенный для человека, находившегося на оккупированной территории, в захваченном городе. Предатель? Прикидывающийся своим, а на самом деле уверенный в своем будущем?

Остановившись на этой смазанной мысли лишь на неуловимую долю секунды, он сам поморщился от неудовольствия. Никаких причин думать так плохо об этом человеке у него не было и быть не могло. Нервы. Вплотную достигающие того самого уровня «вот и завелся первый таракан», о котором упомянул тот же парень, проводник по хитрому двору.

– Командир взвода разведки Сомов, временное воинское звание старший лейтенант. Мои бойцы: командир отделения Петрищев, сержант, кадровый; стрелок Федотин, временное воинское звание младший сержант. А вы и есть, значит, те везучие ребята, которые... Угу, угу. Ничего... По вам видно, конечно, что не одним везением обходились.

Улыбка у старшего лейтенанта оказалась хорошая, спокойная. Она сняла то неприятное ощущение, которое у Антона возникло по отношению к самому себе.

– Капитан-лейтенант ВМФ Дмитриев, Калининградский Военно-морской институт... Преподаватель, кафедра радио... Курсанты Сивый и Иванов, оттуда же.

Ему все же не хотелось говорить о себе этому человеку все и сразу, в деталях. Как-то это не выглядело безопасным. Хотя, очевидно, делать это придется еще не раз. Вчерашняя проверка, с перекрестным допросом, была явно не самой последней. Не зря же их привели не на базу, а на что-то промежуточное. На карантин.

– Сивый, Сивый... Редкая фамилия...

Рома не ответил и даже вообще ничем не выразил, что услышал сказанное. Он разглядывал разведчика с выражением на лице, которое капитан-лейтенант затруднился интерпретировать. Ни разу такого не видел: ни у парня, ни вообще, за столько-то лет жизни.

– Ну, хоть кто-то без позывного будет. А может, и нет. Может, все равно придется... – Командир разведчиков в очередной раз оглядел их с головы до ног. – Ладно, не будем здесь стоять, ждать приключений. Пойдемте в гаражик, почирикаем.

Он плавно развернулся спиной к ним и направился в том же направлении, откуда пришел, едва не царапая шершавую стену своей курткой. Остальные потянулись за ним. При этом капитан-лейтенант совершенно без удивления отметил, что и два остальных разведчика, и снова онемевший боец-проводник посматривают чаще на их тройку, чем по сторонам. И оружие держат соответствующе.

– Здесь постоим минутку.

Одна из створок высоких сплошных ворот была почти полностью открыта наружу и загнута; выкрашенный в бурый цвет гофрированный железный лист согнулся неровно. Через эту половинку ворот можно было видеть заросший чахлыми кустами берег канала и сразу за ним – двор, заставленный поддонами со стройматериалами. Короткое взлаивание невдалеке – и старший лейтенант удовлетворенно кивнул. Звучало натурально: то ли настоящий пес гавкнул, то ли человек – но не отличишь.

В пустом гараже оказалось неожиданно уютно. Свет падал из нескольких застекленных узких окон под самым потолком. Все было привычным: обычное оборудование «не дилерской», частной автомастерской: подъемники, яма, системы для балансировки колес, верстаки. Высокие полки с инструментами и разнокалиберными железками. На одной из полок Антон увидел открытый, но выключенный нетбук и рядом с ним целую стопку разнокалиберных автомобильных атласов. В противоположном углу прямо на полу стоял покрытый пылью то ли бензиновый, то ли дизельный генератор.

Старший лейтенант Сомов покопался в стопке атласов и достал «Страны Прибалтики» и «Калининградскую область». Оба атласа были довольно потрепаны, но самого свежего года выпуска – 2012. Вместе с курсантами капитан-лейтенант показал маршрут движения, но потом пришлось вернуться к самому началу, к выходу из Калининграда.

Сомов и один из его ребят кивали, переспрашивали. Третью названий с того этапа маршрута капитан-лейтенант забыл, и курсанты его то и дело поправляли или дополняли. Описание первых двух засад смеха не вызвало – были втроем, со считанными патронами для считанных стволов, без оборудования... Сплошная импровизация. Понятно, что четыре пятых таких любителей оставались после своих смешных попыток на месте – убитые бойцами охраны колонн, убитые или плененные рейдовыми поисковыми группами, накрытые с воздуха. А им повезло, и это вызывало некоторое уважение даже у профессионалов.

– Личные карточки вы видели? – спросил Антон. – Я вчера вашему контрразведчику отдал всю стопку, сколько было.

Сомов отмахнулся, что Антона несколько обидело. Каждая из снятых с тела личных карточек означала убитого врага: как ни мало их было, они были самые настоящие. И в общей пачке лежали и те, что принес им старый комбат – морской пехотинец, и те, что

он добыл уже при них своим пулеметом. Как обычно, при этом воспоминании настроение испортилось.

Рассказали разведчикам обо всех пережитых боевых эпизодах – последовательно, с самого начала: с училища у двоих и с квартиры у третьего. Поведали о личных впечатлениях, о предположениях. И все же пришлось раскрывать детали, но постепенно это становилось легче. Комментарии, которыми по ходу дела обменивались разведчики отряда, были ссылками на какие-то эпизоды из собственного опыта, такого же неровного. И микропобеды, и микропоражения, и серьезные, трагические потери. Выглядели они как отражение приключений их собственной тройки. Начав воевать в Ленобласти в составе армейской мотострелковой бригады, командир отделения Петрищев прибил к отряду после разгрома его бригады в ночном бою. Выйдя из окружения в составе небольшой группы. Главным его достижением был к данному моменту сожженный «Страйкер» – отлично вооруженная, но посредственно бронированная гусеничная боевая машина, которую моряки не часто видели на дорогах. Второй из молодых сержантов, Федотин, – бывший полицейский. Про самого себя командир разведчиков не сказал ничего.

– Еще раз: это наглость, с самого начала. Глупо было даже надеяться. И да, я прекрасно понимаю, что это вообще было неправильно. Калининградский оборонительный район накачан военными городками, гарнизонами, складами. Очевидно, следовало продолжать работать там. Если не по колоннам и постам, то хотя бы по коллаборационистам и нефтянке. Но...

Когда Антон замолчал, его не поторопили, и он испытал за это такую яркую и теплую благодарность, что удивился сам.

– Но не хватало уже никаких нервов. Я не знаю, они вывеску собираются делать из Калининградской области, что ли? Для европейских телезрителей? Виселицы по перекресткам так и не стоят – лично мы не видели. Цивилизация какая-никакая осталась: народ с голода сию минуту не мрет. Даже часть старых флагов висит. Немецких и польских в три раза больше, американских видали считанные штуки. Но и наши старые есть, триколоры. Но меня, нас, даже не то напрягало, что нет такой оккупации, какая в тот раз была. В смысле, не в Калининградской области, а... То есть в Калининградской, но как было тогда, раньше везде...

Он понял, что запутался окончательно, и криво усмехнулся.

– А то хуже, что население почти все устраивает. Большинство. Подавляющее. Из уцелевших военных, на мой взгляд, больно мало действующих групп родилось. По тому, что мы видели, – капля в море. Но полно же парней и мужиков призывного возраста да в запасе! Подобрали в руки, что нашли потяжелее и поскорострельнее, разобрались по командам – и айда ближайший блокпост потормозить. Да щас! Ни фиги! Все сидят по квартирам и напряженно смотрят телепередачи польского и германского телевидения. И местные каналы на русском, которые снова прорезаться стали. Там все такие сахарные-сахарные! Типа «Эх, жисть-то какая наступит расчудесная! Вот как только этих совков там добьем... Немного осталось уже, чуть-чуть совсем». Вот те голоса помните, которые в рекламе? Идиотски счастливые? Вот этими самыми голосами и говорят.

Антон потрогал себя за горло ладонью и отвел мутный взгляд в сторону. С десятком таких любителей теплого кресла перед телевизором они за эти недели пообщались. Половина была твердо уверена, что если «Баварское» выдавать пока еще не начали, то уже вот-вот начнут. Возможно, кто-то уверен не был, но искренне делал соответствующий вид. Остальные с оглядкой возмущались агрессией, но полагали, что нет шансов дубьем выгнать вражеские дивизии с родной земли. Поэтому ничего не поделаешь. Надо сосредоточиться на заботе о семье. Оглядеться получше, подождать, не случится ли чего-нибудь неожиданно хорошего. Один умник на полном серьезе убежденно расписывал, как вот-вот долбанет Йел-

лоустонская кальдера – какой-то там подземный мегавулкан. И вот тогда-то... Моряки тоже смотрели в том году этот кинофильм про вулкан и мировой потоп, все трое. Но фильм был не документалистикой, а бредом, поэтому обидевшегося мужика обложили в три горла и заставили заткнуться. Тот заткнулся, потому что они были вооруженные и нервные, почему бы и нет?

Другие придумывали что-то еще. Или не придумывали, а просто вздыхали либо скрипели зубами, но присоединяться к обвешанной оружием группе не хотели. Или хотели, но не могли. Или могли даже, но вот точно не сегодня. Вариантов таких ответов они слышали немало. Во всех них не было бы ровно ничего особенного, если бы они звучали «среди других», хотя бы пополам, хотя бы в соотношении три к двум. Но ни хрена, все собеседники без исключения, со своими разными характерами и возрастами, твердо или мягко вели дело к одному: нет, ребята, воюйте сами, без нас. Нам жизнь дороже, какая ни есть... Десятки – и далее сотни, тысячи и сотни тысяч молодых мужчин сидели по домам. И с негодованием либо тоской смотрели на ходящие по их улицам патрули чужаков. Немногочисленные исключения – это были стариканы, постарше комбата, с трудом передвигающиеся по своим собственным дворам. Был один сопляк, которому даже пятнадцати еще не было. Этот рвался в бой, как Леня Голиков, но его мать смотрела так, что даже курсанты сказали «подрости, тогда приходи». Еще они видели одного раненого, которого на околотках мелкого поселка выхаживала одинокая бабка, опасаясь соседей. Этот был вояка, пограничник-срочник, и вот этот готов был рвать врагов зубами, но с травматической ампутацией особо никого не догонишь, увы.

Так они и остались вчетвером. А потом и втроем. Оправдываться Антон ни перед кем не собирался, просто объяснил:

– Ему все хуже становилось, мы это каждый день видели. Ни астма, ни сердце, ничего, но ему сил в ногах не хватало. Надо быстро идти, а он начинает хромать, а потом останавливается и ждет, пока ноги снова пойдут. Сначала каждые двести метров такое, потом, под конец, уже каждые сто или меньше. Говорил, что застудил. Мы сначала думали вместе двигаться... Машина ведь, а не бегом. Но уже на маршруте стало ясно, что нет, вместе не доедем. Он сам предложил остаться, «выйти на остановке», ха. Угадайте, где?... Я даже вместе вернуться предложил, но тут он уже сам на принцип пошел.

Капитан-лейтенант скосил глаза на курсантов: те сидели как каменные. Возразить что-то было трудно, обвинить его во лжи невозможно: именно так все и было. Дергающее ощущение где-то в глубине совести не уходило. Так помогший им со своим пулеметом, сделавший честную четверть работы в самой их лучшей засаде – старый моряк становился обузой, и это было понятно и ему, как командиру группы, и всем остальным.

– Ну?

Антон не понял вопроса, и разведчик, поддерживаемый своими бойцами, весьма вежливо переспросил: комментарий про «выйти на остановке» он не понял.

– В Марьямполе, еще до Каунаса... Попрощайся с нами, душевно так... Советов нам дал напоследок. Много.

– И пошел?

– И пошел. Указал, где остановиться, патрон дослал и пошел.

– Твою ж мать...

Сказано было с чувством. С правильным – с тем самым, с каким надо. Антон прикрыл на мгновение глаза. Лицо ушедшего на смерть старика-морпеха он помнил отлично. Впрочем, тот не сомневался, что напоследок повеселится. Шумнет, чем бог послал. Выглядел он не обреченно, а даже, пожалуй, весело. Впрочем, их самих тоже на кураж пробило. Может, потому и прошли, а?

Он обвел своих ребят взглядом: Роман посмотрел мрачно, Дима согласно кивнул. Польская машина и польская форма не гарантировали ничего. Физиономии на фотографиях с идентификационных карточек были похожи на их лица только очень отдаленно. Из десятка фото они отобрали три, которые более-менее подходили по возрасту и типу лица; старому морпеху категорически не подошла ни одна: ни единого старшего офицера среди убитых им врагов не имелось. Машина, которую им повезло захватить, была двухосным фургончиком типа старого «рафика», – но почему-то с маленьким г-образным кузовом сзади. В нашедшихся в бардачке документах было написано: «SMTS MLR-1», но никто из них не имел понятия, что эти аббревиатуры обозначают и какая из них соответствует индексу автомобиля, а какая заводу или вообще типу техники. Такого они никогда не видели.

Захватить его удалось тем же способом, каким им удавалась большая часть дел. Тщательнейшим, без экономии времени, планированием. Оставшись окончательно без бензина для своей, а точнее Роминой, легковушки-«девятки», их четверка который день осваивала пешие маршруты. Сперва по окраинам Красногорского – не особо крупного поселка на десяток улиц, располагавшегося сбоку от дороги 508, что чуть севернее Гусева. Оставив пулемет и обойдя с полдюжины домов с душевными разговорами, морпех нашел бодрого дедка, удивительно похожего на него манерами и даже выражением лица. Тот поселил всю четверку в задней комнате своего маленького дома, дал по очереди помыться в своей совсем уж микроскопической бане на заднем дворе, и вообще отогреться и успокоиться. Потом он начал совершать на пару с морпехом все более дальние выходы в треугольнике между Двинском, Ильиным и тем же Гусевом. Но уже через день у старого комбата стало совсем хреново с ногами, и его начали по очереди менять все трое. Дня через два они наткнулись на этот «SMTS», приткнувшийся задом наружу в воротах одного из домов Очакова – очередного мелкого поселка еще на пару километров к западу. Окраска под хаки или «охотничий зеленый», эмблема сухопутных войск Республики Польша сзади, а как выяснилось позже, вообще с каждой стороны. Запаска в необычном месте, под брюхом. Легкая лебедка спереди. Автомобильчик был похож на ремонтную «летучку» не особо понятной специализации – то ли по электрике, то ли по двигателям. Слишком мал для универсала. Экипаж у него состоял из двух человек: один был сержантом, второй старшим капралом. Оба крепкие парни лет тридцати, очень уверенные в себе. Вооруженные и очевидно привычные к оружию. Дружные. Категорически не голубки, а как раз наоборот – те еще жеребцы. Впрочем, не стремящиеся перепортить всех девок вокруг, а минимум три дня подряд захаживающие в один и тот же конкретный дом с парой молодок. Как без большого труда выяснил местный дедок у ближних соседей – разведенки и просто молодой девчонки. Очевидно, особо сильно нуждавшихся в продуктах из-за неудачных для наших хреновых дней профессий: преподавательница и вроде бы секретарь, только что добравшаяся к ним откуда-то из областного города.

К третьему дню распорядок визита бравых вояк к голодным дамам был известен уже в деталях. Как и пара других фактов. Округу контролировала 21-я Подгальская стрелковая бригада, являвшаяся отдельной. Она то ли служила резервом для всех трех воюющих в первом эшелоне, продвинувшихся уже далеко на восток дивизий польского 2-го Механизированного корпуса, то ли чем-то в этом роде. И ее бойцы испытывали сейчас совершенно идеальную пропорцию нервного ожидания скорой отправки на настоящую линию фронта – и шанса пользоваться пока всеми благами пребывания в глубоком тылу успешно оккупированной территории. Где за стандартный натовский суточный паек в картонной коробке можно купить массу комфорта, включая девочку по своему выбору на несколько часов. За два или три – даму из тех, кто глядел на тебя свысока столько лет подряд. И так далее, кому что нравится. И где если тебе не нравится реакция девки на вежливое и даже лестное предложение... С ней можно сделать вообще почти все, что угодно, лишь бы без особого шума. Ты победитель, тебе можно! Ну, пусть не сделать, пусть пока просто намекнуть – этого уже

вполне хватает. И, главное, как же здорово, что русские не могут смотреть тебе в лицо, стараются не сталкиваться глазами. Столько лет не боялись, а вот теперь наконец-то научились. И это все, это уже навсегда. Партизан здесь почти нет – а если слушать новости по ТВ, то нет уже совсем и окончательно. Впечатляющие результаты комбинированной засады, в которой двумя «МОИками», ручным пулеметом с оптикой и парой карабинов их импровизированная диверсионная группа положила полтора десятка человек безвозвратно, не озвучивались нигде и ни разу. Этого как бы не было, и вот этот факт заставлял задуматься отдельно и особо.

В общем, к третьему дню наблюдения моряки и дедок были на этой улице уже совершенно своими. Окончательно распланировав все возможное, они заблаговременно подтянулись во двор дома сябра², где и засели. Причем сябр повел себя совершенно правильно. Столкнувшись с заходящим в калитку вооруженным трофейным М4 незнакомым капитан-лейтенантом в форме ВМФ России, с погонами, он только моргнул. Когда моряков в его дворе стало четверо, приоткрыл дверь сарая. И пока трое сидели в полумраке, начал ходить туда-сюда с какими-то ненужными деревьями и инструментами типа клещей. Из всех сил не глядя на сидящих и ждущих кого-то в его дворе вооруженных людей. Что-то бормоча себе под нос, постукивая инструментами или теми же деревяшками о стену дома, – то есть демонстрируя что-то типа «я при деле». Машина приехала к его соседкам ровно в то же время, что и вчера, почти минута в минуту. Капитан-лейтенант предполагал, что ремонтники освобождаются от своих служебных занятий по-разному в разные дни. Сделанная ошибка в расчете, из-за которой они мерзли и волновались лишние два часа, не расстроила его совершенно.

Дождавшись, пока громкие приветствия во дворе напротив стихнут и дверь закроется, Антон посмотрел на часы. По его расчетам, четверти часа должно было молодежи хватить, чтобы покончить с прелюдией и оглохнуть, как тетерева. Но волновался он так, что назначенное самому себе время не выдержал и дал отмашку уже через десять минут с копейками. И даже странно, что так волновался. В дом пошли комбат и Рома, оставившие большие стволы позади и взявшие по пистолету в карман. И по ножу. Капитан-лейтенант даже глаза прикрыл, чтобы не смотреть в сторону чужой двери. Стрелял он уже давно без колебаний, но никак не мог представить себя убивающим врага ножом. Просто не укладывалось в разуме, в голове.

Рома Сивый вернулся через три минуты – заглянул в калитку и спокойно кивнул.

– Ну? – не выдержал офицер. Ему самому стало неловко перед молодым парнем, но слово уже вырвалось.

– Нормально прошло, спокойно. С крючком повозились, а там... – он не закончил, махнул рукой. Капитан-лейтенант машинально проводил его ладонь взглядом и снова передернулся.

В дом ему заходить не хотелось, но, разумеется, пришлось. Обе молодые женщины были уже кое-как одеты и сидели рядом на одном диване перед выключенным телевизором, бледные от страха. Стараясь не глядеть в угол комнаты, где Дима сноровисто и деловито перетряхивал карманы форменных курток и брюк. Оба тела лежали прямо под его ногами, лицами вниз. Крови особо видно не было – если и напачкали, то не здесь. Одного перенесли или перетасили с дивана, второго... из другой комнаты, наверное, – откуда же еще? Дом был обычным: сени, кухня да горница, а на втором этаже наверняка спальня. Значит, оттуда снесли.

– Чего хорошего?

– У одного пистолет необычный. Никогда не видел такого.

– Покажи.

Дима показал, и капитан-лейтенант пожал плечами, причем совершенно равнодушно.

– Рома наверняка скажет...

² Сябр, также шабр – сосед, обычно сосед напротив (диалектизм).

Курсант даже не спросил – констатировал. И тут же, без паузы, передал документы убитых. «Siły Zbrojne Rzeczypospolitej Polskiej» было написано на карточках обоих. «LEGITYMACJA». И фотографии. Оказалось, что один похож на него самого, и это прекрасно. В имена же Антон не вчитывался, будет еще время.

– Ну что, подруги, очухались?

Ромин тон офицеру не понравился, его развязность маскировала напряжение и угрозу. Обе женщины это тоже почувствовали, и молчали.

– Курсант, прекратить.

Рома смерил своего командира взглядом, но тут же закрыл рот. На сунутый под нос пистолет мельком взглянул, буркнул: «Польский “ВИСТ”... девяносто четвертый», – тут же развернулся и почти было снова ушел, но остановился.

– Товарищ... капитан-лейтенант... Это 21-я бригада, там написано...

– Да.

– Они после Афгана.

– Что?

– Опытные вояки, говорю. Много лет в Афганистане воевали. По ротациям.

Все трое снова занялись делом, и только тут Антон понял, что не видит старика – морского пехотинца. Но тот спустился со второго этажа через минуту: бодрый и довольный собой. При его появлении лица обеих женщин исказились – казалось, дамы вот-вот закричат. Но они так и не закричали, а сидели оцепенев. Как две мыши перед... Ну, если не тигром, то хотя бы манулом или камышовым котом. Смертельно опасным.

Женщин в итоге не тронули. Собственно, было бы странно, если бы они выбрали другие варианты. Куда те потом сбежали, как и где прятались от наказания за то, что «миротворцев» прикончили в их доме, – бог их знает, это никому из моряков не было интересно. Да и размышлять некогда: с этого момента события шли быстро. Добытые два комплекта документов и формы были даже не главным – у них уже имелось и то и другое. Капитан-лейтенант взял себе удостоверение одного из убитых просто потому, что был на того похож. Самым главным была машина. «SMTS» перегнали к своей временной базе и торопливо закидали в грузовичок все, что сочли самым ценным. Все оружие, все боеприпасы, все аптечки. Продукты не брали – шансы воспользоваться ими минимальны, а остающемуся старикану, хозяину их временной «партизанской базы», они были нужнее. Часть одежды оставили тоже. Машина действительно оказалась чем-то вроде ремонтной «летучки», и даже в заваленном железяками и банками смешном кузове осталось еще полно места.

Двое в кузов, двое в кабину – так они думали. Найденные в машине и на убитых документы были явно не способными довести их до линии фронта. Если она есть. Или, во всяком случае, до Большой земли, если линии фронта уже нет. Рома вписал в найденные бумаги, похожие на путевой лист, несколько соответствующих выбранному маршруту названий: польский он знал неплохо. После трехминутного спора отобрали «двоих в кабину», перебрав всю нетолстую пачку идентификационных карточек. Женщина отпала, разумеется, сразу, а остальных кандидатов было не так много, чтобы слишком привередничать. На фотографиях все поляки выглядели глуповато-испуганными или глуповато-спокойными: выражения их лиц были отлично знакомы всем, кто хоть раз фотографировался на какой-нибудь документ, хотя бы на пропуск в бассейн. По типажам кроме Дмитриева более-менее подошел бывший курсант, а ныне рядовой Иванов.

Все эти минуты они почему-то ужасно спешили. Это было какое-то сумасшествие, особенно на фоне вдумчивого планирования операции по захвату машины, долгих часов ожидания да и вообще пассивности в последние дни. Израсходовав две чудовищные по эффективности противопехотные мины МОН-90 и две трети патронов в одной засаде и добившись при этом несомненного успеха, они как-то все притихли. Не расслабились, не «почили на лав-

рах», не сочли себя суперменами, а именно чуть успокоились. Пока Рома вел машину, начавший размышлять и анализировать командир маленькой группы неожиданно понял: оказывается, это они осознали, что уже окупили свои жизни. Почти двумя десятками убитых врагов, поделенными на всех их четверых, – да, окупили. Теперь можно было и умирать.

Эта мысль настолько его поразила, что две трети пути до Мариямполья он просидел, тупо глядя внутрь себя и не обращая внимания на окружающее. На бывшей госгранице, как ни странно, никакого особого контроля не имелось: шлагбаумы перманентно открыты, и литовские погранцы с одной стороны, и польско-американские – с другой проводили доброжелательными взмахами рук их «SMTS» с куцыми белыми орлами на бортах, капоте и корме. Однако перед задрипаным поселком Сердокай их остановили. И вот здесь оказался полноценный блокпост. Несколько огневых точек, обложенных бетонными блоками. Смотрящее прямо на изгиб шоссе из своего гнезда что-то не особо узнаваемое в тени, но серьезное: вроде станкового гранатомета или крупнокалиберного пулемета. Минимум отделение на проверке, и бог еще знает сколько внутри, за бетоном и сложенной из пузатых пластиковых мешков стенкой.

– *Prosze, na mnie zaczekac*’... *Prosze, o pan’skie dokumenty*³, – с запинкой спросил у них старший наряда. Антон посмотрел равнодушно и тупо, хотя мог бы, наверное, что-нибудь ответить и сам. Взведенный и снятый с предохранителя пистолет, уложенный Роману на колено, смотрел в живот пограничника через жесть дверцы. Роман протянул в окно со своей стороны оба удостоверения и бумаги на машину, включая липовый маршрутный лист. Капитан-лейтенант отметил, что вид у курсанта уверенный и даже несколько надменный: какой и положено иметь входящему в состав боевых частей сил НАТО в Европе поляку, глядящему на прибалтийское быдло. Тарабанил Рома непрерывно, останавливаясь, только чтобы ткнуть пальцем вперед, а затем снова в документы. Через два десятка секунд он получил обе карточки и несколько бумажек обратно: никакого сканера у пограничника не было, вся проверка шла только органолептически.

Литовец вставил несколько междометий, но диалог вышел довольно односторонним. Рома с разными, все более жесткими интонациями повторил словосочетание *kolumna samochodowa*⁴. Оно оказалось чуть ли не единственным, что капитан-лейтенант четко понял из его слов, кроме названий населенных пунктов по их маршруту. Пограничника парень именновал *pan mlodszy podoficer*, хотя даже его слабоватый в языках преподаватель радиотехники был в курсе, что правильно будет *jaunesnysis puskarininkis*⁵. В коротких фразах прибалта, он, как ни странно, уловил еще слово «водка», но больше не понял вообще ничего. Пограничник наконец козырнул, и мелко кивнувший ему Рома, вслепую сунувший бумаги вправо, тут же тронул машину с места. В последний момент капитан-лейтенант столкнулся взглядом с рядовым, стоявшим за правым плечом своего унтера. Довольно похожим на прибалта всем, кроме выражения темных глаз. Равнодушие на лице удержать удалось, хотя Антон видел, что парень усмехался.

Будь его воля, он приказал бы уходить с дороги на Мариямполье, как только блокпост скрылся из вида. Двинули бы куда-нибудь через Пилвиски на Казлу-Руда, а дальше будет видно. А теперь вроде бы было уже поздно: короткие минуты и короткие километры шли, и казалось, что до самого Мариямполья не окажется ни одного поворота на любую обходную дорогу. Но нет, нашелся. За мостиком через очередной безымянный ручей мелькнул нерегулируемый перекресток, который они тут же едва не проскочили. Двухполоска шла влево,

³ Подождите, пожалуйста... Попрошу ваши документы... (*польск.*).

⁴ Автоколонна (*польск.*).

⁵ Младший унтер-офицер (*лит.*).

простая асфальтная нитка – вправо. Рома остановил грузовик сразу, как его командир произнес «стой», – реакция у парня была, как у сталкера в старой книге.

– Выходим, говорим с ребятами.

По шоссе в любой момент мог кто-нибудь проехать по своим делам – в этой стране был как бы мир. Но пара минут ничего особенного не значила, потому что они выглядели достаточно правильно. Все четверо в форме, с открыто носимым оружием. Один сидит в кузове, свесив наружу ноги, – так, что в тени не видно его немолодое лицо. Остальные построились короткой цепочкой, и то ли собираются коллективно удобрять обочину, то ли уже начали. Ни одному водителю или пассажиру часто проезжающих мимо машин – что военных, что гражданских – не приходило в голову вглядываться.

– Унтер сказал, впереди серьезная проверка. Мол, если везем водку, то отберут.

– Стереотип... поляки... Что бы он американцам сказал, а?

Почему-то никто не ответил, и все они молчали несколько долгих секунд. Понятно, что кузов «летучки» откроют обязательно. И понятно, что старый морской пехотинец ни при каком раскладе не сыграет перед проверяющими своего. Да и курсант Иванов тоже – он, в отличие даже от капитан-лейтенанта, не знал польского вовсе. Ни на «бе», ни на «ме», ни на «кукареку». А проверяющими на 90 % будут нормальные натовцы, а не местные. Или смешанный пост будет.

Напрашивалась идея выдать ребят за пленных, но она была такой наивной, что можно было даже не пробовать. А за кого еще, не знал никто из них. Идей просто не было. Единственным их вариантом было ехать без проверок кузова. И глубоких проверок документов и знания польского. При каком-то на редкость хорошем раскладе это работало, но с самого начала они относились к подсчету шансов философски.

– Возвращаемся, да? – предложил Дима. – Пугнем этих?..

И тут же выдал напрашивающуюся альтернативу:

– Или на радиус. Пилвиски километров десять к северу... Вправо, к белорусской границе, точно не надо – наверняка в три слоя проверки. А вот там – черт его знает... Может, и прокатит.

– Можно быть уверенными, что, куда ни двинем, пара постов нас точно ждет. Мы даже эту смешную проверку на самом-то деле не прошли, не надейтесь. Несмотря на Ромин свободный польский и мою рожу кирпичом. С выбитым поверху «а мне по фигу».

– В смысле, не прошли?

– А так. Рядового справа видел?

– Нет, откуда мне.

– Ну да... Вот Рома видел, спроси его. Тот аж дышать забыл, так ждал, что сейчас будет. Когда его уболтанный унтер нас вежливо послал, тот рядовой, видимо, решил не связываться. Хотя мог выслужиться и заработать медаль и лычку. Но не стал. Хотя лично я не сомневаюсь, что насквозь нас видел. Русский... Один раз повезло – и слава тебе, господи... Но второй раз может быть хуже.

– Машина наверняка чипирована, – дополнил Роман. – Но движение в нужном направлении – это, думаю, нормально. «Техничке» простят и не такое. И что одиночка – по той же самой причине нормально. Едем себе, ищем поломанные машины своей бригады. Не дай бог, находим... А так едем до самого до Питера. Или хотя бы Пскова.

– А я предлагаю не заморачиваться, – спокойно и даже как-то насмешливо сказал старый голос из кузова. – Едем как ехали. Мы сидим готовые. Как нас тормозят – кладем всех, кого успеем. У меня лента почти полная. Делаем?

– Нет, – снова как-то оглушенно сказал Антон, понявший смысл слов старика сразу. – Не делаем. Такой размен... Нам это не выгодно.

Тот фыркнул, но, помолчав, добавил:

– Тогда меня одного.

Они спорили, но почему-то не очень долго. Самому капитан-лейтенанту было ясно, что это решение правильное, – и то, что «так нельзя», не имело никакого значения. А вести длинную аргументированную дискуссию не место и не время. В любую минуту их могла догнать какая-нибудь колонна. Против даже одной-единственной бронированной машины они были беззащитны, и уж это понимали все.

Прощание вышло коротким и деловым. И все-таки душевным, как Антон и сказал разведчикам. Мариямполь являлся довольно крупным городом: на самом деле, одним из крупнейших в Литве. Почти пятьдесят тысяч жителей. Тем более странно, что на въезде в него никаких блокпостов и проверок не было: разве что обычный пост дорожной полиции. Местные гаишники проводили их равнодушными взглядами. Город был весь во флагах: Литвы, ЕС, даже темно-синих с белой эмблемой флагах НАТО. Вышедший из их остановившейся машины старик глядел на все это, широко ухмыляясь. Рассеянно пожал всем троим по очереди руки. Без особой натуги взял свой замечательный ручной пулемет. И пошел.

Дождаться того, что будет, они не стали. Завелись и поехали дальше. Не оборачиваясь. Теперь от этого хотелось выть. Все-таки, хотя иначе, наверное, действительно было никак, это было неправильным. Но неправильным было слишком многое, начиная от самой войны, и от осознания этого становилось чуточку легче...

– Ладно, – неприятно громко и четко сказал командир взвода разведки Сомов. – Ладно, давайте к другому. Про ближний участок маршрута.

Они рассказали, точно в таком же формате: с дополнениями и поправками. Как ни странно, этот рассказ вышел более скучным. Отрезок от Мариямполья и Кедайня и аж до самой Опочки прошел вообще без происшествий. Две проверки, обе смешанными постами: местные и чужаки разных национальностей. Рома тархтел на польском и тыкал рукой в карту, пан офицер надменно оглядывал проверяющих и время от времени что-то буркал на языке Коперника, Сенкевича и Сапковского, а то и на английский переходил. Дима дрых в кузове. Каждый раз все было на грани, и каждый раз было понятно, что решение старого моряка было совершенно правильным: с ним они бы не прошли ни за что.

Техническая машина, судя по всему, оказалась нечипированной: никакой направленной погони не было. А может быть, помог бардак, обычный для любой армии, в том числе воюющей: вряд ли вспомогательные части WL⁶ являлись неожиданным исключением из общего правила. Под Опочкой удалось заправиться, остановив шальной внедорожник с дизельным двигателем. Его бритый наголо хозяин и его напарник возражать «полякам» не рискнули. Да, это был натуральный гоп-стоп, но хозяевам машины оставили осьмушку бака: за чем бы ни вылезли они в своем «Санта-Фе» на дорогу, куда-то они все еще могли доехать. Сложно сказать, приняли ли переодетых в чужой камуфляж балтийцев действительно за оккупантов: может быть, и нет.

В районе Середки, уже огибая Псковское озеро, сожгли вышедший из строя и ждущий на дороге помощи грузовик голландского контингента. Судя по документам обоих убитых, принадлежавший 43-й механизированной бригаде. Это были первые и последние голландцы, которых они встретили на всем маршруте: черт их знает, откуда они там взялись. От ремонтной машины с белыми польскими орлами и трех потасканных солдат союзной армии эти ребята подлянки не ожидали и встретили их буквально с радостью. Антон впервые в жизни своими глазами увидел, как человека убивают ножом, и это ему не понравилось категорически. «Своего» врага он застрелил из пистолета в упор, и остался в полной уверенности, что выражение на его собственном лице оказалось потом не таким нехорошим, как Ромино. Разжились очередной разновидностью стрелковки, очередной аптечкой, так обра-

⁶ Сокращение от *Wojska Lądowe Rzeczypospolitej Polskiej* (Сухопутные войска Республики Польша).

довавшей потом того же местного доктора, и прочими полезностями. Трупы сожгли прямо в кузове. Тот был набит покрышками и колесами в сборе, и оставшийся позади грузовик выдал такой столб черного дыма, что они пожалели о сделанном. Но, как обычно, было уже поздно.

Пару раз замечали в небе беспилотники: вроде бы оба раза разведывательные. Раз тридцать разминулись с машинами «миротворцев», идущими навстречу, или догоняющими, или обгоняемыми. Каждый раз те включали на секунду дальний свет: именно не мигали, а давали будто световое тире. Возможно, это был какой-то опознавательный сигнал, но Антон сомневался, потому что больно уж просто. Если бы тире-точка, было бы больше похоже, а так...

Через Гдов и Сланцы доехали до Порхово, по окраинам обошли Кенгисепп. Дальше дорожная сеть стала гуще, и аж до Войсковиц удалось пройти вообще без единой встречи «не с тем, с кем надо»... На этих словах слушающий их рассказ Сомов улыбнулся – то ли ему понравилось слышанное с детства выражение, то ли он окончательно перестал верить. Однако объяснение того, почему они не продвинулись дальше на восток, выслушал с пониманием, кивая. Не сумели, не смогли себя заставить. Постов на дорогах им попадалось все больше, провожали до крыши грязную после проселочных дорог машину все более долгими взглядами, и мурашки бегали по телу у Антона все гуще. Когда выяснилось, что не у одного него, и когда покалывание интуиции в пробиваемой болью голове превратилось уже в настоящий колокольный звон, он приказал сворачивать и идти к северо-западу. Да, можно сказать, что струсил. И даже интересно, что этого никто не сказал вслух.

Дизтоплива и удачи им едва хватило до Ломоносова: «летучка» была все же тяжело-вата и на грунтовках двигатель жрал солярки больше, чем можно было надеяться. Дозаправиться не удалось больше ни разу, дороги были пустынными, попадающиеся на маршруте деревеньки казались мертвыми. Один раз они увидели над домом триколор и даже удивились – сюда война, похоже, еще не добралась. Впрочем, триколоры изредка попадались и в очевидно оккупированных городах – с ними новая власть не особенно, наверное, и боролась. Оставив сослужившую свою машину в каком-то раздолбанном хоздворе, не отмеченном в их картах, все трое дотопали последние километры до залива пешим ходом и почти налегке. Пригибаясь и оглядываясь. Наткнувшись на что-то вроде разрабатываемого гравийного карьера, пообщались со сторожем. Тот почему-то не сбежал, продолжал сторожить оставленную технику и слушал радио. Лет сторожу было под семьдесят, «поляков» он встретил матами, и, когда ему, четырежды повторив одно и то же, доказали, что свои, он смешно и долго извинялся. Настоящие поляки его бы к этому времени давно застрелили бы на фиг. Сторож и рассказал им про оборону Кронштадта.

– На два дня мы, судя по всему, опоздали, – заметил разведчикам по этому поводу Антон, – всего на два. Имели все шансы, если бы пораньше отправились. Но...

Все замолчали, мрачные и злые, как вороны. Кронштадт действительно держался долго. Дольше, чем можно было надеяться при таком неравенстве сил. Моряки и солдаты, курсанты и ополченцы обороняли развалины десятков военных частей и военных складов многие дни. Почти без техники, со считаными единицами тяжелого вооружения, в подвалах, в оставшихся от целых кварталов руинах и остовах севших на грунт кораблей и судов они держались и держались: один день за другим. Под конец Кронштадт долбили уже совсем тяжело, уже совсем без перерыва. По сотрясению земли и глухим ударам воздуха в уши сторож карьера и судил о ходе боев. И по тому, что стояло на горизонте, в пяти-шести километрах через мелкий залив: по сплошным столбам дыма днем и яркому зареву ночью. Город залили напалмом из конца в конец, и страшно было даже подумать, каково пришлось оставшимся в нем гражданским. Даже разрывы снарядов ствольной артиллерии, сыплющихся с неба бомб и бьющих с побережья по квадратам ракетных систем залпового огня не были на фоне напалмовых пожарищ такими яркими. Потом вспышки серий разрывов начали затихать, а пожарища остались, даже расширившись и захватив город уже целиком. Купола Мор-

ского собора давно не было видно, но сам сторож все еще надеялся, что это опять же из-за дыма. Дыма до сих пор везде было много, и, когда ветер дул с Кронштадта в их сторону, в слои дыма вплетались порхающие, невесомые кусочки бумажного пепла и чешуек копоти. За какой-то час они могли покрыть любую поверхность сплошным слоем, и земля на ощупь стала почти жирной.

– Мы искали катер, – рассказывал капитан-лейтенант, – но ничего не было. Наверное, не там искали. В итоге нашли спасшлюпку, представляете?

Он, может, и ожидал, что разведчики удивятся, а может, и нет: вопрос вышел почти равнодушным.

– На борту индекс латиницей почему-то: хрен ее знает, откуда она взялась. НЗ не было. Шестивесельная. Грести хреново было.

– Почему, вас же трое? – поинтересовался один из сержантов-разведчиков, и Антон заметил, что Рома посмотрел на ровесника с иронией.

– Потому и хреново, что трое. Ни то ни се. Двое гробут, один на руле. Она тяжелая была, как сволочь. И мы постарались, загрузили: две ходки до машины и обратно своими ногами. По самые банки груза. Вот и...

– Ну и молодцы, – Сомов кивнул уважительно. Или с долей иронии? – Морские волки.

Ага, значит, ирония все-таки имеется. Но вообще им можно было и гордиться сделанным. Пройти столько на паре весел – это серьезное достижение даже для подготовленных людей. Какая-то шлюпочная подготовка у них была, на то они и моряки, – но, чай, не Билли Бонсы... Помогли дым и потом долгая ночь и, может быть, не самый обычный маршрут. Их так и не заметили. И повезло, что ветер дул в нужную сторону, подталкивая неповоротливую, крашенную в снежно-белый с охряно-красным цвет шлюпку в правую раковину. Менялись они сто раз, не меньше, и почти сдохли все трое. Но догребли до города еще до рассвета, высадились на травяной откос и еще с десятков минут лежали, стараясь сдерживать стоны и унять головокружение. Кровоизлияния были не только под ногти – следующие сутки моча у каждого шла бурая от крови. Оглядевшись и чуть отдышавшись, вернулись назад и очень осторожно прошли вплотную к берегу еще сколько-то сотен метров, прячась от чужих глаз. Думали спрятать шлюпку под виднеющимся впереди мостом, но не дошли, не рискнули. Вместо этого тихонько приткнулись к одному из многочисленных здесь пирсов, среди многочисленных яхт и катеров: серьезных и не особо серьезных. Сколько стоят яхта или катер, все трое знали, и впечатлились тому, как много их здесь было.

Когда стало светать, накрылись скомканным грязным брезентом – и так и провели в шлюпке полный день. Отлеживаясь и слушая редкие перестуки выстрелов на далеких улицах города, в который так стремились. И только к вечеру осторожно выбрались на пирс, а за ним на берег.

Сам Антон в Петербурге был раза три и считал, что сможет ориентироваться в городе неплохо. Сходные иллюзии имелись, как оказалось, и у Ромы. Второй курсант сразу признался, что ездил сюда классе в пятом или шестом и лучше всего запомнил Зоологический музей и еще почему-то какое-то кафе на Петроградской стороне. В первом же «ближнем выходе» они капитально заблудились и выбрались к ставшему уже почти своим пирсу не сразу, а потеряв несколько часов. Потом все-таки рискнули среди ночи пройти под Большим Петровским мостом – вымазав шлюпку грязью и для бесшумности обмотав лопасти весел тряпками, как какие-нибудь древние греки или пираты. Зашли в вонючую медленную Ждановку и тут пришвартовались окончательно, найдя себе показавшуюся подходящей «точку опоры»: раздолбанный дом за здоровенным бетонным забором с несколькими проломами. Дом на четверть представлял собой то ли мастерскую, то ли какой-то недоделанный ангар и в целом оказался даже немного похож на тот же самый блок, в котором базировался принявший их сейчас отряд.

За дни пребывания в Питере моряки не сделали ровно ничего полезного, так и не начали чувствовать себя освоившимися и наконец подъели почти все свои продукты. Поэтому встречу с местными бойцами восприняли на ура. В отряде же, разумеется, отнеслись к новичкам с разумной и вполне объяснимой настороженностью. Казалось, так будет еще довольно долго. О составе отряда и его действиях никто ничего не рассказывал: моряки до сих пор понятия не имели, ни есть ли у него название или хотя бы номер, ни кто им командует. О том, что отряд является реальностью, а не пшиком, можно было только догадываться по отдельным многообещающим деталям. Вроде четко организованного питания и упоминаний о штатном военвраче. Хотя оружие им оставили без вопросов.

– Чувствую, бойцы, устроят нам парочку «проверок на дорогах» в самое ближайшее, – ляпнул капитан-лейтенант, когда затянувшийся рассказ о накопленном опыте и наблюдениях прекратился и их повели из гаража куда-то еще. Именно ляпнул, совершенно машинально, потому что, хотя командир разведчиков остался позади, оба его сержанта были рядом: один спереди, второй сзади.

– Да мы чё, мы ж не против, – добавил он, когда бывший полицейский обернулся и смерил его взглядом, одновременно вернув ладонь левой руки на пистолетную рукоятку своего укороченного автомата. – Лишь бы по делу.

– По делу, не сомневайтесь.

Голос у сержанта был глубокий и богатый, совершенно не подходящий его лицу. Угрозы в нем Антон не расслышал и счел это хорошим признаком. В очередной раз обругав себя за граничащую с тормознутостью глупость, он попытался отогнать мысль о том, что почти наверняка вместе с самыми настоящими партизанскими отрядами и группами здесь действуют и ненастоящие. Ловушки, стягивающие на себя одиночек, активно ищущих своих. Таких, как они. Здесь ничто не напоминало ловушку, но такое наверняка случается. Поэтому перестать время от времени думать об этом он не мог.

За короткие дни в городе они насмотрелись всякого. Кое-чего – слишком много. Вид убитых давно не шокировал никого из троих, но здесь убитыми становились совершенно явные некомбатанты. Не действовали ни старая полиция, ни какая-либо новая структура, которую оккупанты неизбежно должны были начать организовывать и внедрять. А в отсутствие власти мгновенно организовались из как бы «мирных жителей» банды большей или меньшей степени жестокости, плотно обложившие кварталы и превратившие их в подобие феодальных ленных владений. Ровно как и предсказывалось в многочисленных фильмах про постапокалипсис. Тысячи людей сейчас сидели по квартирам и доедали остатки продуктов, и можно было только догадываться о том, что будет, когда последние консервы кончатся у всех. Но вода была нужна людям сейчас и каждый день – водопровод не действовал с самого начала. Рек и каналов уж в этом-то городе было полно, но каждый выход с ведрами и пластиковыми флягами по воду был смертельно опасен. А человеческая жизнь не стоила почти ничего. Человек, который несколько недель назад был востребованным специалистом, нужной частью общества, вдруг осознавал, что государства уже нет и что от власти вылезших из неизвестности тварей его не защитит уже совсем никто. Защищаться самим – как? Оружие было только у бандитов, а даже решимость и храбрость, помноженные на топор, молоток или арматуру, не дают много шансов против пистолета или обреза в привычных к ним руках.

Они слышали немало таких историй и составили более-менее общую картину, останавливая внешне вызывающих доверие людей подальше от своего временного убежища. Задавая короткие вопросы и получая длинные иногда ответы.

Город был уже почти мертв, хотя по нему не били тяжелыми боеприпасами, а население в основном не трогали. Официально геноцида не было. В смысле, «миротворцы» мгновенно и без колебаний стреляли в ответ на любую угрозу или призрака угрозы, или когда им казалось, что угроза может появиться. Других арестовывали и уводили – о дальнейшей

судьбе взятых никто никогда не знал, а ушедшие что-то узнать о своих близких просто не возвращались.

Но вроде бы действительно не хватало и не убивали всех подряд. Всегда имелся какой-то повод – иногда поверхностный, но хоть какой-то. Однако все равно жить здесь людям было не просто опасно, а опасно смертельно. «Убит на водопое» стало расхожим выражением. Не вызывающим улыбки даже у самых убежденных циников. «Выбили дверь, ворвались в квартиру... Человек восемь или девять, старшим у них Игорь, кажется, – он вон в том киоске 24/7 раньше сидел... Хозяев насмерть забили, старуху живой в окно, детей увели... Тот инженер на «Севкабеле» был, а она училка в той вон школе... Дочкам по семь-восемь лет было. Нет, никто не знает, куда...» От каждой такой истории хотелось начать действовать немедленно, не считая патроны, – но таких историй были многие и многие сотни, почти одинаковых. Сделать что-то пусть не для всех, но здесь и сейчас? Да, они к этому шли. Еще бы день, и они начали бы. Слаженная в стычках с настоящими бойцами тройка с автоматическим оружием в руках у каждого – да, это было по местным меркам немало. Они решили: «Завтра, вот здесь, у натопанного спуска к воде», – и как раз в этот день встретились с шарящей по району группой отряда. Как раз у кладбища, кстати.

Да, во дворах росли кладбища. И лежали в мелких, сочащихся сладким запахом могилах не только убитые. За одну прошедшую неделю сами покончили с собой сотни человек в одном только этом районе: и старые, и молодые, не нашедшие в окружающем неожиданном безумии никакой перспективы, не видящие никакого шанса. И за то же самое время еще больше людей умерли от застарелых и вновь проявившихся болезней.

Службы «Скорой помощи» не было, «неотложки» не было, поликлиники и больницы по городу были почему-то почти без исключения сожжены всего за несколько дней: первых же дней без власти. Отдельные храбрые врачи и фельдшеры ходили по квартирам с охраной, но найти действующего врача оказывалось непросто. Хотя бы опять же потому, что телефоны были глухи, а каждый выход из-за защиты стальных дверей был риском. Аппендицит означал почти стопроцентную смерть, выкидыш означал смерть. Закончившийся у любого немолодого человека запас конкретных необходимых лекарств означал срыв в аритмию или гипертонический криз, а и то и другое, с заметно отличающейся от нулевой вероятностью, означало смерть.

В каждом городе мира живут тысячи человек, страдающих сахарным диабетом, в одном Петербурге их проживало сто с лишним тысяч. К этой минуте более половины этих людей уже не было в живых. Дизентерия ходила вокруг и заглядывала в каждое приносимое в дом ведро с водой. Появилась холера, которой в России не было с 80-х годов: за неделю она убила тысячи.

Антибиотики стали реально на вес золота: собственное производство антибиотиков было в России практически разгромлено за долгие годы «реформы здравоохранения», – да и какая разница, если цены на лекарства сейчас не контролировал уже никакой закон. Люди, догадавшиеся, когда началось, грабить не сетевые гипермаркеты, а многочисленные аптеки, – могли жить теперь припеваючи. Упаковка таблеток банального левомецетина или тетрациклина шла с рук по 150–200 евро, по 600–800 старых долларов или по 25–30 новых амеров, которых все равно еще ни у кого не было. Упаковка инсулина для инъекций – почти по столько же, всего не намного меньше. Картридж к фильтру для воды, типа банального «Гейзера» – раза в три дороже. И так далее. Золотое обручальное кольцо могло купить несколько дней жизни. Когда золото и вообще что-то ценное в доме больного человека заканчивалось, это означало смерть. И в любом случае каждый выход из дома на поиски лекарств превращал человека в мишень.

Что все не совсем уж беспросветно, они убедились уже вечером, в той же ненастоящей «столовой». Моряки ужинали в одиночестве, принеся им полные миски с кашей и едва

теплый чай мрачная девушка тут же куда-то ушла вместе с их сопровождающим. Во время этой молчаливой паузы в холодную «столовую» зашли два парня не старше 17–18 лет. Оба были вооружены нормальными «АКМ» и имели усталый, деловитый и спокойный вид. Лицо одного из них, который казался чуть постарше, украшала здоровенная царапина, увенчанная цепочкой шариков из темной свернувшейся крови. Солнце еще не село, и проникающего сквозь пыльные окна света было пока вполне достаточно.

– А, вы эти... – произнес он от входа не особо любезно.

– Не «эти», а «здравия желаю, товарищ капитан-лейтенант».

Парень застыл с миской в руках – очевидно, задумался. Впрочем, это заняло не особо долгое время, какие-никакие навыки у него имелись.

– Виноват, товарищ капитан-лейтенант. Обознался с устатку. Однако. Вот ведь. Вино-ват.

– Не изображай чалдона, боец молодой. Имя, звание?

– Рядовой Березин, второе отделение учебного взвода.

К этому времени он поставил миску с кашей на ближайшие козлы и встал по стойке смирно. Второй парень, который был еще моложе, повторил его движения в точности.

– Рядовой Петров, то же второе отделение. Учебного взвода.

– С наряда, бойцы?

– Никак нет, с выхода.

– Да ну? Вас уже на выходы берут?

Капитан-лейтенант не был вполне уверен, что понял сказанное правильно, но соби-рался выжать из молодых максимум. Однако почти сразу же сзади появился один из двух знакомых сержантов-разведчиков и передал приказание явиться. Таким значительно-нехорошим голосом, что пришлось подчиняться тут же, даже не доев. Со стуком и вздохами положив ложки, моряки вышли, провожаемые спокойными, ничего особо не выражающими взглядами молодых бойцов «учебного взвода», чем бы он там ни был.

В этот раз провожатый отвел их в часть здания, в которой они еще не бывали. И наконец-то представил кому-то, по крайней мере внешне похожему на старшего офицера. Темноволосый худошавый мужик среднего возраста, опять же с усталым лицом. В глазах боль – это чувствовалось почему-то сразу. Камуфляж потертый, но чистый, автомат тоже потертый, и сразу видно, что ухоженный.

– Лейтенант медслужбы ВМФ Ляхин, отрядный врач, – сразу же представился он. Рукопожатие у врача было в меру сильным, без нарочитости. Руки он пожал не только офицеру, но и обоим курсантам тоже, что Антону понравилось. – Спасибо вам. Это вы молодцы. С перевязочными всегда плохо, сколько ни приноси. Но вы добыли полную охапку, у меня прямо праздник.

Капитан-лейтенант улыбнулся, искренность военврача его насмешила. Что, это тот сумасшедший, про которого им боец утром рассказал? Что-то не похож он на психованного. На нуждающегося в отдыхе похож, еще как. А на психа нет. На свежий взгляд, конечно.

– Рады помочь, – произнес он в то же время вслух. – Как-то само сложилось. Оружие, боеприпасы и аптечки: мы, в общем-то, больше и не брали ничего особенного ни у кого. Только документы еще.

– Ага, документы. Документы я смотрел.

– А здесь что, медсанчасть?

– Да какое там медсанчасть! Медсанчасть не здесь... Здесь так, пункт приема раненых и больных... Жалобы есть? Серьезный насморк, катаральные явления?

– Что?

Доктор привычно вздохнул.

– Горло не болит? Глотать не больно? Лимфоузлы на шее не опухали?

Он быстро и последовательно осмотрел всех троих, не особо приглядываясь к наличию комплекта рук и ног, но ошупав всем троим шеи и затылок. Заставил снять куртки и нательные рубахи, почему-то проверив и прогладив длинными пальцами кожу на обоих плечах. Подвинувшись к окну, быстро перебрал волосы. Антона на вшивость в последний раз проверяли лет 15 или 20 назад, в пионерлагере, но он смолчал.

– Угу, все.

Они начали одеваться, но доктор вдруг замер посреди комнаты, на мгновение застыл лицом и вдруг с пулеметной скоростью пролаял несколько коротких фраз на чужом языке. Капитан-лейтенант не понял ничего и только посмотрел недоуменно. Рома сзади вякнул что-то – и тут же получил в ответ еще что-то тарабарское. В этот раз повисла пауза: все чего-то ждали. Ждал Антон, ждал начавший теперь вызывать сомнения медик, оба курсанта, разведчик в дверях. Через сколько-то странных секунд лейтенант Ляхин выдохнул воздух и шумно откашлялся.

– Ладно, – буркнул он чуть изменившимся тоном, уже не таким демонстративно дружественным. – Считаем, прошли. Так и передай: я думаю, нормально.

Боец позади довольно равнодушно кивнул: капитан-лейтенант как раз вновь поворачивался к нему и уловил это движение.

– И не обижайтесь, – добавил доктор. – Сами должны понимать.

– Лично я ничего не понял: ни что говорили, ни что вообще сейчас вот тут произошло, – честно признался курсант Иванов. Сказано это было до того в тон, что Антон машинально кивнул.

– А и ничего. Его вот давно знаете?

– Сивого? С института... В смысле, училища нашего.

– Ну и ладушки... Младший сержант Федотин.

– Я.

– Веди товарища капитан-лейтенанта к командиру и особисту. Все уж, наверное. Фу, да и лишним было, сами могли бы догадаться... А вы двое можете отдыхать пока. Там же, где вчера. Но не так долго, я думаю.

К этому времени настроение у Антона начало улучшаться. Даже в очередной раз продемонстрированная окружающим собственная не сильно впечатляющая скорость реакции портила его не слишком сильно. Ребятам показали направление, и они с недовольным видом отправились «отдыхать», причем вроде бы даже без эскорта. А его привели к командиру отряда, которым оказался мужчина лет пятидесяти, обладающий совершенно не запоминающимся лицом и ровно такой же серой, незапоминающейся внешностью в целом. Представился он как майор Парфенов, но у капитан-лейтенанта имелись смутные подозрения насчет того, что это, во-первых, не майор, а во-вторых, даже и не Парфенов вовсе. И еще сопровождавший его разведчик передал мнение доктора о них слово в слово, абсолютно без сокращений и замены слов на синонимы.

В отличие от блеклого командира отряда, «особист», наоборот, привлекал к себе внимание. Моложе он был примерно на десять лет, и он был реально большим.

– Капитан Бергман, контрразведка. Леонид.

Капитан был большого роста, большой ширины плеч, большого веса. На тыльной стороне кисти левой руки у него была татуировка «ПАША», а Антона вновь насмешило, что представился он Леонидом. Но переспрашивать он даже смысла не видел: как хочет человек, пусть так и называется. Лично он знал одного Гену, который по документам был вообще Русланом.

– Вчера вас мои ребята расспрашивали, угу.

– Расстреливали бы, если что, тоже ваши?

Это капитан-лейтенант спросил все в том же хорошем настроении и только потом сообразил, что вообще в последние часы слишком много говорит лишнего. Как-то его слишком раскрепостил чудесный факт «добрались до своих». В неправильную сторону.

– Нет, это я уж сам бы... – Капитан выдержал паузу и жизнерадостно рассмеялся.

– Молодцы, ребята. Нет, правда. С такой дистанции пробраться. Молодцы, без шуток. Все ваши материалы в дело пойдут, можете не сомневаться. От йода, стволов и патронов и до последней привезенной бумажки. И за комплекты формы тоже спасибо отдельное. Мне сказали, польский все трое знают?

– Нет, двое. А если хорошо – то скорее один. Курсант Сивый.

– Курсант... Это неправильно, что и он курсант, и второй курсант.

– Командир?

– Согласен. Временное воинское звание... Какой курс?

– Оба – четвертый. Сивый – «корабельные автоматизированные комплексы и информационно-управляющие системы», Иванов – «ракетное вооружение надводных кораблей».

– Эх... Нам бы ракетное вооружение точно не помешало. Противокорабельного калибра желательно... Сержантами оба. Проведем сегодняшним днем. Есть возражения, товарищ капитан-лейтенант?

– Сивый – готовый офицер. В этом у меня нет ни малейших сомнений.

– Посмотрим. У нас тут не армия мирного времени. Здесь фронт, пусть и без флангов. Младшие офицеры здесь реально командуют десятками людей, в том числе в бою. Посмотрим, как проявит себя в деле. Если он правда так хорош – получит. Довольно об этом. Теперь к делу.

В этот раз капитан-лейтенант смолчал. Это действительно было совершенно не важным по сравнению со всем остальным.

– Трое обстрелянных бойцов – это для нас подарок. Пусть даже не кадровые мотострелки – все равно отлично. Работа найдется. Придет начштаба – подумаем, где... Но разведвзвод напрашивается. Нет?

Капитан-лейтенант провел в уме нехитрые аналогии. Разведвзвод приходится на стрелковый батальон, разведрота – на полк, разведбат – на дивизию. Здесь раз за разом говорили «отряд»; учебный взвод в нем был, штаб в нем был, военврач в нем был. И даже не просто военврач, а с какими-то приданными силами, раз отдельно от МСЧ есть пункт приема раненых. Может, человек двести-триста в отряде, из них минимум сотни полторы «штыков». Это здорово. Только где они все живут? Где берут еду? Что делают, наконец?

Про «что делают» ему рассказали довольно сухо, причем рассказывал не командир, голос которого был таким же обычным и незапоминающимся, под стать его внешности. И не контрразведчик, с его выдающимися габаритами и жизнерадостностью. Категорически не вяжущейся с выражением глаз. Это был подошедший начштаба, офицер в звании капитана, что опять же соответствовало батальону. Вроде бы кадровый: в этом офицере «армейская косточка» чувствовалась, хотя в остальных – совершенно нет. Впрочем, в самом Антоне она тоже не особо чувствовалась. Он служил преподавателем технической дисциплины в комфортабельном и отлично технически оснащенном высшем военном учебном заведении, а не командовал ротой морской пехоты где-нибудь на Кунашире.

По короткому, даже сухому рассказу начштаба отряд выполнял в городских условиях широкий спектр задач: от войсковой и специальной разведки до пропаганды и диверсий. «Наблюдение, подслушивание, поиск, налет, засада, допрос, разведка боем», – перечислил капитан, и Антону стоило некоторых сил не начать тут же переспрашивать, уточнять и требовать подробностей. Считут нужным – скажут. И то хорошо, что нашли сколько-то минут пообщаться вживую, хоть и не при курсантах... сержантах теперь.

– Треть наших усилий – направлена на своих. Бывших своих, которые не свои вовсе.

В этот раз начштаба даже не стал ждать, пока ему зададут напрашивающийся вопрос, объяснил сам:

– Которые довели нас до всего этого. Топ-менеджеры местного рóзлива. Эффективные управленцы. Народные избранники.

По его дальнейшему рассказу вторая треть этих самых усилий была нацелена на коллаборационистов, и только третья – на реальную боевую работу по личной силе и технике агрессора. Впрочем, «по технике» – это было слишком громко и слишком хвастливо. Ничего тяжелее единственного «Страйкера» они за все время «безвозвратно» не уничтожили: хотя повредили еще штуки четыре минимум.

– Питер держат две полнокровные бригады, – деловито разъяснял начальник штаба отряда хмуро кивающему моряку, – причем обе американские и обе на «Страйкерах». И несколько вспомогательных и чисто полицейских частей разной принадлежности. Насколько мы в курсе – те же американцы, потом немцы, голландцы и латыши. Поляков точно нет, и мне кажется, что это одновременно и хорошо, и плохо. Хорошо – потому что с вами никто по-польски не поговорит, плохо – потому что на каждого ляха с белым орлом на выпяченной груди тут будут смотреть с немым вопросом в глазах. И машины у вас больше нет, и не доберешься до нее, я думаю.

Капитан сделал паузу, вроде бы выжидая реакции, но Антон не нашел, что возразить. Грести обратно с канистрами солярки под банками, а потом изыскивать способ перегнать трофейную армейскую «летучку» в город... Это были такие юношеские фантазии, что мысль не зацепилась за них ни на секунду.

– Ладно, еще о машинах. У «Страйкеров» есть и плюсы, и минусы. Как у всех боевых единиц, ясное дело; как у любой другой машины. Особая надежность среди их плюсов не числится, но удар они держат ничего. Гранатометов у нас мало, вот в чем проблема. Пара попаданий из РПГ-7, даже стандартным выстрелом, не тандемным, – и «Страйкер» того... Но второй раз хрен попадешь. Всегда потери... Так что мы на «Страйкеры» к блокпостам и на патрульные маршруты не лезем. Давим мелочь, когда можем. Грузовики, автоцистерны, ремонтные машины, всякую такую хрень. Больше полицейские, чем армейские, да. Но совесть, между прочим, чиста!

Капитан опять замолчал и посмотрел на Антона исподлобья. То ли это у него был какой-то внутренний комплекс, то ли проверял, насколько моряк адекватен и реалистичен. Не желает ли он пойти на вражескую броню в лобовую атаку с шашкой наголо. Интересно, что формально они были равны по званиям. Однако в этом отношении Антон иллюзий не строил: свой боевой опыт он честно оценивал как весьма умеренный, а необходимыми здесь навыками планирования не владел почти совсем. Вот сунут его действительно в службу связи... Хотя сейчас вряд ли. Связь – главный нерв любой воинской части: дать ее оседлать, допустить до своей связи не до конца проверенного чужака – это фатальный риск.

Разведзвезд был не единственным активно действующим подразделением отряда, но о его организации ничего не было сказано вообще. Даже названия у отряда не имелось: ни «Смерть фашистам», ни «Имени Савинкова», ни «Мочи козлов». Просто говорили «Отряд». Связь с Большой землей вроде бы была – ценные данные куда-то отправлялись. Но, опять же, не его дело: как, и по каким часам, и куда именно. Пока.

– Какие есть вопросы?

Командир отряда смотрел в сторону. Все-таки интересный человек. Бесцветный, ничем не запоминающийся, если не смотреть на него непрерывно. Как они его в лицо узнают?

– Вопросов много. Но я подожду, на большую часть вы все равно не ответите сейчас. Будем воевать – вот тогда или сами все поймем, или вы по-другому будете относиться к этим нашим вопросам. Да и к нам вообще. Так что считайте, что сейчас вопросов нет.

– Ну и правильно.

Особист осклабился и на несколько секунд подержал ухмылку на лице. Эти секунды казались бы лишними, не имей они свой очевидный смысл.

– Какие будут приказания?

– Все трое поступаете в распоряжение командира разведвзвода старшего лейтенанта Сомова. Это приказ.

– Так точно.

Если командир отряда и начштаба думали, что капитан-лейтенант выразит обиду или даже просто формальное недовольство, они ошибались. Подчинение младшему по званию ничем не могло его унижить или обидеть. Не могло в принципе – потому что командир разведвзвода наверняка был не простым человеком.

– Тогда можете быть свободным. В распоряжение разведвзвода вас проводят, на довольствие поставят, все хозяйственные дела решат. С сегодняшнего для считайте себя бойцами отряда. Поздравляю.

– Служу России.

Сухие слова командира капитан-лейтенант равнодушно пропустил мимо ушей. Было совершенно ясно, что без «проверки на дорогах» точно не обойдется. Но к этому часу возбуждение схлынуло, а в голове слишком часто начала всплывать фраза «И этого я тоже не понимаю». И вообще, он почувствовал, что уже слишком устал, чтобы гадать – когда и как. Дальше – судьба.

На улице все еще почему-то не стемнело, и он дважды пощелкал по циферблату часов, не понимая. Потом дошло, что Питер все-таки довольно заметно севернее «Кенига», а дни идут, и солнце садится все позже. Как глупо – моряк вдруг об этом забыл! Произошедший маленький эпизод его насмешил, и к своим бойцам он вышел уже не такой отупевший. Почти бодрый. Его и курсантов минут на двадцать оставили одних, и этого времени как раз хватило, чтобы пересказать ключевые моменты представления начальствующему составу, и даже в подробностях.

Как ни странно, его мнение об организации отряда не произвело на молодых большого впечатления. А вот дословно переданные слова начальника штаба о делении спектра выполняемых задач на три категории и о бывших местных топ-менеджерах и народных избранниках как цели номер один – еще какое.

– Вы серьезно?

Иванов не просто осип. Переспросил он таким глухим, странным голосом, что это почему-то серьезно капитан-лейтенанта напрягло. И как бы не больше, чем собственно прозвучавшие только что слова. Сам-то он не видел в этой задаче ничего особенного. Все это было не особо гламурным, но верным и правильным. Надолго опоздавшим, но правильным.

– Еще как серьезно. Можешь не сомневаться. Но если тебе это не по сердцу – то так, Дим, и скажи. И я пойму, и все поймут, я уверен. Без нужного дела не останешься. В связисты определяют, например. Или еще куда, где надо. Ну?

– Никак нет, товащ капитан-лейтенант. Я просто... Нехорошо говорить, но... Я ведь столько времени именно об этом мечтал. Убивать таких...

Теперь обалдел уже Антон, но парень ничего не видел и не слышал, продолжая говорить. Голос дрожащий, взгляд... Не надо людям такого видеть. Даже Антону, кое-что повидавшему, стало от этого взгляда не по себе.

– У меня родителей... В общем, у меня отец умер от этого, еще не старым... Его с работы уволили по сокращению и с деньгами обманули, и больше не брали никуда. Он все ходил потом, правду искал, да что у нас сделаешь... А я все их имена запомнил, до единого. Оружие запрещено в стране, у них всех телохранители, и полиция их стережет и защищает, а отец никто, и я был никто... Но я ведь ждал...

Парень впервые с начала своего монолога поднял глаза и, столкнувшись взглядом с почти не дышащим уже офицером, как-то пришел в себя.

– В общем, я только надеялся, что... Но не думал, что это так будет.

Антон сидел неподвижно, изо всех сил стараясь не дать себе заорать. Паузы, к счастью, не было. Помог Рома, как и во многих других сходных случаях. Вот у кого понимание момента железобетонное всегда! Вот на кого можно надеяться.

– Не ссы, сатэра. Будет у тебя возможность. И за себя, и за того парня. Не все сбежали. Как ни странно. Кто-то, может, все потерял разом. Думал, жизнь обеспечена, а тут все нажитое непосильным трудом, на пятнадцати счетах там и столько же здесь – ух, и все! Старые доллары стали мусором. Евро вроде не стали, но стоят уже резко меньше. Визы, поговаривают, аннулировали категорически. Кому-то кое-что и прямо обещали, но я уверен, что выполнили не все и не для всех, вот ведь облом, да? Так что они как-то доступнее стали, неожиданно. Ближе к народу. К нам. К тебе, в частности.

Он показал зубы и прикрыл глаза. Открытые вновь, те будто поменяли цвет – из серых стали какие-то желтоватые. Совершенно спокойно и даже как-то отрешенно, капитан-лейтенант Дмитриев подумал, что это, понятное дело, от освещения – но все равно не просто так.

– Сколько мы уже дело делаем? Сколько уже на каждого из нас приходится? Мало, все равно мало, сам знаю. И не остановлюсь, пока живой. Пока сердце бьется. Пока папка в затылок мне смотрит. Будем давить этих, будем резать оккупантов, будем жечь и мелочь, и железо. Неотвратимость. Они должны это понять. И одни, и другие. И чужаки, и эти, наши собственные, – продавшие нас всех скопом, с мамами и папами и с малыми детьми. Кончать их всех будем, гадов, без сожаления. Никогда больше не допустим такого, что было. Никогда.

Роман Сивый вновь оскалился, скользнув по своему командиру коротким и жестким взглядом своих нехороших глаз, – и именно тогда так долго звеневшая в воздухе невидимая струна с лязгом лопнула, тут же изменив все вокруг. Пульсирующий шепот в ушах стих, перебитый этим звуком; загустевший и черный до непрозрачности воздух снова стал нормальным. Посмотревшая на трех моряков из темноты пыльного окна третьего этажа женщина в красном отвернулась – и канула в темноту.

Офицер, прошедший сотни километров по земле, ставшей за эти недели чужой, почувствовал, как его наконец-то отпустило. Да, он был капитан-лейтенантом в подчинении у непонятого человека с временным воинским званием; да, вся его привычная жизнь осталась безвозвратно позади. Но, выжив в первых стычках, они пережгли свои страхи, став не хуже других: тех, кто дерется и умирает на порогах собственных домов. Они дошли сюда, и они будут делать дело, нужное всем.

На осунувшееся от долгих дней голода и риска лицо Антона Дмитриева, капитан-лейтенанта ВМФ, сама собой вползла кривая, непривычная улыбка. Оглядывая своих сержантов и нащупывая правой рукой привычную тяжесть пистолета в кармане, он впервые за очень долгое время подумал, что не всему еще конец. Что у их Родины еще есть надежда.

Воскресенье, 4 августа

Это были худшие месяцы, худшие недели и худшие дни за все время. Абсолютно худшие. Именно в эти месяцы, недели и дни погибло больше всего людей в оккупированных областях на западе, юге и востоке сузившейся впятеро страны. Беды хватило на всех. Беды, горя, трагедий, которых эта земля не видела много десятков лет. Лет, полных своих собственных проблем и бед, но все равно мирных. Купленных огромной кровью дедов и бабок, без колебаний пролитой за Родину, иногда в этих же самых местах. Хорошей ли была заплаченная цена? Да, только сейчас многим стало понятно: безо всяких сомнений, хорошей. И только сейчас стало ясно, чего стоят все эти байки, которыми нас пичкали много лет: про «одну винтовку на троих», про «трупам завалили», про «бездарных генералов» и «победили вопреки Сталину». Сейчас нет Сталина – и что, сильно это помогает не «заваливать врага трупам»? Тогда, столько лет назад, даже стоящая на пороге гибели страна знала, что ее не предадут, что Сталин и его люди разделят их судьбу. Что хриплый, усталый голос в эфире и скупые строки дошедших с Большой земли газетных листков не прервутся до самого конца. На кого им надеяться теперь? На людей, поменявших заводы и рабочих – на офисные центры и менеджеров, а атомные подводные лодки и крейсера – на яхты, каждая размером с крейсер?

Историй беды было столько и таких разных, что не опишет ни один писатель. Не придумает ни один сценарист граничащих с дешевой фильмов ужасов. По каждой второй из них можно было бы написать свой собственный роман – вполне имеющий шансы стать бестселлером во многих странах. В тех, где описание трагедий русских, их бед, их потерь доставляет наслаждение читателям. Короткие и длинные были бы романы. Один страшнее другого. Они не будут написаны никогда.

Владимир Семенихин, инженер-электрик, возраст 39 лет, город Великие Луки. Женат, двое детей (девочки девяти и семи лет), сотрудник завода «Микрон». По требованию жены проигнорировал повестку райвоенкомата. В первые же дни войны на личном автотранспорте перевез семью в деревню Сонки, располагающуюся в сорока с небольшим километрах к востоку от Великих Лук, и самовольно занял пустующий дом. Вопреки настоянию той же жены отказался присвоить себе запасы продуктов и имущество немногочисленных соседей, наладив вместо этого с ними контакт и договорившись о взаимопомощи. Какую они и оказывали друг другу несколько месяцев: в первую очередь в сельхозработках. В последний день июля младшая дочь впервые пожаловалась на недомогание; на следующий день похожие жалобы озвучила и вторая, старшая девочка. Препараты из домашней аптечки оказались недейственными, помощь и поддержка соседей, ничего не понимающих в медицине, – бесполезными. К вечеру второго дня болезни непрерывная мучительная рвота закончилась потерей обеими детьми сознания. Жена Владимира окончательно перестала быть адекватной и попеременно требовала от него то ехать в город и везти в Сонки врача пусть даже силой, то остаться с ними и сделать хоть что-нибудь. К середине ночи с первого на второе августа младшая из девочек умерла, а тошнота стала значительной у обоих взрослых. Решившись, наконец, Владимир завел автомобиль и начал движение в сторону города, но уже на четверти пути был остановлен перед блокпостом словацких «миротворцев». Факт нарушения водителем автомобиля приказа о полном запрете на передвижение в темное время суток был очевидным. На условный сигнал он не отвечал. В связи с этим огонь на поражение был открыт с максимально возможной дистанции. Его эффективность соответствовала ожидаемой, что и позволило занимающему блокпост подразделению поставить не липовую, а самую настоящую, проверяемую «палочку» в счете уничтоженных террористов, едва начатом на текущем двухнедельном дежурстве. Вторая из дочек и вдова Семени-

хина умерли третьего-четвертого августа от острого обезвоживания: из одиннадцати жителей Сонок трое умерли в течение двух следующих дней, остальные выжили. Тела умерших были похоронены на деревенском кладбище в братской могиле, с соблюдением минимально возможных деталей православного обряда... На следующей неделе охранное подразделение Миротворческих сил, West-32, выполнило директиву Командования об «ответных мерах по отношению к террористам, активность которых возрастает», и полностью уничтожило около десятка мелких населенных пунктов, располагающихся вдоль дороги 58К-161, очевидно являющейся осью этой самой «активности». Сонки стала одним из них: как и в прочих случаях, никаких свидетелей возмездия «миротворцев» «террористам» в живых оставлено не было.

Андрей Славин, инженер-технолог, возраст 33 года, поселок Парфино Новгородского района. Женат, один ребенок (девочка двух лет), сотрудник местного фанерного комбината. В ходе первой же недели войны добровольно вступил в ряды Вооруженных сил, воевал в составе 591-й отдельной артиллерийской группы в качестве члена расчета 152-миллиметровой буксируемой пушки-гаубицы Д-20. Был тяжело ранен двумя стреловидными поражающими элементами; после разгрома 591-й группы и обороняющих северо-западное направление подразделений ВС РФ в целом – вступил в ряды членов безымянного партизанского отряда, в составе которого действовал еще несколько месяцев. Был повторно легко ранен, однако сумел уцелеть при разгроме отряда в начале июля. Пешим порядком, совершив почти стокилометровый марш, добрался до Парфино, где немедленно предпринял попытку вести агитацию среди местного населения, призывая оказывать посильное сопротивление войскам Миротворческих сил, саботировать приказы военных и новых гражданских властей. Был немедленно выдан оккупационным властям ближайшими соседями, арестован и в тот же день казнен на обычной площадке, созданной на месте снесенного памятника Ленину. Взрослые члены семьи террориста, в числе четырех человек, были негласно убиты во исполнение известного приказа о «Дополнительных мерах противодействия...», малолетний ребенок перемещен в лагерь «Пробуждение-2». Его судьба не отличалась от судьбы многих сотен и тысяч оставшихся без защиты детей: как и в большинстве других случаев, она не была отражена ни в каких документах, кроме финансовых.

Александр Пичкин, врач высшей категории, кандидат медицинских наук. Возраст 46 лет, город Санкт-Петербург. Разведен, один ребенок (двадцатилетний студент, проживал с матерью). Заведующий терапевтическим отделением Дорожной клинической больницы ОАО РЖД в Санкт-Петербурге. Был призван из запаса; в звании капитана, а затем майора медицинской службы участвовал в боевых действиях в качестве сначала старшего терапевта, а с июня – начальника специализированного эвакуационного госпиталя № 230. В дни прорыва остатков Северо-Западной группировки Западного фронта из окружения отказался оставить тяжелораненых. Организовал группу прикрытия из нескольких добровольцев, в том числе медиков, и возглавил ее лично. Взяв в руки оружие под предлогом защиты своих раненых, в течение почти получаса отражал попытки одного из подразделений 1-й бригадной боевой группы 101-й Воздушно-десантной дивизии США захватить здание, в котором в этот момент размещался госпиталь. Был тяжело ранен и попал в плен в бессознательном состоянии. Будучи опознан как старший офицер, получил первую медицинскую помощь и был эвакуирован в тыл авиационным транспортом. Дело майора медицинской службы Пичкина было передано в военно-полевой суд, который позже признал необоснованными его ссылки на 22-ю статью «Конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях», от 1949/50 года. Признал ожидаемо. Как неприменимую к военнослужащим Российской армии, объявленной в текущем 2013 году террористической организацией. Некоторое время майор Пичкин находился в проверочно-фильтрационном лагере Neuzelle-1 (Германия), позже был переведен в основной лагерь в районе Бюк (Венгрия), известный как

Stammlager-300. Был казнен после неудачной попытки к бегству, в составе группы из пяти старших офицеров. В ночь перед казнью оставил на стене камеры выцарапанное ребром монеты короткое послание на языке, опознанном заинтригованным следователем лагеря как латынь. Послание было адресовано человеку, не находящемуся в числе заключенных лагеря, смысл его был туманен.

История эвакуогоспиталя № 230 оказалась более трагичной, чем история майора, умершего хорошей для мужчины смертью. Выделить хоть какие-то силы бригадной боевой группы для охраны захваченного здания госпиталя в складывающейся тогда тяжелой обстановке – с прорывом крупных сил русских через кольцо окружения – было невозможно в принципе. Тот был передан американскими парашютистами какому-то из вспомогательных подразделений, однако ситуация продолжала ухудшаться. По приказу командира этого подразделения – в связи с очевидной невозможностью дальнейшего отвлечения сил – все находившиеся в здании госпиталя террористы, без скидок на их медицинское состояние или формальную принадлежность к санитарному персоналу, были уничтожены на месте; занимаемое госпиталем здание было сожжено. Командир боевой группы оценил позже данное решение как «тяжелое, но, вероятно, необходимое в складывающейся обстановке». По его приказу и с согласия командира 101-й дивизии все упоминания о данном противоречивом эпизоде удалили из электронных и находящихся в виде твердой копии документов. Это было обосновано необходимостью защиты военнослужащих дивизии от возможных направленных действий террористов, способных использовать произошедшее в своих пропагандистских целях.

Братья Александр и Юрий Романовы, крестьяне, возраст 27 и 25 лет соответственно, жители села Долговурясы Краснослободского района Мордовии, не женаты, бездетны. Вступив в сговор с рядовым бойцом территориального охранного подразделения, пытались незаконно приобрести медикаменты, но были уличены и арестованы. В результате применения методов «специального воздействия» следствию удалось установить, что братья Романовы планировали использовать медикаменты для передачи действующей в данном районе террористической группе, в которую надеялись вступить. И для которой являлись осведомителями, ведя наблюдение на важной трассе Р180. Совместными действиями охранных подразделений нескольких уровней подчинения, при содействии авиации (четыре вылета ударных вертолетов) террористическая группа была локализована и успешно ликвидирована. В отчетности она прошла под громким названием «Черный Медведь». Фактически же группа не существовала – вся документация о ее действиях была с начала и до конца сфабрикована штабом охранного батальона. Прежде всего – в интересах списания топлива и боеприпасов для продажи на активно действующем в зоне ответственности батальона черном рынке, и только затем – в интересах продвижения по службе и имитации активности на отдаленном от фронта участке.

Ударом с воздуха и огнем с земли было полностью уничтожено довольно крупное село в 25 километрах к востоку от Долговурясы: это выглядело достаточно масштабно и произвело на местных жителей необходимое впечатление. Долговурясы, разумеется, также были уничтожены в рамках той же операции, в соответствии с уже упоминавшейся директивой об «ответных мерах по отношению к террористам». В сохранившихся документах имелась интересная деталь, которая выглядела бы в иных обстоятельствах смешной. Одним из ключевых доказательств связи арестованных Александра и Юрия Романовых с террористическим подпольем являлось наличие у них конспиративных, уголовных кличек: Саша и Жора соответственно. Следователь был по происхождению пакистанцем, и данное обстоятельство показалось ему более чем серьезной уликой. Согласно его представлениям, клички могли иметься только у стремящихся скрыть свои имена преступников, но никогда у мирных людей.

И вот таких историй, и почти таких же, и других, и других совершенно – были не просто сотни, и тысячи, и десятки тысяч. Их были миллионы, и многие, многие десятки миллионов. Если не все, то большинство жителей Восточного полушария знают, сколько жизней потерял Союз Советских Социалистических Республик во Второй мировой войне. 27 миллионов. Гораздо меньше людей, в том числе граждан России, имеют хоть малейшее представление о том, сколько из этого невообразимого числа погибли на линии фронта и сколько являлись гражданскими лицами и военнопленными. Целенаправленно уничтоженными по действующей программе, обеспечивающей поэтапное «очищение» занятой Германией и ее союзниками советской территории. В 2013 году население России было на 20 % меньшим, чем население СССР в том же 1941 году. Соотношение между военнослужащими и гражданским населением было меньшим в разы, чем в 1941 году.

Потери военнослужащих ВС РФ подсчитывали и пересчитывали потом много раз, и так и не пришли ни к какой конкретной цифре: слишком большой оказалась в ней доля «террористов», «партизан», «повстанцев», «герильясов» и «инсургентов», вместе взятых. Людей, не носящих и даже вообще не имеющих униформы и знаков различия. И слишком высокой оказалась погрешность в результате отнесения к «террористам» вообще всех подряд. Но русские, разумеется, были виноваты в этом сами. Как обычно. Их просто было слишком много. И это не оставило победителям выбора, вообще никакого. Понятие «мирное население» оказалось неприменимым к России – никакого мирного населения здесь не существовало и существовать не могло. Был мобилизационный ресурс, объем которого вызывал ужас. Была огромная территория, которую невозможно контролировать полностью, – напичканная оружием, производственными площадками, теми же ресурсами. Оставить русских пусть под новым, внешним управлением, но в почти том же числе – означало не достичь ничего. Русские должны умереть – это было в общих интересах всего мира. Вне зависимости от того, посылала соответствующая страна своих сыновей в боевые или охранные части «миротворцев» или не участвовала в операции из соображений экономии – это в конечном итоге было нужно и ей тоже.

Смерти под бомбами или от обстрелов, смерти от обострения старых болезней, которые теперь нечем было лечить. Смерти от инфекций и от банальных отравлений. Смерти от рук карателей и смерти от рук бандитов, еще год назад бывших соседями. Самоубийства. Смерти от чего-то, чему не было названия и что обсуждали не понимая, как будто пересказывали содержание наполненного мистикой фильма. Все это вместе взятое складывалось в миллионы. Все это служило одной и той же цели: освободить огромные пространства от людей, ненавидимых всем миром за то, что они есть. Угрожающих всему миру тем, что они есть, и даже не стесняющихся признаться: да, мы такие. Мы показывали раньше, на что способны. Оставьте нас лет на десять в покое, и мы, может быть, покажем это всем снова.

Георгий Георгиевич Корнилов, бывший политик и предприниматель, ныне мэр города Москвы. Возраст 75 лет, женат вторым браком, двое взрослых детей: проживали в Великобритании и Голландии. К слову, оба в настоящее время – в фильтрационных лагерях «особого содержания». Георгий Корнилов родился в городе Смоленске, и одним из первых его детских воспоминаний было то, как уходил на войну отец. Провожали его ярко: с плачем, с водкой, со слезами. Маленький Гога не понимал еще почти ничего: он хотел, чтобы отец не уходил, а остался и поносил его на закорках. Это бывало, как он помнил, одно из немногих приносящих ему счастье развлечений в их бедной семье в те нищие годы. Но пьяный отец отмахнулся от его плача, его уговоров – он хотел побыть напоследок с матерью, и ему было ни до чего. И ушел он навсегда. А потом были голод, страх, люди с чужими лицами, от которых даже пахло по-чужому, хотя и приятно. Мать защищала его собой, как могла, – и следующее яркое воспоминание: полуодетый чужой человек с лохматыми светлыми волосами дает ему маленький квадратик шоколада. Невероятно сладкого: он даже и не знал, что бывает

на свете такая сладость. Так это и сложилось в его маленькой голове: плохой пьяный отец, который не хотел с ним играть и ушел, – и добрый хороший немец, который впервые в жизни дал ему попробовать шоколад. Страх потом было меньше, на смену ему пришло презрение к вернувшимся «своим», а потом и ненависть к ним. И еще долго был голод. До самого начала 60-х, когда он стал уже студентом. Только тогда голод отступил и стало чуть легче. Клеймо «пребывал на оккупированной территории» и «отец пропал без вести» испортило ему и маме много лет. Его травили за слабость и ябедничество одноклассники-пионерчики, маме тоже светило кое-что за военный год, он слышал потом какие-то обрывки слухов, помнил какие-то ее бессвязные жалобы. Маму тоже травили – такие же оставшиеся без мужей соседки: злые, усталые, серые от горя и голода тетки. Вдову с ребенком, однако, пожалели, в итоге обошлось; история была банальная. И все равно они вынуждены были уехать в другой город, меньше Смоленска. Но обошлось.

Гога рано понял правила этой жизни, рано повзрослел. Научился говорить правильные слова и совершать поступки, выглядящие правильно, если смотреть со стороны, и не дорого ему стоящие. Поступил на правильный факультет, убедил «как бы товарищей» отдать ему нужную должность комсорга. Не жалея себя организовывал, проводил, осуществлял, направлял. Стал комсоргом потока, потом курса, потом, уже под конец, – факультета. После выпуска получил распределение в Среднюю Азию, и всю жизнь козырял, кстати, этим обстоятельством, как орденом. Терпел грубых, необразованных людей, с их вечным матом и пьянством. Сжав зубы, терпел вонючих азиатов, плохо говоривших по-русски и смеющихся над ним в своих непонятных ему разговорах между собой. Терпел лязг и вонь железа и горячего масла, по соседству с которым он был вынужден вести тогда свою работу. Снова организовывал, проводил и осуществлял – демонстрации, политинформации, вручение почетных грамот и все такое прочее. Презираемое им, не сильно затрагивающее душу. Вытерпел, добился своего. Заметили энтузиазм, оценили упорство, взяли к себе. В Киров, такой же крупный промышленный центр, но уже в средней полосе страны. Уже все стало иначе, уже пошла другая жизнь. Сначала третьим секретарем горкома комсомола, потом вторым, много позже – и первым. Он верно и правильно женился, и все работал языком, работал, работал. Ну, to make a long story short⁷, как говорят американцы, к 80-м годам Георгий Корнилов уже давно был зрелым, проверенным, опытным партийным работником, верным и знающим. Он уже перерос свое место в Кировском горкоме, и начали поговаривать даже о самом ЦК, но тут случились Перестройка, Гласность, Ускорение.

Вот эти годы Георгий Георгиевич вспоминал с огромным, искренним удовольствием. Он опять вовремя понял, что нужно делать, и благодаря своим связям и навыкам встроился в нужные схемы. И организовал свои собственные, уникальные. И держался, держался, держался. Лавировал между властью и бандитами, местными и московскими. Без колебаний лизал чужие зады, писал статьи в «Огонек», выступал на радио, покупал время на только-только появившемся тогда кабельном телевидении. Довольно легко стал народным депутатом и заработал первый свой миллиард. Тогда рублевый – к чертовой матери сгоревший в одну из цепью идущих «реформ», выкосивших почти четверть его города паленой водкой и суицидами. Тяжело работал, пока другие спивались и травились наркотиками, или погибали, запутавшись в жизни, или кончали с собой от того, что оказывались не нужны никому. Снова лизал московские задницы, снова подписывал бумаги, перераспределяющие потоки государственных денег в пользу конкретных людей. Безликая масса презираемого им быдла не волновала его совершенно; смерть сотен тысяч земляков – не тревожила ни на секунду.

В Москву он перебрался лишь к началу первого десятилетия XXI века: уже полностью своим, уже давно встроенным во все нужные структуры человеком, хозяином многих

⁷ Короче говоря, опуская детали (англ.).

миллиардов во многих местах. Вновь удачно женатым – и в этот раз не для выгоды, а для личного удовольствия и от тщеславия. С настоящими орденами «За заслуги перед Отечеством» и опереточными дипломами и гербами «графа Корнилова». Как бы потомка и того Корнилова, который защитник Севастополя, – и того, который белый генерал, едва не отбивший у большевиков Петроград. Подходила старость, денег было больше, чем можно было успеть потратить даже с помощью детей, – но силы еще оставались и жить все еще было интересно. Придуманная им сто лет назад концепция ЕКХ продолжала приносить миллионы и продолжала делать его известным в кругу таких же людей, каким был он. Аббревиатура «Еду как хочу», по старой памяти еще именуемая «Ельцин + Крапивин/Коржаков = Хорошо». Сколько-то номеров этих серий достались Федеральной службе охраны, остальные гарантировали обладавшим ими небедным автолюбителям полную иммунитет. При желании с такими номерами можно было ехать прямо по тротуарам, сбивая пешеходов, как кегли. Про 50 тысяч долларов в год – это была, конечно, неправда, народная байка, – но порядок был угадан верно. Про это знали все, этим пользовались сотни и кормились другие сотни людей – и он гордился тем, что вовремя оказался на самой вершине этой пирамиды: одной из нескольких, созданных его трудом.

Военный разгром мерзкой, грязной, презираемой им России привел Корнилова в полный восторг. Только годы, старость – вот что было обидно. Будь ему хотя бы на десяток лет меньше – и он подмял бы под себя всю страну. Не стесняясь того, что она не настоящая. Не колеблясь делая все, что требуется тем, кому он предложил свои услуги. Но так – не дали, прямо объяснив свой отказ именно его возрастом. Посмеявшись над его «Где же вы были раньше?». Однако нужные связи были давно, нужные контакты хранились в его упрятанном в сейф блокноте еще со времен Ельцина, когда Корнилов только-только перестал быть никем.

Вот, его вспомнили и он пригодился. Проверки на полиграфе Корнилов прошел с блеском, позабавив военного психолога своим рассказом про отца и немца с шоколадным кусочком. Его взяли на службу. Демократ, аристократ, богач, ненавидящий Россию и русских, – все, что было нужно. Новый мэр Москвы – официальной выставки, витрины оккупантов перед всем миром. Человек, утверждающий темы сюжетов телевидения, бодро потом начитываемых оптимистичными теледикторами со всем нам знакомыми лицами и именами. Хозяин и распорядитель потоков «гуманитарной помощи» и «фондов по спасению культурных ценностей». Не совсем хозяин, конечно. По крайней мере, далеко не единственный хозяин. Там хватало своих желающих разбогатеть на управлении поставками, выдаче разрешений на выезд и разрешений на вывоз. Подписями на решениях по внесению в арестные списки и по вычеркиванию из этих списков.

Жадность Георгия Корнилова уже не так сильно проявлялась, как ранее, и это тоже ценили: не меньше, чем его преданность. Подписи под списками он ставил без колебаний, выступал по телевидению с обращениями, призывал «соблюдать спокойствие и работать на благо своего будущего и на будущее новой, свободной России». Участвовал в церемониях открытия «восстановленных объектов гражданской инфраструктуры» – больниц и школ, сожженных русскими «террористами» и заново криво-косо отстроенных на средства города и администрации «зоны урегулирования». С удовольствием или равнодушно смотрел на приметы нового порядка: блокпосты на улицах его города, ориентацию всей мощи мировой электронной промышленности на контроль за людьми, его жителями. На негласную, но от того еще более решительную очистку города от «нежелательных элементов». С удовольствием принимал небрежные приветствия бойцов в пятнисто-сером городском камуфляже, открывающих шлагбаумы перед его бронированным «Ауди». Давно не читал приказы, которые получал сверху и подписывал своим именем. Давно не рисковал слушать запрещенное радио «оттуда» и искать в Интернете новости и комментарии на опасные темы: партизанская борьба, безнадежное, но упорное сопротивление остатков регулярных войск России,

методично продолжающиеся удары русских ракетноносцев по чужим кораблям. Незаконные, «террористические» атаки русской дальней авиации на европейские и североамериканские военные базы. Если это и попадалось на глаза – быстро переключал. Все это было неважно, далеко, бесполезно. Он давно начал верить в то, что все плохое кончается совсем скоро, а все хорошее будет уже навсегда, навечно. Что он тоже внес свою лепту в то, чтобы мир стал лучше.

К началу августа мэр Москвы Корнилов пережил уже три покушения, из которых ни одно не было настоящим. Четвертое стало для него последним. Можно было предчувствовать, можно было догадаться. И кое-кто из ответственных лиц получил, кстати, серьезное взыскание именно за то, что не догадался, не предотвратил. Открытие памятников и мемориальных досок было если не хобби, то увлечением нового мэра. С памятными наградами типа ежемесячно вручаемых ему «Факела Бирмингема», «Золотого Сердца», «Золотого Пеликана» он перебарщивал давно, но это ему благосклонно прощали и раньше, и теперь. Выбор имен для досок и памятников сначала полностью соответствовал его имиджу «русского аристократа и промышленника, известного русского державника и патриота», потом как-то пошел вразнос. Николай Романов, Алексей Путилов, Анна Павлова, Сергей Витте. Александр Колчак, Николай Юденич, Антон Деникин. Андрей Власов, Владимир Баерский, Карл Густав Эмиль Маннергейм, Герман Вильгельм Геринг. Цветы для украшения церемоний открытия очередного памятника заказывали тоннами, оплачивая из нужных валютных фондов мэрии. Корнилов искренне считал правильное представление миру налаживаемой культурной жизни освобожденной от тирании Путина исторической столицы России очень важным. Более важным, чем недоступные импортные лекарства длядохнувшего по окраинам быдла. Насчет власовских генералов, насчет Маннергейма и Геринга ему, конечно, подсказали. Нарочно и даже нарочито разрекламированная подготовка к открытию не особо нужных городу памятников позволяла выявить действующих и потенциальных «террористов», сочувствующих им лиц. Неспособных сдержать проявления своей враждебности и своего настроения. А дальше он работал уже сам.

Нужные указания телевидению Корнилов давал лично, пригласив развлекательные команды и нескольких старых звезд и распределив их положение в очередном сценарии. Охрана что-то там проверила, но сценарий просто был больно масштабным, больно сложным. Впрочем, в прошлые разы такое сходило с рук: Москва – это все же не Нижний, Иркутск или какой-нибудь Братск. Пролетариата здесь было поменьше, а создающей правильную массовку «позитивно настроенной либеральной общественности» – больше в разы. С настоящими террористами здесь довольно давно в целом справились и теперь гнались за круглыми числами. Написанные подростковым почерком самодельные листовки на углах домов, с примитивными текстами типа «Мэр сосет у Маннергейма и Геринга» – отличный повод для арестов, демонстрирующих «активные и умелые действия сил безопасности» всем читающим текущие отчеты.

Речь Георгия Корнилова о том, как важно для нас всех признание своих прошлых ошибок, могла бы стать примером и образцом для сотен остальных мэров, старост, губернаторов нового русского правительства, делающих свою важную работу в «зонах урегулирования». Могла бы, если бы была не такой привычной. И если бы закончилась как-нибудь иначе, менее страшно. Уже под ее занавес, уже под рассказ о том, какими на самом-то деле патриотами России были Маннергейм и Геринг, режиссер выпустил из-за кулис народные танцевальные коллективы – расставляться в нужном порядке на сцене. Символизировать многообразием своих костюмов братство народов России, как если не объединителя, то связующее звено между Азией и Европой. Шесть девушек в обклеенных стразами кокошниках; в сарафанах, представляющих собой какой-то летний вариант наряда новогодней Снегурочки. Самая крепкая – с хлебом-солью в руках, самая пышногрудая – с выстланным бархатом подносом,

на котором лежали серебряные ножницы для перерезания ленточек. Синих, шелковых. Удерживающих балахоны на бюстах больших русских патриотов, желавших русскому народу только добра. Что запомнилось из этих, спокойных еще минут присутствующим? Недовольные физиономии официальных представителей – кто-то что-то даже предчувствовал. Бесстрастность бойцов охраны – и своей, и «миротворческой». Эти последние могли открыть огонь в любую секунду – и по обнаруженному в толпе террористу, и по тому, кто показался им террористом. Такое случалось нередко. Но, собственно, именно они и спасли в этот день многих «официальных лиц» из состава мэрии и внешней гражданской администрации и военных. Не всех, но многих. От гибели «на миру», на виду у десятка телекамер.

В ту секунду, когда одышливая, но вдохновенная речь мэра Корнилова завершилась и он шагнул к приветливо улыбающимся девушкам в народных костюмах, все и закончилось для него. Совсем. И вызывающая зависть многих важная работа под закат жизни. И нажитые своим трудом и талантом миллиарды, от которых что-то все еще уцелело и там, и здесь. И надежная поддержка и благосклонное одобрение новых хозяев. И уверенность в судьбе любимых детей, давно переправленных из этой поганой, презираемой им страны. Все.

Девушка из второго ряда, не снимая с лица ласковой улыбки, плавно и даже как-то неторопливо сунула ладонь в разрез своего сарафана и вытянула из него что-то, что он даже не успел узнать. Вторая, третья, четвертая только еще начинали делать то же самое, а эта, первая, уже поднимала руку. Усатый казак в яркой кубанке, с двумя алюминиевыми шашками сразу – что-то там его форма символизировала в приложении к тому же Герингу – переглянулся с соседом. Скалясь, шагнул вперед, кинул куски металла себе под ноги и ухватился обеими ладонями за газыри у себя на груди. «Бурка», – совершенно машинально подумал Корнилов в последнюю свою секунду.

Гибель военного коменданта Москвы – генерал-майора армии Словацкой Республики, – гибель еще полудюжины офицеров, представлявших на празднике европейские и североамериканские контингенты, разъярила «миротворцев» до предела. Какое-то значение имела и гибель ручного мэра, и десятка его помощников, но меньшее. Уже к концу этого дня были арестованы «по подозрению в причастности» около двухсот человек. Еще порядка шестидесяти были убиты на месте «за попытку сопротивления», выражающуюся в самых разных действиях, пресечение или предотвращение которых не требовало никаких конкретных обоснований. К концу следующих суток число совершенных всеми службами вместе арестов перевалило за тысячу, в «Лужниках» и на обеих «Аренах» шли быстрые казни. Впрочем, тот конвейер еще с весны не останавливался ни на день. Толку-то...

Иногда брали «тех» или «вроде бы тех», иногда «не тех». Разница имела значение вовсе не для многих представителей спецслужб и нескольких действующих параллельно полиций. Кому-то не хватало профессионализма, а от кого-то и прямо требовали продемонстрировать активность, выполнить определенное число арестов и ликвидаций. Родственники идентифицированных «потенциальных террористов» идеально подходили для ареста, а просто схваченные на улицах или вытащенные из домов люди – подходили для той же цели несколько не хуже.

Как обычно, винили в происходящем самих русских: не нужно было совершать террористических актов, не нужно было поддерживать террористов, не нужно было являться гражданами этой страны. Как обычно, мировые СМИ гневно осудили «предательскую атаку русских террористов на участников мирного собрания», «культурного мероприятия, демонстрирующего неуклонный прогресс в нормализации обстановки на территории бывшей России». Как обычно, последствия подрыва смертников и результаты последующей стрельбы охраны по толпе были перечислены несколькими простыми словами. Как обычно, сюжет завершился деловитым упоминанием тяжелого урона, нанесенного террористическому подполью соизмеримыми ответными действиями. Имя Карл Густав Эмиль Маннергейм прозвуч-

чало в описаниях содержания «культурного мероприятия» лишь несколько раз и вызвало довольно смешанную реакцию даже в Финляндии. Имя Геринг не прозвучало ни разу и нигде.

Должность мэра Москвы была заполнена в течение того же дня одним из вице-мэров. Некролог Георгия Корнилова был полон искренних сожалений его соратников о жизни патриота России и Москвы, пресеченной руками подлых убийц.

У инженеров Семенихина и Славина, у врача Пичкина, у фермеров Романовых и миллионов других погибших в эти же дни людей некрологов не было и не могло быть. Их судьба никому не была интересна, кроме их родственников и друзей. А те либо разделяли ее, либо не имели доступа ни к какой информации о них ни в эти горькие дни, ни даже много позже. Объединило все эти случаи одно и то же. Все они были гражданами одной страны. Той же самой, что и мы.

Вторник, 20 августа

Николай думал, что этот день будет попроще других, но уже часам к восьми утра стало ясно, что жизнь – сплошной обман. Впрочем, так было всегда, сколько он себя помнил взрослым. Бывало, еще полгода назад, в мирном городе, в теплой и светлой больнице начинается рабочий день удачно, идет спокойно, все тихо и хорошо. Часам к трем начинаешь мечтать, что уж сегодня-то точно можно пораньше закончить – или хотя бы просто вовремя и опять же спокойно. Начинаешь планировать что-то, думать, как проведешь умиротворенный вечер... А потом каа-ак... Минут за пятнадцать до конца рабочего дня обычно... И начинаются танцы с бубнами, часа на три. Так что он привык. Как любой взрослый человек.

Четкое планирование – основа успеха на войне. Причем на войне любого масштаба. От стратегических наступательных операций фронтов и групп армий и до единственного удара ножом, который бывший учитель физкультуры или работяга наносит в спину одинокому «миротворцу», зашедшему по уже натопанной дорожке погреться в бордельчик. Так должно быть. Только планирование обеспечивает вероятность успеха, хоть как-то отличную от нулевой или от стремящейся к нулевой. Того, что сколько-то врагов отправятся домой в черных пластиковых мешках, а у тебя и твоих товарищей будет время перезарядиться и перейти к следующему делу в таком же роде. А потом к следующему и так далее. И тем более забавно, что каждый пятый если не четвертый раз ему приходило в голову: «Черта с два! Ну да, партизанский отряд. Но ведь с кадровыми же командирами в “думалке”, в штабе, ну ведь нельзя же так!» А потом снова все возвращалось к норме. А потом снова от нее отступало во все стороны сразу.

Со стороны могло показаться, что половина отряда – неадекватные, подсознательно стремящиеся к суициду люди. Как человек, в институте едва вытянувший по психиатрии с тройки на четверку, Николай мог бы в это поверить. Как лейтенант медицинской службы, который месяц воюющий среди этих самых людей, – ни на секунду. Скорее это он сам не понимал происходящего там, в чужих головах.

Бойцы выполняли команды, каждый раз ставя на карту собственную жизнь. И это работало. Отряду было хреново, отряд нес потери, дважды его стачивали почти в ноль – в конце концов их выдавили из Питера. И даже не просто выдавили – выбили с треском. Но отряд делал дело там и делал дело уже здесь, на новом месте: его работа приносила пользу, и это было очевидно даже такому непрофессионалу военного дела, каким являлся он, бывший терапевт. И именно поэтому лейтенант Ляхин тщательно, принципиально соблюдал субординацию: в первую очередь в безоговорочном подчинении приказам, какими бы странными те ему сперва ни казались. Было понятно, что, когда приказ окажется действительно тупым и бездумным, тут-то Николаю и придет итоговый и невозвратимый «упс». Но пока что он лечил, дрался в составе тех групп, которым его «придавали», и снова лечил, и дрался опять. И, в отличие от слишком многих, до сих пор был живым и целым. Не считая пары шрамов на руках и ногах, не восстановившегося до конца слуха на одно ухо, царапин и ожогов там и тут. Чего еще? Ну, еще помимо перманентных ссадин на морде, кулаках, локтях и коленях – и синяков по всему телу. И по всей душе. И все.

– Товарищ лейтенант?

– Все нормально, Юль. Задумался просто.

Медсестра кивнула и вернулась к своему делу: проверке укладки. Знала ведь, что он все равно проверит сам, – но каждый раз делала это. Очень деловитая женщина. Бывшая палатная медсестра в известной всему Петербургу «Двойке» – горбольнице № 2, что в Озерках. Ей 42 года, почти 25 лет стажа. В любую вену попадала в почти полной темноте, в том числе пальцами вытянутой вперед на полную длину руки. Некрасивая, злая, плачущая от

обида на жизнь, когда думает, что ее никто не видит. Ни разу не взявшая в руки оружия. Спасшая больше человеческих жизней, чем он, врач, отнял в бою. Сюда она уехала в самом начале войны – быстро, раньше многих других сообразив, во что все это выльется. Тихо работала, пытаясь прокормиться, а потом прибилась к ним.

– Осторожней там... Товащ комвзвода будто дунувший сегодня, прям уже с утра.

– Спасибо, Юль. Я видел. Но он не дунувший, он просто готовый. У него уже пошла выработка... Эндогенных эндорфинов...

Можно было не стесняться: что это значит, медсестра знала. Недостаток образования она компенсировала продолжительностью стажа работы по специальности и хорошей памятью. Николай иногда с болью в сердце вспоминал других своих медсестер. Первую, с которой работал до падения Кронштадта, звали Мира. Та была хирургическая, из военно-морского госпиталя, и кое-чему могла поучить и его. Вроде бы дагестанка, но он не был уверен: может, и еврейка. Невысокого роста, твердая и спокойная. Мира погибла, когда они уходили через залив, погибла уже в воде. Надувной рафт потерял половину поплавков и половину гребцов в самом начале – Николай навсегда запомнил, как они покидали пылающий город-крепость на перепаханном острове. Разномастные лодки, сколоченные из чего попало плоты, сплошная стена огня позади. Всплески на воде, чмокание пуль в живое, и то, как люди просто, молча уходят в черную воду. Мира не вскрикнула, не встретилась ни с кем последним взглядом, как обычно делают умирающие. Просто как-то сосредоточила взгляд, отпустила леер и молча ушла в ледяную темноту. Из девяти человек их группы доплыли четверо. Он знал, что в других было и хуже, а многие группы погибли целиком. Их по крайней мере не добил ни один из шарящих в ночи вертолетов. Но переключка оказалась почти бесполезной – доплывших разбросало по всему побережью, вряд ли многие группы смогли собраться. Потом он посчитал, что в их отряде из Кронштадта исходно было человек шесть, включая его самого; один из них погиб почти сразу, второй месяцем позже. В единственном другом отряде, с которым была налажена устойчивая связь, вроде бы воевали еще двое. Происходившее в последние дни обороны Кронштадта он даже не пытался вычеркнуть из памяти, бесполезно. И бессмысленно. Страх, ужас и боль пережитого остались с ним навсегда. Они, собственно, и заставляли его покидать медсанчасть и идти в бой.

Потом была Неля: она работала с ним в отряде, когда тот действовал в Питере. У этой с квалификацией было гораздо хуже: настоящего медицинского образования у нее не имелось, потому что она была педагог. Но на младших курсах института им давали какие-то навыки, и вообще Неля все схватывала на лету. Когда им пришел конец и остатки разбитого отряда уходили малыми группами, раненых оставляли кого где. Обычным вариантом были пустующие квартиры или даже совершенно опустевшие, покинутые всеми дома; так называемые гнезда. По 1–2 добровольца на группу, минимум продовольствия и боеприпасов, почти ноль медикаментов. Весьма призрачные шансы на выживание. Неля осталась куратором групп раненых в одном из тех самых гнезд. Николай тоже вызвался добровольцем, но ему твердо и безоговорочно отказали в этом праве. Связи в эту сторону не было и не могло быть, и ему оставалось только гадать: жив ли еще хоть кто-то из оставшихся позади.

Впрочем, он видел, что кое-кто остался не просто выживать: остались также несколько сколоченных, притершихся боевых троек и пар. Сохранившие оружие, получившие остатки боеприпасов и очень серьезно настроенные. Наверное, так и надо было делать с самого начала: не разворачивать громоздкую, сложную структуру – полноценный штаб, взвод управления, взвод разведки, взвод связи, хозвзвод, учебный взвод, линейные роты... А ориентироваться на пары и тройки. Работающие в основном по собственной инициативе и находящиеся преимущественно на собственном обеспечении. Со связью через «почтовые ящики».

Но сначала всем казалось, что так и надо, а потом как-то вдруг неожиданно дела пошли хреново. И чудо, что выжили все-таки относительно многие, что уцелел костяк отряда. А теперь, на новом месте, заметно упростившаяся, но принципиально та же структура «воинского подразделения» работала, в общем-то, неплохо. Жила и работала. Уже который месяц.

– Я закончила.

– Спасибо. Я еще посмотрю потом. Сколько физраствора осталось еще?

– Пятнадцать пакетов. И еще два пол-литровых отдельно, в НЗ.

– Отлично. А систем?⁸

– С этим все хорошо. Больше чем нужно на ближайшее время.

Николай закончил набивать последний из магазинов, впихнул его в передне-боковой карман разгрузки и прихлопнул липучку.

– Давай.

Юля подала ему готовую укладку с открытым верхом, и Николай внимательно проверил все, что требуется. В укладку входило очень немного, это не тактический рюкзак и не «Скорая помощь» на четырех колесах. Все придется тащить на себе. Но одну-две серьезных раны это гарантированно закроет. Патроны весили вдвое больше, но это ему прощали: стрелять доктор действительно умел.

– Берегите себя, товарищ лейтенант.

– Все нормально, Юль. Все у всех будет хорошо.

Тупейшая, бесполезнейшая фраза, которая почему-то действует. Юля отлично знала, что делает с человеческим телом пуля натовского или отечественного калибра, стреловидный поражающий элемент кассетного боеприпаса, бесформенный осколок снаряда автоматической пушки. Но все равно ждала этих слов каждый раз, когда он уходил.

– Пора?

– Еще минуточку, пожалуйста.

Они посидели, и это смотрелось смешно. В мирной жизни люди садились так перед какой-нибудь поездкой. А они – не для соблюдения традиции, просто отдыхая.

– Ну?

Николай криво улыбнулся. Еще в Петербурге у него был «деда Вася» – очень немолодой мужчина, который выполнял функции санитара. В советские времена он имел какое-то отношение к гражданской обороне, и довольно немаленькая доля сохранившихся в его голове знаний оказалась неожиданно полезной. В частности, именно вдвоем с ним Николай по памяти нарисовал три или четыре копии «Атласа первой помощи», которые они раздали по ротам. Он даже начал натаскивать деда на должность полноценного санинструктора, но тут-то все и кончилось. До отхода и решения: кто остается с ранеными, а кто уходит, дед не дожил.

– Все, время.

Юля тщательно подоткнула нижний клапан укладки, затянула веревку, затем расправила и закрыла верхний клапан с грязно-бордовым крестом. Совершенно бесполезным на тысячу километров в любую сторону. На этой территории символы МОКК не действовали. «Международное Общество Красного Креста временно сворачивает свою деятельность на территории Российской Федерации с целью обеспечения безопасности своих сотрудников. Из-за того, что руководству организации стало очевидно, что сотрудники МОКК являются мишенью террористов, принято решение прервать здесь работу МОКК. Как известно, в июне – июле в Москве, Санкт-Петербурге, Новгороде и Рязани была совершена целая серия терактов, направленных против местных отделений Красного Креста. Погибли 3 сотрудника МОКК и свыше 20 случайных людей. После этого отделения МОКК усилили меры безопас-

⁸ Обычное сокращение «систем для переливания растворов».

ности, а к концу июля руководство организации объявило о сокращении объема работ и эвакуации иностранных сотрудников, а затем о свертывании всей работы в зоне проведения международной миротворческой операции». Когда Николай был маленьким, он платил какие-то копеечные членские взносы в общества юных пожарников, охраны природы, чего-то еще – и в Красный Крест в том числе. Наклеиваемые в картонные книжки марки общества были нежно-бежевыми или желтоватыми. Запомнилось почему-то...

Он затянул ремни разгрузки, затем закинул лямку укладки на левое плечо и тщательно расправил толстую тканевую полоску. На другое плечо привычно лег ремень автомата. Гранатная сумка, ножны со штык-ножом, вторые ножны – с финкой. Николай не любил понтовые «Катраны», которые носили почти все разведчики; старый нож с наборной рукояткой из разноцветных пластмассовых колечек его вполне устраивал. А без штыка он не ходил даже до ветру: это был его талисман, его жизнь. Попрыгал: вроде бы ничего не звенело и не брякало. Улыбнулся.

– С Богом, родной. Храни тебя Господь.

Он коротко склонил голову, и годящаяся ему в тетки женщина коротко поцеловала его в лоб.

– Спасибо, Юль. До встречи.

Та коротко всхлипнула, но в этот раз промолчала. Всунула в подставленную ладонь ремешок сферы.

За окном уже собиралось светать. Именно не светало еще, а только собиралось, но это уже чувствовалось. В невидимой дали заливалась какая-то ночная птица, с чувством выдавая трели и коленца. Вроде бы не повторяющиеся.

Он не торопясь дошел до угла барака и остановился, давая глазам привыкнуть. На фоне совершенно темного еще неба проявились несколько еще более темных силуэтов.

– Пык-пык?

– А то ж...

Они сошлись вплотную. Комвзвода узнавался даже сейчас, когда его лицо было просто серым пятном: по пластике, по манере движения. Ничто его не берет.

– Здорово, мужики.

Короткие, простые рукопожатия. Подходящие с трех сторон люди, пахнущие мужским потом, оружейной смазкой, кожей и железом. Пахнущие застарелой, глубоко въевшейся в ткань и кожу кровью. Николай знал, что он сам совершенно точно пах именно этим, и ничем это было не вывести. Может, потому его и не любили женщины. Плевать.

– Лазо, ты курил, что ли?

– Что ты, командир, как можно? Ребята рядом курили, да и давно уже...

– Смотри мне! Губы порежу!

– Не буду, командир. Никогда не буду.

– Младлей Сивый!

– Я!

– Чем ты там звякаешь? Шпорами? Тебя подковать?

Короткое молчание, парный стук: парень дважды подпрыгнул, и где-то на нем действительно что-то звякнуло.

– Виноват, товарищ старший лейтенант. Щас поправлю.

– Как маленький, блин... В другой раз дома оставлю. Так, построились все...

Короткое шуршание.

– Равняйся, смирно. По порядку рассчитайся.

– Первый... Второй... Третий...

Николай знал эти голоса все до одного. Командир разведвзвода, семь разведчиков и он, врач, давно забывший, каково это – быть врачом мирного времени. Чередующий скальпель

и нож, и честно не знающий, с чем у него выходит лучше. И самое страшное – получающий удовольствие и от одного, и от другого.

Девять человек, четверо из них офицеры. Как ни странно это, но трое из них моряки. При том, что до ближайшего моря или хотя бы судоходного озера много перегонов на ишаках и верблюдах. Кроме командира – еще он сам, «пиджак» после военно-морской кафедры гражданского медвуза, – и двое кадровых, тоже не морских пехотинцев. Но огнем и мечом прошедших от самой западной границы. С такими приключениями, в которые не веришь, покуда не увидишь, как они действуют в бою. И пока не вспомнишь свои собственные.

Он снова улыбнулся – улыбкой, которая заставила бы неподготовленного человека напрячься.

– Разбились по парам.

Николай шагнул вперед и влево, встал рядом с высоким парнем, от которого ощутимо тянуло готовностью двигаться, бежать, перепрыгивать через препятствия. Тянуло опасностью и острым, живо читаемым даже в полном молчании нехорошим весельем. Во что оно выливается, он тоже видел. И даже не раз.

– Молодая пара идет сегодня ведомой за Ляхиным-Сивым... Молчать! Все слушай боевую задачу.

Все слушали: было бы странно, если бы было иначе. Комвзвода не мог голыми руками свернуть шею паре мастеров спорта, не попадал мухе в зад с полсотни метров, но эффективность разведвзвода и живучесть разведчиков стала в их зоне уже легендой. Единственная на отряд настоящая боевая награда, пришедшая с Большой земли, – она была его. Если бы комвзвода приказал им отрезать себе пальцы ног – они сделали бы это молча и быстро, без рассуждений и вопросов. Все они учились у него.

– Ловим саперов в районе мостика. Штаб считает, что будут именно америкосы, но лично я не уверен. Мы на границе зон ответственности, вы в курсе... Будет пара или скорее тройка, включая выделенного собственного наблюдателя. Ближнее прикрытие – одна бронеединица, дальше – стандартная мобильная группа. Совсем дальше – сами знаете... Нам и ближнего за уши хватит. Выдвигаемся вчерашним маршрутом, на последнем участке делаем крюк и заходим с юга, прямо по руслу Грязьки. Порядок движения обычный. Смотреть в оба! Отход...

Николай знал, что командир разведвзвода говорит не уставными фразами: что-то Ляхин помнил еще по Чечне. Но хотя две трети бойцов «взвода сокращенного штата» прошли срочную, так до всех доходило лучше.

– Из хороших новостей: на обратной ноге – не на отходе, но на маршруте – нас тоже прикроют. Снайперская пара Петровой, гранатометная пара Козленка. Будем надеяться, не пригодятся, но при надобности хвост нам почистят. Вопросы?

Двое из разведчиков задали уточняющие вопросы, командир ответил. Все было совершенно привычным. Не волноваться это не помогало: каждый раз перед выходом Николая трясло и било изнутри. Било и в голову, и в живот, и ниже. После разгрома 25-й гвардейской бригады в середине марта он ни разу не участвовал в полноценном общевойсковом бою, с бронетехникой и авиацией на своей стороне. Однако за эти месяцы счет стычкам и схваткам на средней и малой дистанции он уже давно потерял. И не так уж уступал разведчикам в физической подготовке. И не раз подтверждал способность смотреть в лицо смерти: выраженной в виде идущей на тебя трассы, притаившихся в молодой траве усиков мины или в виде датчика, подвешенного на стене дома выше уровня головы идущего человека. Поэтому было даже обидно, что внутри он до сих пор боялся. Впрочем, не особо долго. Пока не началась реальная работа.

– Док, чего хмурый? У меня тебе подарок.

Совершенно машинально Николай подумал, что сказано неправильно, надо не «тебе», а «для тебя». И сам улыбнулся. Ни он не филолог, ни они. И висящих по остановкам призывов «Давайте говорить как петербуржцы!» здесь сроду не было – здесь другие объявления в ходу.

Командир разведвзвода протянул ему запаянный в пленку плоский пакет, невесомо легкий.

– О, спасибо, товарищ старший лейтенант. Вспомнили.

– Да я и не забывал вообще-то. Просто не было, быстро уходят. Пожалуйста тебе. На здоровье, и вообще. Во как.

Николай содрал пленку и сунул сложенный вшестеро пластиковый прямоугольник за пазуху, а сам полиэтилен скомкал и схоронил в одном из карманов. Сразу почему-то стало теплее на душе: это был будто бессловесный привет от родственника. Одна из немногих вещей, сделанных сейчас, прямо за эти недели и месяцы, и полученных с Большой земли – региона между западными подходами к Уралу, Забайкальем и Анадырским плоскогорьем. Где продолжала существовать порезанная со всех сторон по живому Россия. Где держала цепочку опорных пунктов ее Армия и где в три смены работали заводы и мастерские. Кусок непромокаемого пластика, выкрашенного в темно-зеленый цвет, с невидимым сейчас черным штампом даты и места выпуска на краю. Полезнейшая вещь. Одна из самых полезных, если рассчитывать как «вес на ценность». Не шуршит ни сухая, ни мокрая; не бликует под дождем. Хорошо теплоизолирует: и вообще от сырости замотаться полезно, и от ИК-датчиков чуть-чуть прикроет. Только непрочная, поэтому всегда в дефиците.

– Спасибо, – произнес он вслух еще раз. Уже в никуда, просто в пространство.

Командир группы дождался, пока выдвинется вперед головной дозор, и спокойным голосом подал команду. Первые полчаса они двигались тихо, аккуратно, стараясь не шуметь. Скорость сейчас была не важна, в отличие от скрытности. Беспилотники современных моделей в сочетании с программами распознавания изображений – это страшная штука. Эффективный, важный компонент комплекса мер по борьбе с «террористами», как весь мир именвал русских партизан. А навести зондеркоманду на свой базовый лагерь – это вообще ужас и кошмар.

Относительно неспешное движение в предутренних сумерках давало возможность хорошо и спокойно думать. Наблюдение за окружающей обстановкой было само по себе, шло фоном, к этому Николай давно привык. Профессия и полученный в жизни специфический опыт воспитывали в нем способность к анализу, еще больше обостренную полученным «дополнительным образованием». Теперь это было ни хрена никому не нужным, никем не востребованным, но думать и анализировать он продолжал. Проще жить, когда надеешься, что что-то понимаешь в окружающем мире.

Агрессоры совершили одну радикальную ошибку. Среди многих мелких – одну по-настоящему крупную. Вроде бы сначала не сильно важную на фоне блестящей победы: ликвидации «угрозы для западной цивилизации». «Русской угрозы», разумеется, какой же еще? Не татаро-монгольской же... Они не сделали ставку на местное население. Население не было им нужно. Оно беспардонно заселяло города и поселки, располагающиеся поверх исконно американских, германских, британских и польских месторождений и «рудных тел». Говорило на непонятном большинству цивилизованных людей языке, писало неправильными буквами, да и вообще было неправильным, с какой стороны ни посмотри. Было бы правильным – скинуло бы свое преступное правительство, сдало бы президента в Гаагскую тюрьму и каялось бы с утра до вечера. И платило бы всем желающим. И померло бы от неизбывного чувства вины... Политика, осуществляемая на поделенных на «зоны урегулирования» территориях, поначалу наверняка казалась победителям совершенно верной. Возможно – единственно верной.

Николай сплюнул на ходу. От злобы. Даже не от злости – именно от злобы, почти звериной. Причины и поводы нападения он знал не хуже других. С этим все было просто и понятно. Не сойти с ума от того, что было потом, оказалось намного сложнее. Многие сошли – кто до ручки, кто по чуть-чуть. А многие погибли или умерли, находясь в совершенно здравом уме. И от этого было почему-то особенно обидно.

Довольно быстро, без сомнения, профессионально и с довольно умеренными – на его не самый информированный взгляд – потерями агрессоры разгромили вооруженные силы России... Почти разгромили... Загнали последние сохранившие боеспособность российские части в нутро страны, за Урал, и воевали там с тех пор ни шатко ни валко... Зачем – это отдельный вопрос... Затем, что русские сопротивляются на официальном уровне и какую-то угрозу еще представляют? Он не знал. На ходу думалось хорошо, но рвано. Рывками.

В общем, агрессоры, разумеется, сразу начали делить пирог и чистить площади. Мгновенное, деловитое разрушение гражданской инфраструктуры – вот этого не ожидал никто. Быстрое, конкретное разрушение насосных станций, больниц и травмпунктов, «опорных постов охраны порядка», пожарных депо – десятков самых разных учреждений, без которых не может жить ни один город и сельский район. И мирные люди, что еще более важно. Квалифицированный водопроводчик, пришедший на бывшую работу и что-то пытающийся наладить? Пуля тебе... Врач? Тебе тоже... Звучит как страшилка, правда? Этого не может быть, верно? Но это было... Пусть убитых по этому признаку оказалось в десять раз меньше, чем понявших намек вовремя и оставшихся в живых, – разрушаемая система быстро превратилась в осколки, по отдельности не способные ни на что.

Когда нет пожарных – любой пожар превращается в смертельную угрозу. От настоящих поджогов до неизбежных результатов использования самодельных «буржуек». И в двадцать раз больше, чем пострадавших от огня, будет тех, кого огонь выгоняет из привычного дома. На улицу, где его и ее ждут те бывшие соседи, для кого война стала праздником. Потому что, когда нет полиции и вообще власти, власть забирают те, кто сильнее и наглее. Мгновенно возникшие в каждом городском и сельском районе банды исчислялись сотнями. Людей они убивали тысячами и десятками тысяч. За кусок хлеба, за вязанку дров, за золотое изделие в несколько граммов весом, за блистер амоксициллина, за канистру солярки. За внешность, за не вовремя сказанные слова – за что угодно.

Когда нет водопровода, канализации, врачей на вызовах и в стационарах, да и просто аптек, – эпидемия уничтожает миллионный город за месяцы. Тиф, сыпной и особенно брюшной. Дизентерия, одна выкосившая с марта по июль столько людей по всей стране, сколько не вместила бы Москва. Непонятная хрень, очень похожая на туляремию, как Николай помнил ее по институтским учебникам, – только почему-то не очаговая, а повсеместная. Еще более непонятная эпидемия чего-то гриппоподобного. Без такой высокой температуры, какая бывает при гриппе, – просто усталость и выделения из носа, – но слишком уж долго, волнами. От этого вроде бы не умирали. Но болеющий две недели подряд человек превращался в ходячую мишень. И легко сдавался в драке, быстро погибал в стычке, не мог проявить достаточно настойчивости и агрессивности, чтобы обеспечить себя и свою семью продуктами и водой. Последствия были те же...

Попытки организовать местные отряды самообороны, вооружаться чем бог послал, давать отпор бандитам – они, разумеется, были. Причем повсеместные, и иногда очевидно успешные. Но вот как только отдельный городской или сельский район начинал вновь становиться пригодным для жизни, как только в нем начинала самоорганизовываться хоть какая-то перспектива, вот тут и начиналось самое жуткое. Приходила, а чаще прибывала на транспорте рота, иногда усиленная. Никогда не американская, не британская и не германская. Очень редко, только в исключительных случаях – польская, эстонская, финская. Обычно – и это самое страшное – украинская, или грузинская, или чеченская, или среднеазиатская. Или

русская... И хуже не было ничего. Отряды самообороны уничтожались мгновенно, полностью, с максимально широким охватом по родственникам, по сочувствующим, просто по свидетелям и соседям. Логично же? Оружие населению иметь нельзя! С терроризмом надо бороться! Вот и боролись, о Господи... Термин «эскадрон смерти» не прижился, и такие команды называли почему-то «золотыми ротами» или просто карателями. Бандиты убирались с их дороги, и разве что иногда попадали под горячую руку. Целью «золотых рот» были именно организованные люди, совершенно законно не подпадающие под категорию «мирное население». Попытки оказать «ротам» серьезное, организованное сопротивление были, но заканчивались одинаково. Прибывали уже более тяжело вооруженные ребята, нормальные кадровые бойцы, и «гнездо террористов» выжигалось тяжелой армейской техникой. При четкой и эффективной поддержке с воздуха.

«Золотые роты», сформированные из граждан бывшего СССР, действовали так, что выжившие свидетели трогались умом. Грабежи и насилие не удивляли никого, но массовость убийств и без преувеличения звериная жестокость, с которой они уничтожали людей, просто поражали. Откуда такая ненависть? Мы же росли в одной стране, мы были или настоящими земляками, или по крайней мере говорили либо на одном и том же, либо похожем, братском языке. Учились по одним школьным программам, смотрели одинаковые фильмы в детстве. За что? За что могут нас так ненавидеть поляки, грузины, украинцы, русские? Другие русские, четко отделившие себя от нас и мстящие нам за наше же непонимание. Это было сюрреалистично: будто из-под кожи сто лет живших по соседству с нами и среди нас людей вылезли невиданные инопланетные твари.

Привыкший к профессиональному хладнокровию Николай зверел, думая обо всем этом. Он мог по-бритвенному четко отделить «за что» от «зачем». Но не мог размышлять об этом спокойно. Хотелось не просто убивать – хотелось рвать врагов зубами. «За что» – он не понимал, как ни заставлял себя понять. Не укладывалось в голове. Украинцы и грузины были настоящими братьями всегда, сколько он себя помнил и сколько помнили себя его родители, деды и прадеды. Каждый четвертый солдат в Отечественную был украинцем; каждый, может быть, сороковой – грузин. Украинцем был Хрущев – далеко не худший лидер за последние сто лет. Грузином был Сталин, в конце концов. С ним СССР стал силой, с которой не мог не считаться весь мир. За что они нас возненавидели? Ну не могут же взрослые люди действительно верить всему этому бреду, про «кровавую русскую оккупацию», отбросившую и тех и других от неких сияющих европейских вершин? Ни разу им не удалось взять представителя любой из «золотых рот» живьем, чтобы по душам поговорить. И, может быть, понять. Это было до сих пор коллективной несбывшейся мечтой. Чем-то, к чему хотелось стремиться.

А вот с «зачем» или «почему» было гораздо проще. До обидного проще. Принесшие нам «демократию и права человека» «миротворцы» совершенно не несли ответственности за действия «золотых рот». Создав их, вооружив, быстро оттренировав, снабжая их всем необходимым, помогая разведкой и целеуказаниями, – не несли ответственности, никакой. Русские убивали русских – это было, с их точки зрения, отлично. Украинцы, кавказцы и среднеазиаты с большим энтузиазмом участвовали в этом – еще лучше. Они имели на это историческое право. Геноцид? Что вы, какой геноцид? Вот когда Советский Союз оккупировал там, репрессировал... Все по привычному длинному списку... Вот это был геноцид. И Прибалтики, и Кавказа, и Украины, и всех прочих – до Польши и Чехии включительно. В том же Интернете миллионы ссылок на всех основных языках мира: «Геноцид свободолюбивого чеченского народа... Эстонского народа... Литовского народа...» А теперь – это было совершенно не геноцид. Просто восстановление исторической справедливости. Пусть несколько грубоватое, но совершенно обоснованное...

По поводу судьбы бойцов карательных подразделений, даже в полностью победном для агрессора будущем, у Николая были весьма темные предчувствия. Как только необходимость в них отпадет, их сделают козлами отпущения за все подряд... Но до этого было далеко, до этого нужно было делать что-то самим.

– Чш-чш...

Их пара вбилась в землю одновременно, синхронно, как пара прыгунов в воду в этом новомодном виде спорта. Предохранитель «калашникова» клацнул почти бесшумно. Патрон давно находился в патроннике, почти с самого начала. Николай был в курсе, что это ослабляет боевую пружину, но так делали все. Просто потому, что, когда кому-то не хватит половины секунды для приведения оружия в готовое к стрельбе положение, ему будет уже наплевать на состояние боевой пружины.

– Ы?

– Нет еще...

Было даже удивительно, как много информации можно передать одной выдавленной шепотом гласной буквой или вообще не произнеся ни звука. Если свои. С молодым офицером, носившим необычную фамилию, они воевали бок о бок уже который месяц. С поздней весны, точно. За такое время учишься понимать друг друга по междометиям. Это как молодые супруги общаются в стиле «Слушай, Киса, где там эта штука?» – «Так она же...» – «А, точно, спасибо!»

Головной дозор поменялся с момента выхода уже два раза. Свой черед они отработали без событий и теперь были на правом фланге. Фактически группа уже вышла в правильный район, но до нужного места еще полчаса ходу минимум. И потом два-три часа ожидания, как и положено. К моменту появления команды, которая осматривает участок работы саперов, все они будут качественно и привычно прикидываться ветошью.

– Пс.

Ясное дело, что тихо. Как же еще идти? С барабаном и развернутым знаменем? У их отряда не было знамени. Так и не было названия. Даже когда он вновь начал расти после последнего разгрома и на каждого обстрелянного бойца пришлось по 2–3 новичка – все равно было не до того. Ну и правильно.

Растоптанные ботинки были удобными и ступали по жухлой, сухой траве тихо и твердо. Попадающиеся под ноги ветки Николай переступал привычно, много больше глядя по сторонам и вверх, чем вниз. Подгибался под нависающие над тропинкой ветки, обходил крупные кусты. Лезли в глаза совершенно не нужные сейчас пятна черничника и семейки ранних грибов, и от этого он иногда улыбался. Движение по лесу походило на старое, привычное занятие – на тихую грибную охоту. Только тяжесть была другой: не два объемных кузова с горами подберезовиков, а оружие, и боеприпасы, и аптечка на группу. В ножнах не потертый «Южный Крест», а штык-нож и нормальная русская финка, какую носит шпана в деревнях. Над этим не шутили уже даже новички, хотя в ближний бой доктор с Кронштадта принципиально не вступал, работал со средней дистанции. В обязанности отрядного врача входил, в частности, именно инструктаж молодых – как и по каким участкам тела работать холодным оружием. Каждый этого боялся, каждый понимал, что ему может спасти жизнь усвоение слов, сказанных совершенно не добрым и не смешным доктором.

В общем, про ошибку агрессора. Население, сначала просто охреневшее от происходящего на западной и восточной границах, вскоре в своем большинстве осознало, что это правда, это реальность, это на самом деле. К кадровой армии потянулся неширокий ручеек пополнения: патриоты, храбрецы, адреналиновые наркоманы, мужики, чувствующие ответственность... Они сгорели в пламени боев за первые полтора месяца. Это он не просто видел сам, в этом он активно участвовал. Нормальная, настоящая была война. Только дорого обошедшаяся стране. Смертельно дорого. Ушедшие к сердцу страны бригады и полки были

далеко. Они держали еще весьма большую территорию, продолжали драться так, как положено драться кадровой армии, отбивали одно «последнее, решительное наступление» коалиции за другим... Николай не понимал, почему они держатся и что у них есть такого, чего не было у наших ВС под тем же Санкт-Петербургом, где их размазали грубой силой. Многократным превосходством во всем: в бронетехнике, в числе боевых вертолетов, в качестве и опять же численности БПЛА всех типов. Постепенно ему начало казаться, что «миротворцы» не особо-то и стараются добить остатки Вооруженных сил России в Сибирском, Южном и Дальневосточном регионах. Что им важнее процесс – бои идут, танки горят, самолеты и вертолеты падают сбитыми... Бойцы гибнут с обеих сторон... Зачем-то им это было нужно, именно текущий процесс всего этого, а не окончательная победа над кадровой армией России, окончательный ее разгром. Николай не понимал, в чем смысл этого, – орден, что ли, хочется генералам? Опыта побольше набрать перед будущим, лет через сорок, усмирением плохого-нехорошего Китая? Денег побольше потратить у всех на виду? Или наоборот, на фоне стрельбы и человеческих смертей прокрутить и отмыть начисто многие миллиарды, как уверенно и умело делали у нас в вялотекущую Чеченскую? Но в любом случае, это было большой ошибкой. Давшей потерявшим надежду людям по всей стране возможность вздохнуть и поднять глаза. Очень большой ошибкой. Второй по значимости.

Весной этого года, когда выстрелы танковых пушек и сотрясающие землю разрывы тяжелых ракет прокатились через европейскую часть России с запада на восток, это самое население село на попу ровно и как-то начало ждать, что же будет. И сидело, пока не началось все то, что затронуло каждого. Эпидемии, голод, банды, каратели. Продолжало сидеть, когда жгли и убивали соседей и бывших друзей, когда от болезней старых и новых умирали бывшие друзья и коллеги, соседи и члены семьи. Когда банды и каратели приходили в твой квартал, каждый был сам за себя, но люди продолжали ждать хоть чего-то. Что уцелевшие подразделения Армии России нанесут где-то контрудар и погонят захватчиков назад и вот-вот уже освободят всех! Что политические противоречия вот-вот разорвут союз между США и ЕС изнутри, раз Греция и кто-то еще уже угрожают выйти из НАТО, и что это только начало! Обрывки информации давали непонятную, безумную надежду сотням тысяч людей, которым так было легче. «Вы слышали? Премьер-министр Финляндии выразил глубокую озабоченность гуманитарной катастрофой, разразившейся на территории бывшей Российской Федерации... Понимаете, так и сказал! «Катастрофой»! Теперь ООН наверняка должна...» И такое было в сотнях вариантов. Многотысячные демонстрации противников войны в столицах крупнейших городов мира, выражения «глубокой озабоченности» и «крайней обеспокоенности» важными политиками. Да плевать на все это было тем людям, которые делили Россию, которые превращали ее в комфортабельную для себя местность! Ни одна демонстрация, ни одно выражение того и сего с трибуны – «решительное» или «озабоченное» – не влияло на показатели смертности на территории бывшей Российской Федерации. Бывшей!!! Миллионы трагедий, десятки миллионов трагедий, полторы сотни миллионов трагедий, о каждой из которых можно написать книгу! Миллионы смертей за считанные месяцы – такого не бывало даже в Африке! Эпидемии, жуткий уровень суицида, режущие женщин и детей банды и отряды карателей, сформированные из соседей и земляков. И на это многим было практически наплевать! А мнения и поступки тех, кому было не наплевать, не значили для происходящего вообще ничего!

И вот на фоне всего этого и как основа всего этого десятки миллионов охреневших мужчин и женщин «бывшей России» сидели по своим квартирам и хатам, ловили обрывки оптимистичных новостей по радио, смотрели, как ползет вниз индикатор заряда в айфонах и MP3-плеерах, и ждали, пока их кто-нибудь спасет! Или пока пришедшим на их землю новым хозяевам станет в конце-то концов как-то неловко, и они начнут налаживать их жизнь заново. Пусть даже не лучшую жизнь, вопреки обещаниям самой Катерины Тэтц, снова куда-то про-

павшей!.. Но хоть какую-то! Жизнь, в которой сломанная в драке за пачку макарон кость, или обострение астмы, или закончившийся картридж к водяному фильтру не означали бы почти неизбежную смерть для тебя и твоей семьи! А этого все не происходило, и становилось все хуже и хуже, и смертей вплотную к каждому, рядом с каждым, становилось все больше и больше. И новые власти, занятые неизвестно чем, уже не пытались ничего обещать, даже не создавали видимость того, что они пришли дать и блага, и демократию, и равные права геем, и все прочее, о чем говорилось еще совсем недавно.

Через три месяца после начала войны вся пропаганда без исключения была нацелена уже наружу, туда, на свое собственное население. Мол, «Мир на глазах становится безопаснее, русская угроза цивилизации ликвидирована. Ура, сейчас всем будет совсем хорошо». Наверное, в этом был какой-то смысл, была какая-то логика. Очень может быть, что демонстрации, и протесты, и очень нехорошие утечки информации в западных СМИ действительно требовали всех усилий их пропагандистской машины без остатка, – и на разгромленных, растерзанных русских людей ресурсов уже не хватало. Зря.

Именно это Николай считал самой большой, самой главной ошибкой захватчиков. Русским промывали мозги много десятилетий подряд. Они имели отличную прививку от пропаганды. Как только давление снизилось – вместе с исчезнувшим доступным каждому телевидением и Интернетом... Как только это случилось – они начали думать сами.

– Вторая пара, наблюдение в тыл. Третья пара, рядом со мной. Два часа в запасе, отдыхаем.

Комвзвода преуменьшал, как обычно. До появления досмотровой группы, проверяющей участок работы саперов, оставалось минимум еще часа два с половиной. А может и вообще никто не появится, тоже обычное дело.

– Что, док, грустишь?

– Я не грущу, я злюсь.

– А-а... Эт пра-лно. Это давай.

Командир ящерицей уполз куда-то в сторону. Уже через несколько секунд его было почти не разглядеть. Сивый, как обычно, молчал. С ним было спокойно и хорошо. Молодой офицер оказался настолько деловитым, что работал как надежный психологический якорь. Понятно, что он был таким же смертным, как и все они, – но что чувствовалось, то чувствовалось. С ним совершенно не требовалось поддерживать разговор, вот что хорошо.

Историю парня Николай знал. Дмитриев, Сивый, Иванов – с Балтийского флота. Он сам тоже был с Балтийского, но он был «пиджак», а эти кадровые. И другие истории он тоже знал – совсем не обо всех, но о многих. Бойцы из состава разбитых частей – мужчины и даже женщины, типа Петровой. В разных званиях и с разным опытом, но все с чем-то общим в выражениях лиц. Многие другие, резервисты и добровольцы, прошедшие какое-то обучение, но даже не успевшие добраться до линии фронта, когда она была. Однако нашедшие возможность поучаствовать в том, что началось потом. Были и третьи: люди, не умевшие вообще ничего, но имеющие свой личный счет, готовые драться арматуринами и ножами. Этих сейчас в отряде две трети, и их доля становилась все выше, потому что на смену погибающим либо получающим опыт и переходящим в иную категорию сейчас непрерывно приходили все новые. Одни смелые, другие на вид не особо, но подальше от огня, однако, не бегущие. Злые, очень злые... Некоторые злы так, что страшновато становилось даже ему. Месяц назад один местный мужик средних лет, узнав, что Николай из Петербурга, подошел к нему с таким напрягом в глазах, что сразу вспомнился курс психиатрии.

– Слышь, доктор, – спросил тогда он. – У вас там вроде колыбель культуры, так? Перекресток мира?

Он подтвердил, и очень напряженный боец, легко и небрежно держащий на плече старый «АК-47», произнес то, что Николай сначала счел детской считалкой:

За стеклянными дверями,
Шла немецкая война.
Немцы прыгали с горшками
Со второго этажа.

Много позже Николай убедился, что мужик действительно был необратимо сумасшедшим, но тогда он не был уверен и переспросил. Боец настойчиво повторил четверостишие еще раз и, явно едва сдерживаясь, сумел все же членораздельно спросить: знает ли доктор, что там, в этом стишке, дальше? Николай не знал, и боец сделал такую значительную паузу, что правая рука доктора сама собой сунулась назад, на поясницу, где под курткой на правой ягодице скрытно висел еще один, третий нож: прицепленный за клипсу небольшой складник. Потом мужик перестал давить его взглядом, закрыл руками лицо и заплакал. Отплакавшись, он объяснил, что этот стишок ему рассказал четырехлетний сын. В детских садах полно таких стишков, каждый из нас знает их с полсотни: стоит только начать вспоминать. И вот этот, самый смешной, про «немецкую войну» ему сынок рассказывал, и он тогда так смеялся... И там дальше что-то еще было, а он не запомнил, и никто не знает, кого ни спросишь, хотя здесь из разных городов люди. И даже в Петербурге вот не знают. А сынка теперь нет, и семьи нет, и не спросишь уже – но он все пытается узнать и спрашивает у всех.

Николай потом день ходил сам не свой, пытался что-то придумать в рифму, чтобы мужику стало легче хоть так. Ничего не вышло. Он чувствовал, что сам может сорваться. Но тогда отряд увлеченно выслеживал бывшего народного депутата, сбежавшего в эти края и затихарившегося, – и ему было чем заняться, даже вне выполнения прямых своих обязанностей. Депутата они ловили долго, упорно, напряженно, почти не отвлекаясь. Раскручивая одиночный «стук» на всю местную агентуру, не жалея ни ног, ни мозгов. Питерский депутат, дорогой, хороший. Он был не первый, и все очень надеялись, что не последний на счету отряда. Так в годы Великой Отечественной гвардейские истребительные авиаполки мерились: у кого на счету больше обладателей «Рыцарских крестов» сбитыми. Сволочь взяли на классическую «медовую ловушку»: как ни странно, это сработало. Сняли с девушки, буквально немного опоздав и разъярившись от этого еще больше. Допросили сначала на месте, быстренько – убедились, что ошибки нет. Отвели на одну из нечасто используемых точек, прячущихся среди хозпостроек давно забытого рыночной экономикой колхоза или совхоза, все лето кормившего их со своих полей. Допросили уже не торопясь, меняясь. Какой скополамин, что вы, зачем? Перочинный ножик, убедительный голос и сколько-то часов времени заменяют его в высшей степени эффективно! Уже через первые три-четыре минуты тесного общения бывший народный избранник бросил отрицания и перешел в описании сумм выкупа за свою драгоценную жизнь на семизначные цифры. Через десять минут назвал уже не только счета, но и пароли в нескольких европейских банках. Через пятнадцать или чуть больше – имена людей, которые «курировали» его последние два года. Представителей посольств, помощников руководителей нескольких некоммерческих организаций и общественных фондов. Пара названий была на слуху, еще одно или два – не особо. «Северо-Западный региональный фонд “За демократию”» – это что? «Международное деловое партнерство “Просвещение”» – чем оно занималось, кроме раздачи грантов некоторым представителям недемократичного и непросвещенного русского народа? Визжащий и рыдающий депутат рассказывал вещи, неплохо известные всем «в общем», но мало кому известные в деталях. Ему не обещали ничего, но из него буквально перла информация. Настолько ценный ее источник оказалось действительно жалко убивать, так что поведение уже давно обмочившего и испачкавшего штаны человека было, в общем-то, совершенно правильным. Его перестали мучить, напоили, сказали что-то успокаивающее. Поменяли карту памяти в дешевой

фотокамере-«мыльнице», поставленной в видеорежим. Продолжили. И так несколько раз, пока этот человек... почти всю сознательную жизнь продававший своих земляков за обеспечивающие ему комфорт и уют деньги... Пока он не иссяк. Пока не превратился в то, что вызывало уже не только гнев, но уже и омерзение. Жалости к нему у бойцов не возникло.

Почти ничего не сообщающего, пускающего слюни мужчину, не способного уже даже говорить, повесили на перроне железнодорожной станции Платформа 184 км. Не пожалели нескольких часов на пеший марш, со всеми «коленами» и финтами. Повесили как положено, за шею, с соответствующей табличкой на груди, объясняющей, кто это и за что. Спокойно и деловито: не то чтобы при стечении народа, но кто-то из местных был, смотрел. Дипломированный доктор Ляхин привычно констатировал смерть, подписал протокол приведения приговора в исполнение. Трибунала у них, разумеется, не было – чай, не мотострелковый корпус. В отряде имелся Особый отдел, вот он бумаги, не торопясь, и оформил. Как уже сказано, не в первый раз, и все надеялись, что не в последний.

– Готовность...

Шепот пробежал по редкой цепочке бойцов «разведвзвода и усиления», как электрический разряд. Николай машинально наклонил голову набок, проверяя положение предохранителя. Привычно прогрел связки правой кисти несколькими простыми движениями. Этому его научила девочка Вика, первый и пока самый успешный снайпер отряда. Пошедшая на войну если не со школьной, то, во всяком случае, с институтской скамьи и неожиданно проявившая такой несомненный талант к снайперскому делу, что взрослые вояки удивленно качали головами.

– Тишина всем.

Хрен – тишина. Едва привыкшая к ним за эти часы розовошеяя лесная птица орала и надрывалась над самыми головами, будто они пришли ее птенцов на гриль забирать. Слава богу, моторы в «Хамви» досмотровой группы рычали на грунтовой дороге так, что тут попугая ару не расслышишь, не то что нормального клинтуха. Дозор шел парой, с хорошим интервалом между машинами, как положено. Группой они могли гарантированно уделать одну машину, но точно не обе одновременно. Отучили уже гостей выпендриваться, как на параде. Кровью отучили: и их собственной, и своей, это уж как водится.

Мост был где-то в полутора километрах впереди: нормальный такой мост через широкий ручей или скорее мелкую речку без названия. В совокупности с десятком таких же мостов на 40–50 километров, делающий эту грейдерную дорогу довольно важной и довольно наезженной. Дожди шли уже вторую неделю: хорошие такие дожди, привычные для всех местных и «почти местных», включая ленинградцев. Столбы под основным пролетом они не перепилили, а подломили самым настоящим тараном, сделанным из соснового ствола: все выглядело довольно натурально. Вчера саперов ждали почти полный день, но они появились только под вечер, хорошо охраняемые. Наблюдатели вжались головами в хвою и лежали так час, пока саперы цокали языками, а их охрана зевала. Не удалось даже точно разглядеть, кто это был, америкосы или все же поляки, как обычно бывало. Времени на ремонт саперам не хватило, и не могло хватить. Значит, сегодня. Ну и ладушки. А то сколько-то часов топать по просекам и тропам с полной выкладкой, кормить родных комаров... Приходите, ребята. Приезжайте. Потратьте солярочки.

Мост досмотровая группа прошла довольно грамотно. Вторая машина остановилась метров за сто и высадила бойцов. Те полностью изготовились, и только тогда постоявшая с полминуты в пятнадцати метрах от перекошенного пролета легкобронированная бандура осторожно перевалила речку по правой, держащейся на стоящих опорах стороне. Потом первая машина прошла метров 700 за мост, остановилась и таким же манером вернулась. Вторая начала разворачиваться еще до того, как та прошла мост в обратную сторону. Беспилотник сделал над головами буквально пару не особо широких кругов и ушел. Мелкий был, деше-

венький, и это тоже был симптом. Для «гостей» это все было рутиной. Ничего серьезного они здесь не ожидали.

– Точно америкосы, – шепнул Николай соседу, когда тихий шорох в сером небе угас окончательно, вслед за глухим рычанием двигателей обеих машин, давно ушедших обратной дорогой. Тот молча и довольно равнодушно кивнул. Видали они таких... И не только видали, но и...

Камуфляж не зелено-серый, а желтовато-серый, опознавательных знаков на машинах нет вообще – значит, точно не поляки. Шлемы и обвесы на бойцах характерные. Все бойцы вроде бы белые, но это тоже ничего не значит: латиноса от белого с такой дистанции не отличишь.

– С четверть часа, пожалуй.

– А то и больше.

– Угу.

Они снова замолчали, минут на десять, но тут уже Николай заставил себя не отвлекаться. Саперов он уважал. Саперы каждый день имеют дело с замаскированной смертью, и это у многих вырабатывает весьма впечатляющую интуицию. Случается, что боец чует чужой взгляд за милю, а сердцебиение метров за триста. Лучше помолчать, как ни хочется услышать живой голос напарника. Оба целее будут.

Некрупная фура приехала минут через двадцать – чуть позже, чем он рассчитывал. Вполне похожа на ожидавшуюся ими саперную «летучку». Нормально. И приехала не одна, что тоже совершенно нормально. Слава богу, не «Страйкер» и тем более не «Брэдли», а очередной «Хамви» с малокалиберной автоматической пушкой на крыше. Снаряд такой пушки разрывает человека пополам и пробивает любую броню, которую можно навесить на «КамАЗ» или «Тойоту»-пикап. Местные попытки что-то импровизированно бронировать быстро сошли на нет: крупнокалиберных пулеметов и автоматических скорострельных пушек у «миротворцев» было больно уж много.

– Начали.

Спешившиеся саперы неторопливо шли к мосту, спешившиеся пехотинцы прикрытия деловито распределяли секторы огня. Саперов трое, плюс водитель в машине. Из числа прикрытия – один-двое под броней и четверо на земле. Через несколько минут они запустят в небо очередной мелкий беспилотник, через десяток – будут полностью готовы к отражению нападения любой группы, сравнимой по силам с их собственной. Сейчас.

На противоположной стороне дороги с воем взлетела и тут же угасла одиночная пиротехническая свистулька. Стрелок в люке на крыше «Хамви» мгновенно развернул ствол своей пушки в нужную сторону. От них. Но огня не открыл: крепкие у парня были нервы. Несколько отрывистых команд на английском, едва донесшихся до их лежки. Ну что, уйдут или останутся? В смысле, уйдут все вместе или?..

Несколько долгих десятков секунд и Николай, и все они не были уверены. Потом командир американской группы сделал то, что от него ожидалось. Закончив короткий доклад о произошедшем и не получив никакого нового повода к активным действиям, он решил сам проверить, кто там на опушке такой наглый, что докладывает об их появлении. Что там за лесная белочка такая. Саперы получили приказ отложить ремонт мостика «до выяснения», половина его группы во главе с наводчиком смертоносного ствола на крыше – удвоить бдительность, и все такое. Можно быть уверенным на 99 %, что уже далеко ушедшие машины досмотровой группы получили распоряжение вышестоящего командира вернуться и готовиться оказывать помощь, действовать по обстоятельствам и все такое прочее. Сам же он со второй половиной своей группы, помявшись, все же отправился в лес. Если бы оттуда был дан хоть один выстрел, тактика действий пехотинцев точно была бы совершенно другой. Но

невысоко поднявшаяся над дорогой на дымном столбике одиночная свистулька выглядела больно уж странно.

Командир разведвзвода дал храбрецам несколько минут. За это время их камуфлированные спины исчезли из виду. Было совершенно правильным, что оставшиеся на дороге бойцы заняли круговую оборону возле своих машин: саперы у «летучки», пехота у «Хамви». Половина направила стволы своего оружия в ту же сторону, куда ушли их товарищи, – самое главное, что среди них был и наводчик автоматического страшилища. Вторая половина – это было уже не так страшно.

Без команды, просто поняв, что пришло нужное время, Николай прикоснулся мушкой к чужому силуэту. Ровно в этот момент второй номер расчета их единственного пулемета поднял голову и руки и сдернул лохматый, покрытый серыми тканевыми лоскутами чехол со ствола РПК-74⁹. Тот был установлен всего в четырех десятках метров от моста, в глубине леса – это минимальная дистанция, на которой замаскированная позиция пулемета не обнаруживалась в первую же минуту наблюдения. Николай давно держал палец на спуске: он не увидел, не услышал, а почувствовал, как впереди сразу несколько человек изо всех сил набрали в легкие воздуха, чтобы закричать. РПК выдал прицельную очередь: длинную, почти на полный магазин. Она вошла точно в спину наводчика пушки на крыше «Хамви», а затем, опустившись, в правые боковые стекла машины, в оба разделенных средней стойкой элемента. Несмотря на малую массу пули, на такой смешной дистанции РПК пробивал бронестекло, как папиросную бумагу. Вспышку кровяной взвеси внутри переднего отсека «Хамви» было видно даже ему, не отрывающему взгляда от терзаемой попаданиями половины фигуры на крыше машины. Это был самый главный момент – если бы все четыре ствола, которые били в этого парня, промахнулись, тот урезал бы шансы разведгруппы на выживание и выполнение задачи втрое за первые же несколько секунд. Даже шофера бронированной машины убить было не так важно.

Первый из спешившихся пехотинцев уже poleg, но остальные кувыркнулись так, как не кувыркаются акробаты в цирке или гимнасты на олимпийском манеже. Один ушел в противоположный кювет, другой – под колеса бронемшины. Этого изрешетили в несколько стволов, едва он только успел дать первую неприцельную очередь. Но с остальными, включая саперов, пришлось возиться непозволительно долго. Первые секунды обмена огнем не дали явного результата. Уцелевшие пехотинцы и совершенно не пострадавшие саперы зло и умело огрызались и едва не накрыли пытающихся обойти их ребят разрывом одной из своих гранат. Одного, в дальнем кювете, вроде бы ранили, но даже он все еще продолжал драться. Время уходило, и все становилось совсем уж нехорошо. Нужно было или начинать действовать по всем армейским правилам: с обходом, с гранатометчиками, с огнем на подавление и так далее – или отходить. Было совершенно очевидно, что предпримет командир разведвзвода: они работали вместе так давно, что отлично чувствовали его мнение о ситуации.

Пулемет дострелял сорокапатронный магазин, прикрыв очередную отходящую пару. Расчету приходилось туго: на средних дистанциях огневая производительность РПК вполне компенсировалась лучшей меткостью американских штурмовых винтовок. Николай заставил себя остановиться, развернуться. Затем, с большим усилием, принять положение для стрельбы с колена. Магазин «калашников» он расстрелял скупыми, конкретными очередями, дважды поменяв позицию на пару метров в одну и другую стороны. Он слышал, как сзади и сбоку кто-то сдавленно, с болью матерится – значит, раненый. Но его огонь был сейчас важнее, чем жгут и индпакет, поэтому он продолжал стрелять, пока мог. Острокопечные пули рикошетили в разные стороны от веток, застилающих директрису стрельбы как кисей, – это был известный недостаток отечественных малокалиберных стрелковых

⁹ Ручной пулемет Калашникова, имеющий калибр 5,45 мм.

систем. Но прицельный огонь есть огонь: сколько-то пуль долетало до врагов и заставляло пригибаться, и опускать глаза, и сбивало им прицел. Потом прикрыли его самого, и Николай рывком разорвал дистанцию. Захлебываясь воздухом, выполнил пару привычных зигзагов. С размаху рухнул на хвою – так, что вышибло дух; дрожащими пальцами перезарядил оружие. Патронов еще хватало, а бой, очевидно, заканчивался. Похоже, боевая ничья. Сейчас будет видно.

Справа и чуть впереди сухо погавкивал тот же родной пулемет – намекал, что преследование может быть нескучным. Нет, уже совсем стихает. Вот и стихло.

Почти не останавливаясь, они все пробежали километра три или четыре, то и дело задирая подбородки и прямо на бегу глядя вверх. Потом комвзвода широким, почти купеческим жестом остановил бегущих и дал всем пять минут отдыха. Как проводит отдых разведчик? Задыхаясь, вытаращив глаза, задрав ноги куда-нибудь повыше. И одновременно снаряжая магазины. А добрый доктор? Перевязывая раненых, слушая жизнерадостный мат. И матерясь сам, вместо обезболивающего. А что? Работает ведь... Будь ранения тяжелыми, все было бы иначе, но тут ребята выложились, потерпели. Так сказать, «на скорость движения не влияет», как говорили до войны по другому поводу. У одного плечо, у другого бок касательно, у третьего еще хуже – кисть правой руки. Так всегда и бывает.

– Дали, а? Во дали!

Боец говорил лихорадочно, забывая торопливыми радостными словами собственный недавний страх и сиусекундную боль, которая теперь с ним надолго. Вот-вот его начнет тошнить, до рвоты. Потом снова ничего, а потом пойдет лихорадка. Рана не опасная, но хреновая. Лейтенант Ляхин не микрохирург, чтобы мелкие кости репонировать и мелкие нервы сращивать. Сосуды-то ладно...

– «Хамви» точно дымить начал, я сам видел. Его здорово посекло, а?

Николай равнодушно согласился и даже демонстративно оглянулся назад – не стоит ли над горизонтом дымный столб. Хрена с два, сплошные деревья. Ну и слава богу. Будь здесь южноуральская степь – все они здесь и остались бы, после первого же раза. А так поживут еще и поработают.

Пулеметчик по имени Василий и по прозвищу Борман громко откашлялся, выхаркал на траву сгусток мокроты. Курить разведчикам строго запрещалось, – и из-за запаха, и из-за того, что приходилось бегать, как коням. Но любое ОРЗ держалось подолгу, и надолго оставляло потом тянущийся хвост покашливания, поперхивания и всего такого прочего. Раньше так почему-то у молодых почти не бывало.

– Есть, командир...

Команду Николай не услышал и несколько секунд бегал глазами, не понимая. Кто-то из бойцов вставал и готовился к движению, кто-то продолжал лежать. Впрочем, комвзвода команду продублировал. Даже не специально для него: просто для глуховатых и стормозивших. Группа делилась надвое, при этом первая полугруппа уходила назад – туда, откуда они сейчас так бодро прибежали. А вторая – неторопливо оттягивалась по оговоренному маршруту в общем направлении лагеря. Именно неторопливо, а не привычным бегом, чтобы иметь возможность еще на полпути соединиться с уходящей сейчас четверкой командира, которая должна была их нагнать. Точки randevу ему назначили – несколько последовательных, по столько-то десятков минут ожидания на каждой.

Возражений ни у кого не было, жалоб на несправедливость судьбы в целом и командирского выбора в частности – тоже. Две двойки командир перетасовал, но двойку Сивого – Ляхина не тронул. К ним – все трое раненых, это тоже было понятно. На младлея Сивого нагрузили ручной пулемет, на лейтенанта Ляхина – пару неудобных и тяжелых магазинов к нему, на 40 патронов каждый. Взамен у обоих отобрали по ручной гранате и обругали «гоночными ишаками». Также привычно.

Комвзвода даже не стал тратить время на то, чтобы назначить старшего: погнал своих буквально галопом. Причем не обратно по собственным следам, а заметно в сторону. Значит, будет выходить на место засады по дуге. Умно он поступает или нет, можно было не гадать. Умно. Вздыхнув, Николай отдал соответствующую команду. Все подчинились молча и сразу, даже тот же Сивый, который был вполне себе на уме парень. Дальше был марш, который почему-то почти не запомнился. Спокойный такой ход по лесу, с выбором, куда поставить ногу, с привалами, почти когда хочется. С возможностью думать. Роскошь и разврат... Ориентироваться он умел, командовать тоже. Сил было – вагон, адреналин грел мышцы изнутри, как размазанный по всему телу костер.

Засаду Николай счел чрезвычайно удачной: в этом он был солидарен со снова замолчавшим и уже начавшим шататься и мотать головой бойцом. На подбитые машины ему было наплевать – техники у оккупантов было столько, что всю не перебеешь. Но они заплатили тремя легкоранеными за по крайней мере двух убитых и бог знает скольких раненых разной степени тяжести: еще двоих, а может быть, и троих. Это было превосходно. Даже одного убитого врага без единой собственной безвозвратной потери можно было считать победой. А тут двое! На каждого будут печатать некролог в каком-нибудь местном издании, показывать его портрет по телевидению. На их могилах, над свернутыми треугольником флагами будут рыдать безутешные родные. Каждый из которых навсегда запомнит, что русские не отдают и не отдадут свою землю без жестокого боя.

Да и раненые – тоже отлично. Раненого человека нужно лечить, эвакуировать, платить компенсации и пенсии... Всё это он рассказывал своим друзьям при первой возможности, – но да, в бою не выбирают. Попал в «проекцию», в «обводы корпуса» – отлично. А дальше пуля или осколок сами разберутся, кого убить, а кого ранить.

Встретились с тем прикрытием, которое им обещали на обратный ход ноги. Снайперская пара Петровой и гранатометная пара Козленка. Не хватало еще пары пулеметчиков – тогда бы получилась нормальная «чеченская боевая группа». Но единственный пулемет был как раз у них самих, пользы от него в засаде было очевидно больше, чем в прикрытии. Петрову Николай уважал, Козленка тоже. Оба были даже как-то похожи: перманентно мрачные, молчаливые, деловитые. Эффективные. Гранатометные выстрелы стоили на вес золота, как и вообще почти все, что шло с Большой земли. С патронами было чуть легче, хотя специальные были в остром дефиците. Вот же странно – основным моделям стрелкового оружия уже многие десятки лет. Считается, что гонка вооружений – это смена поколений ракет и авиации. И вот война идет полным ходом – и где она, та авиация? И те ракеты? А «калашников» есть у каждого, и СВД¹⁰ у злой снайперши, и все заняты делом.

– Размяться не хотели бы, а? А то мы там кровью лес удобряем, а вы...

– Да пошел ты!

– Бойцы!

– Я!

– Я!

– Заткнулись оба, прямо сейчас.

– Есть.

– Не слышу.

– Есть, товащ лейтнант.

– И извинился, быстро.

– Виноват. Прости, братан... Я не со зла, я с раздражения... Болит, сука. Сначала не болела, а теперь очень. Прямо очень-очень.

– Дай еще раз посмотрю. Угу... Ща, покопаюсь, найду тебе что-нить. Потерпи.

¹⁰ Снайперская винтовка Драгунова калибра 7,62 мм. Принята на вооружение в 1963 г.

Две таблетки американского «Тайленола» в склеенном бумажном квадратике. Отличная штука, лучше большинства отечественных противовоспалительных и обезболивающих, которые «без рецепта». У него один довольно серьезный недостаток – выраженное седативное действие; но эта конкретная форма идет с кофеином, и тот компенсирует данный недостаток. А второй недостаток еще важнее – это то, что хрен его добудешь. Чужих автомобильных аптек не так много, чтобы использовать их как месторождение полезных ископаемых. И комплектуются они тоже чем попало, как и наши.

– Скоро это поможет, доктор, а?

Во, уже не «товарищ лейтенант», а доктор... Нормально, так обычно оно и бывает. Подошла Вика Петрова со своим «саксаулом»¹¹ на плече, увешанная подсумками. Посмотрела на Николая понимающе, присела рядом с бойцом, положила ему руку на лоб, о чем-то тихо заговорила. Глаза у парня были уже не лихорадочные – мутные. Отходянок. Ничего, не такая уж серьезная рана. Две недели покантуется максимум. У того, которому в кисть, хуже. Теперь только нестроевым...

Он снова посмотрел на мрачного гранатометчика с совершенно неподходящей ему фамилией и только вздохнул. Грузы из далекого тыла, с Большой земли, шли долго, и не все доходили. Каждый раз заявки отряда выполнялись на четверть и с двухнедельным опозданием или не выполнялись вообще. Сначала далеко от них и близко к собственному зонтику ПВО все везли автотранспортом, десятками грузовиков, двигающихся в колоннах и под конвоем. Потом все перегружали на мелкие грузовички, поодиночке ползающие по мелким дорогам. Так бывало и в мирное время, с доставкой по всяким сетевым магазинам вроде «Пятерочки» или «Дикси». Мелкие грузовички типа «Газелей» или «фиатиков» сновали по городу, заезжая туда, куда не протиснуться фурой. Здесь это было еще не все: здесь груз потом иногда тащили на спинах, а иногда распихивали по кузовам и салонам раздолбанных легковушек, а затем, бывало, снова перекладывали на спины. Такую схему почти бесполезно отслеживать с воздуха и почти невозможно пресечь полностью, потому что иначе придется устанавливать реально действующие «зоны, запретные для любого транспорта» в сотни километров шириной. И уничтожать каждый «ВАЗ» и «ГАЗ» на этих сотнях километров, на каждой задрипанной грунтовке. Что не вызовет у «миротворцев», понятное дело, никаких моральных терзаний, но что потребует привлечения больно уж серьезных сил и средств. А анекдоту про самолет стоимостью 30 миллионов долларов, уничтожающий ракетой стоимостью еще полмиллиона ишака с вьюками, – этому анекдоту было довольно много лет и рассказывали его на нескольких языках.

Потери были на каждом этапе, но, в общем, грузы кое-как шли и позволяли отряду вести довольно активные действия. Однако... Это патроны можно столько километров и на стольких перекладных доставлять до нуждающихся в них людей. Потому что их два основных калибра – 7,62 да 5,45 миллиметра – и несколько специальных их типов вроде тех же снайперских. Еще обязательно найдут своего благодарного пользователя гранаты к подствольникам и готовые гранатометные выстрелы, простейшие медикаменты и перевязочные материалы, средства дальней и местной связи и аккумуляторные батареи. А вот гранаты к старым РПГ – это уже экзотика. Это уже неизвестно, пригодится в конце маршрута или нет. Поэтому вот так вот было с ними хреново. Поэтому пара бронеединиц становилась в этой местности и во многих других чудо-оружием.

Очередной привал Николай приказал устроить всего километра за четыре до базового лагеря. С одной стороны, раненым однозначно лучше «домой», но с другой... Его довольно сильно беспокоило, что комвзвода с остальными их до сих пор так и не догнал. Связи у них, разумеется, никакой не было: со связью было плохо даже в отряде в целом, не то что

¹¹ Распространенное прозвище снайперской винтовки Драгунова.

в отдельных подразделениях, даже в разведзвезде. Так что и не узнаешь ничего: ни сейчас, в этой конкретной ситуации, ни «если что». Николай пытался посчитать в уме – сколько километров ребятам выходило «на обе ноги» маршрута. Добавлял резерв на посмотреть и пошарить на месте засады, делал поправку на то, что они все больше устают. В итоге получался такой разброс цифр, что можно было даже не гадать. Но бросить расчеты просто так оказалось вообще невозможно, и он продолжал себя накручивать.

– Идут, – вдруг произнес Сивый, и Николай сначала не поверил.

– Идут, точно, – подтвердил один из раненых бойцов.

– К бою.

Все тут же перестали радоваться и расползлись в разные стороны, готовя к стрельбе личное оружие. Вика залегла совсем рядом, и Николай в очередной раз отметил, какая она деловитая. Теперь он и сам уже слышал торопливые шаги нескольких человек. Не бег, быстрый шаг. Три человека, а может быть, и четыре. Собак не слышно – их он боялся больше, чем даже беспилотников. Звяканья тоже не слышно, но это ни о чем не говорит.

– Оп!

Шаги мгновенно стихли, сразу по всему узкому полукругу. Вроде бы слева был звук, какой издает бросившийся на землю человек, но остальные сработали тише. То ли опытные бойцы, то ли не стали ложиться с ходу, а прислонились к деревьям, например.

– Тюлька!

– Таймень... Уф-ф...

Все одновременно вздохнули с облегчением. Бой или даже короткая, нерезультативная стычка совсем рядом с базовым лагерем – это очень и очень опасно. Городок был так себе: без какого-либо стратегического значения. Без постоянного гарнизона «миротворцев». Без большого интереса со стороны заезжих любителей подемократизировать кого-нибудь без лишнего для себя риска. Так и должно было оставаться, потому что любой другой вариант чреват немедленными массовыми жертвами среди местных жителей. Именно поэтому, как любые нормальные хищники, разведчики уходили работать подальше. За неимением нормального транспорта – ножками. Машины были, и даже бензин к ним был, и солярка. Но сочетание активности партизан слишком уж легко увязывается современными автоматизированными системами управления с зарегистрированными проходами автотранспорта. Многострадальными ножками выходило значительно безопаснее. Хотя, разумеется, не так весело.

Пароли и отзывы всегда подбирали на одну букву: так повелось, наверное, лет сто назад. И выбирали слова, не самые простые для людей, учивших русский язык как иностранный. Русских по крови, разумеется, у «миротворцев» служило полно, многие-многие тысячи. Но как-то так до сих пор было принято. Слово «тюлень» знает любой американец, поляк или эстонец, учивший русскую букву «Т» в университете, а затем на курсах переводчиков. Что такое «тюлька», «таймень» или, например, «тугун» хрен кто знает, кроме русских. Иногда пароли меняли на цифровые, но не часто. У них, во всяком случае.

– Ох, как мы задолбались... Минуту, еще минуту, командир, а?

Да, было видно, что разведчикам первой полугруппы пришлось несладко. У бывшего пулеметчика, тут же забравшего обратно верный РПК, было ободрано все лицо: в ближнем бою, что ли, побывал? Нет, скорее просто ветками исхлестало, конечно. Но выглядит не весело: будто мужик пытался снасильничать сразу тройню, а та отбивалась всеми когтями.

– Ну че там?

– Ы-ы...

– Эй, Лысый! Ну ребя-ят! Ну че там набили, а?

– Слушай, боец! Дай людям отдышаться. Не мельтеши.

Раненый боец вздохнул и целых полминуты молчал. Глаза у него были уже совсем нехорошие.

– Да че, ладно... «Летучка» подбита да брошена. Все ценное они забрали, топливо слили, шины прострелили, толку от них... А вот броневик эвакуировали, хотя мы его явно сильнее покоцали.

– Ясное дело, эвакуировали. Это ж военная машина, а не хрень на колесах. Еще что?

– Аптечку они тоже забрали? – Николай вообще не собирался влезать с вопросами, но не удержался.

– Тоже. Не видели ее. Что-то из инструментов по мелочи в кунге было, но ерунда выброшенная. Крестовая отвертка, тестер, ящик с какими-то лампами... Фигня. Журнал, перчатки, ветошь, банка с маслом... Взяли фигню какую-то, чисто из принципа.

Николай заметил, что командир разведчиков, молча слушавший этот быстрый разговор, довольно улыбнулся. Подход ребят ему нравился. Агрессивный сам, он воспитывал агрессивность в своих людях всеми методами. При виде врага его подчиненный должен был начинать искать способы убить его, ранить или взять в плен и замучить там после допроса. Должен был начать действовать в команде или в одиночку, по плану или импровизируя. Каждого вражеского солдата разведчик должен был считать своей потенциальной жертвой. Все чужое – будущим трофеем, способным пригодиться отряду в хозяйстве. Иногда это переходило в наглость и наказывалось кровью и безвозвратными потерями, но в целом очень помогало людям сохранять правильный настрой.

– Так, товарищи бойцы и командиры. Завязываем трепаться. Подъем! К маршу!

С негромкими матюками и причитаниями все поднялись на ноги.

– Совсем чуть осталось, вы че? А вы расселись! А ну пошли!

Четыре километра – это действительно было чуть. Нести никого не требовалось, все были на своих двоих, даже раненые. Ну, без особых трофеев, чего уж там. Отвертка да журнал. Но зато кого-то убили, а сами все живы, поэтому бодры. К слову, даже забавно, что все саперы уцелели, потери понесло их прикрытие. Что ж, кому-то везет, кому-то нет.

– Тащ лейтенант?

– У?

– Вы по-французски читаете?

– Нет, никогда не учил. Только что в песнях из «Трех мушкетеров» было, то по-французски и знаю. А что?

Боец молча протянул Николаю свернутый в трубочку журнал: тот самый, видимо. Яркая, кричаще-красная рамка, поверху идет набранное белыми буквами крупное название: «Le Point». В рамке, в середине обложки крупная фотография: несколько человек спиной к камере, все в военной форме и с оружием на изготовку. На заднем плане большая группа людей разного роста, стоящих в неровном строю. Часть из них также в военной форме, остальные в гражданском. Огромный заголовок, набранный желтым: «INFAMIE!» Николай пожал плечами: слово было не больно-то французское. По-английски infamy – это позор. Корень наверняка один и тот же.

На ходу не почитать, ни даже полистать было невозможно, и даже не от опасения споткнуться. Ты не на прогулке, и попасть в поставленную на тебя и твоих друзей засаду – проще простого даже на последних километрах пути. Или наступить на противопехотную мину, какими засевают с кассетных ракет, беспилотников и вертолетов десятки квадратных километров при минировании «на восприятие». Или не заметить вовремя идущий на 300 метрах высоты наблюдатель-беспилотник. А результат будет один. Вон и младлей Сивый неодобрительно косится, весь мрачный. И замечания не делает только потому, что кадровый, и субординацию блюдет. Но он был совершенно прав. Поэтому Николай отдал журнал бойцу и просто пожал плечами.

– Потом посмотрим, лады? Может, и знает кто... Слушай, но это ведь не французы были?

– Не, какие французы? Нормальные амеры. Обычные.

Тоже ничего не возразишь. Да, обычные для этих мест. Уже. С момента, когда демократия повернулась к России своим многообещающим лицом.

Разговор закончился сам собой. Группа постепенно дробилась. Сначала надвое, потом еще надвое. К родной базе пары выходили разными маршрутами, россыпью, – по той же самой обычной причине. Лишние глаза, глядящие в окно; лишние слова, которые кто-то кому-то может сказать от нечего делать. Все, уже почти дома.

Обычная встреча: остававшиеся на базе бойцы издали смотрят, как командир разведчиков строит своих. Все давно знают, что сейчас лучше не подходить и не спрашивать – старший лейтенант не просто пошлет подальше, он применит дисциплинарные меры. Обычно они суровые. Может поставить на вид командиру подразделения. Очки в сортире драить – это тогда еще ничего, а могут послать телеграфный столб охранять 12 часов. Или лишить сладкого – и ничего смешного, между прочим. Как наказание это работало для взрослых и вооруженных мужчин посильнее многого другого. Позор страшен – черт бы с ним, с сахаром под чай.

– Благодарю за службу.

– Служим России.

Негромко, без ора. Но с выражением. Ни один не стесняется, ни один не делает вид, что сказанное – это пафосно или смешно. Они защищают Родину.

– Так, раненые, ко мне. Юля!

– Я здесь, товарищ лейтенант.

– Нам работа.

– Ой, вижу. Ой, ребятки...

– Не голоси, красавица. Мы знаешь как им вмазали? Герка, подтверди!

– А то! Железно! Он сам знаешь как давал им? Прямо в точку давал!

Все трое бойцов ржут. Надрыва в голосе нет, нервы у всех ничего. Мужчины вернулись из боя. У них есть время отдохнуть и подготовиться к следующему. Они уже привыкли.

– Болит, милый?

– Бля буду, очень сильно болит.

– Боец!

– Виноват, товащ лейтенант. Виноват, товащ сержант. Но реально ж болит.

– Потерпи, родной. Сейчас в санчасть... А ты как, миленький?

– Я ничего. Держусь.

Сортировка не была нужна. Всех этих раненых он видел и обработал еще там. Один затяжелел на последних часах пути, значит, его первым.

– Юля, моемся. Кипятильник поставила?

– Час как воду слила. Вы задержались.

– Ну, извини...

– Не шути так. Тяжело пришлось?

Разговор не мешал им работать. Бледный парень выглядел так, будто его сейчас стошнит. Он изо всех сил старался не смотреть на почкообразный тазик, наполовину заполненный использованными марлевыми тампонами. Сопровождающее первичную хирургическую обработку раны кровотечение было довольно серьезным – ну так даже первокурсники знают, что кисть руки кровоснабжается весьма обильно. Сильнее кровят только скальп и лицо.

– Терпи, казак, атаманом станешь...

Николай сам ухмыльнулся: фраза вырвалась сама собой, вовсе не самая привычная. Последний раз он ее слышал, наверное, в детстве. Бабушка говорила, когда йодом ссадины мазала.

– Ну все, заканчиваем. Юля, нитки покороче режь. И дай стерильную наклейку. Есть еще?

Боец посмотрел с тоской: мол, а что, может не быть? Ха, еще как может. Их и в мирное-то время могло в процедурной не оказаться, если сестра-хозяйка притормозит или аптека расслабилась. А у них сам бог велел быть всегда готовыми шить раны сапожной драгвой и заклеивать резиновым клеем. . . Но пока как-то выкручивались.

Когда закончили с третьим из раненых, самым легким, и всех по очереди устроили в санчасти, Николай едва держался на ногах. Болела спина, болели мышцы всего тела. Столько километров, то трусцой, то шагом. Болел привычный синяк на правом плече. Опять, наверное, будет кровь с мочой идти – эта штука называется маршевая гематурия. К этому он тоже привык.

– Иди отдыхай. Я сейчас сделаю тебе помыться, а приберу уже потом.

– Автомат еще.

– Да бог с тобой. Ребята почистили. Вон поставили тихонько.

Не было сил ответить словами, и он просто кивнул. Как это в войну хирурги могли оперировать по 30 часов подряд? То, что они обычно, наверное, не ходили в рейд, было не сильно большим утешением.

Забрать автомат, добраться до умывалки. Помыться, потом пройти несколько сотен метров и поесть. Вернуться, снова посмотреть на раненых. Двое спали, один лежал и тупо пялился в потолок: обезболивающие брали его плохо.

Чай, сделанный заботливой Юлей. Если смотреть со стороны, можно подумать, что они пара. Это не так, но до чужих мнений по этому поводу им обоим не было дела. Чай – это было уже прекрасно. Еще раз посмотреть на раненого. Предупредить оставшуюся дежурить Юлю, чтобы если что – сразу его будить.

К этому времени Николай совершенно отчетливо ощутил, что то ли забыл, то ли не заметил что-то важное. Но попытки вспомнить это «что-то» ни к чему не привели. Проведенным днем он был удовлетворен полностью, значит, не так уж это должно быть и важно. Поэтому, уже засыпая, он мысленно махнул рукой, оставив попытки вспомнить на потом.

Четверг, 22 августа

– Слушай, ну ты скажи. Ну почему нет, а? Ну Петро-ова... Ну не будь га-адам!.. Научи-и!

Вика приподняла голову, посмотрела на голосащего бойца и презрительно фыркнула. Очень отчетливо, как лисица.

– Ну Петрова! Ну что ты молчишь, как немая? Ну скажи, что согласна! Тебя ведь нормально тренировали, ну что тебе, жалко?

– Слушай, сам ты не будь гадом и свиньей, дай отдохнуть.

Было бы от чего отдыхать. Ну, два выхода подряд. Но без стрельбы же. В задницу такой отдых! Когда он не заслуженный, он не в радость. Точнее, в радость, но не в такую, какая бывает.

– Ну Петро-ова!..

Парень подпускал в голос такие забавные интонации, что улыбку прятать уже не получалось. Он не издевался, он действительно был таким. Вот же искренний человек... Вика видела этого приколиста в бою – со средней дистанции он работал как придаток к своему автомату. Видела на хозработках – когда он пахал, как комсомолец в старые времена: становясь в первый ряд. В своей «прошлой жизни» парень был вроде бы мальчиком на побегушках в неприметной конторе. В следующей жизни, если она когда-нибудь начнется, он точно будет играть более серьезную роль.

– Витя, ну если бы я тебя так не уважала... Два упражнения сегодня, и все. И не проси больше.

– О! Петрова! Я знал, что могу на тебя положиться. Спасибо! От чистого...

– Так, просто заткнись уже. Не утомляй. Зануда чертов.

Парень широко и хорошо улыбнулся. Как Гагарин. Говорят, великий Гагарин вообще ничего не боялся. Здесь у них задачи попроще, не такие глобальные, но и тут из людей сразу вылезает – кто натурально храбрый, а кто просто заставляет себя быть таким. Или такой. А кто и нет.

– Но ты точно согласная, да?

– Вить... Ты меня уговариваешь, будто на что-то неприличное. Я же уже сказала, что да. Но дай же отдохнуть все-таки. У меня ноги гудят, как неродные.

– Они устали, они хотят отдохнуть, – немедленно прокомментировал шут этот гороховый. – Я понял, я врубился. Отдыхай, Петровчик. Я позову.

Он уже исчезал, а Вика только головой качала. Вот же энергии у человека. С каких это продуктов его так прет, интересно? Вроде все одинаковую кашу едят.

Позавчерашний рейд был для ее пары скучным: топали, топали, лежали, ждали, потом топали назад. Нормально. Если не считать сожженных в ожидании боя нервов. Со стороны могло казаться, что нервы у снайперши натурально железные, но это была только иллюзия. И плакала она много, и выла, когда не видят и не слышат. От страха, от тоски по семье, от боли в душе. Видел такое иногда разве что Костя. Ее бессменный второй номер, прошедший с ней огонь и воду и снова огонь... Костя был настолько свой, что его она не стеснялась. Еще плачущей очень изредка видел снайпера доктор – или даже не видел, а просто понимал со стороны. Ему это тоже было можно, он тоже знал ее всякую. Он сам чуть не покончил с собой на ее собственных глазах – и наверняка помнил это неплохо. А вот до нее увиденное тогда дошло очень не сразу. И так тоже бывает, даже с умными.

За каких-то полчаса Вика отлежалась настолько, что смогла уже оторваться от матраса и заняться хозяйственными делами. «Чистота – залог здоровья», – учила ее бабушка. Бабушка родилась уже после войны, но явно понимала, о чем говорит. К человеку в чистой

одежде, регулярно помытому, микробы и вирусы почему-то не прилипали. Ни настоящие, от которых умерли столько людей в городах и селах, ни эти непонятные новые, которые ставили в тупик даже выдавших виды людей. Доктор-то у них был довольно молодой, но Вика знала, что и местные, много более опытные эскулапы тоже ничего надежного из «практических мер по профилактике» ему не посоветовали. Так что мылась Вика при каждой возможности, зубы чистила по два раза в день и стирала себе и Косте. Бабушка бы одобрила, да и мама тоже... А еще грязнуль – чушек, как у них говорили, почему-то чаще убивали или калечили в бою. Странно, но тоже уже накопились наблюдения...

Вода была жесткая и почти холодная, но она уже привыкла. Чайная ложка стирального порошка на десятилитровый пластмассовый тазик, остальное хозяйственным мылом. Выдавленная на желтовато-буром бруске надпись давно смылилась, но хозяйственное исходно было большим и тяжелым, хватит еще надолго. Выжать до упора, в два захода, потом развесить. Парни давно перестали зубоскалить по поводу женских хлопчатых трусиков в горошек, висящих рядом с синими семейками. Она своя, за нее они будут бить морду любому чужаку. За нее они, кстати, и убивали. Как и она за них.

Вздыхнув, Вика потянулась всем телом, ослабляя ноющую боль в пояснице. Какие-то двадцать с небольшим минут, а уже снова хочется отдохнуть. Фигу.

– Э, боец, готов? Пошли.

Парень радостно вскинулся. Отложил яркий журнал, ухватил стоящий у койки автомат. Журнал лег обложкой вверх, и Вика пригляделась: про баб? Нет, что-то автомобильное. Отвлекается человек.

В отношении «тебя же тренировали» ребята ее несколько переоценивали. Да, действительно тренировали нормально и не жалея патронов, только очень уж недолго. Но почему-то собственно методика дошла до нее получше, чем до многих других. Потому она и осталась штатным снайпером. Сначала работала просто «калашниковым», причем малокалиберным «АК-74». Потом у нее был старый «АК-47» с оптическим прицелом, и даже довольно долго. Потом ей все-таки нашли «СВД» – тоже старую, с деревянным еще прикладом. А ее автоматику приходилось обслуживать почти так же часто, как чистишь зубы, и привыкнуть к этому было непросто. Но зато к винтовке было аж два прицела, включая простой штатный «ПСО-1М2» и ночной «НСПУ». Из этих двух последним она почти не пользовалась, но обе инструкции по эксплуатации знала назубок и натаскивала всех желающих. В свободное от службы и необходимых хозяйственных дел время. Урываемое от отдыха.

– Работаем. Сначала теория.

– Ну Петрова! Ну бли-ин!

– Теория, я сказала. Не нравится – не держу.

Снова вздохи, демонстративные постанывания, закатывания глаз.

«Для чего нужен боковой маховичок?», «В чем смысл наглазника?», «А что делать, если бленда оторвалась и потерялась?»

– Ладно, сойдет, – сказала она минут через десять. – Вижу, что учил. Да и не rocket science, в конце-то концов.

– Петрова, – очень задушевно спросил боец Витя, – а ты точно не преподавала нигде? Интонации у тебя, знаешь... Очень привычные.

– Не успела, – честно призналась она. – Наоборот, была студенткой. Наслушалась. Я даже до диплома не дошла, когда война началась. Да и в любом случае не стала бы преподавать, пожалуй. Не мое это.

– А я вот думаю – точно твое. Ты подумай. Могла бы отличным преподам стать.

Вика посмотрела на бойца, как на дурака. Когда стать, после войны? Они все не переживут ее, неужели не ясно? Имеет смысл думать только о том, что сейчас. Или о прошлом,

если хочется отдохнуть душой. О будущем нет смысла думать вообще. Будущего не предвидится – по крайней мере такого, о каком хотелось бы мечтать.

– Да пошел ты... Монтаж прицела. Сначала на словах.

– Э-э... Для установки прицела... необходимо установить прицел...

Еще один взгляд, ровно такой же. Витя вздохнул и явственно дал себе пинка, потому что закончил уже более нормальным голосом:

– Установить прицел на посадочное место. И подать от себя ручку зажимного винта.

– Молодец. Слово в слово. Можешь же, когда хочешь.

Боец моргнул и открыл рот, чтобы ополнить. Но тут же закрыл – не дурак.

– Давай.

С руками у него все в порядке. Руки росли из правильного места. Впрочем, она и раньше это знала. Да и процедура не бог весть какая сложная.

– Теперь демонтаж.

Парень без запинки отбарабанил нужные слова, потом показал.

– Работаем с дальномерной шкалой... Даю учебную задачу...

Они занимались полные два часа. Пришел кто-то из разведчиков, поглядел. Дал пару советов, которые с почтением выслушали оба. Потом пришел еще кто-то из хоззвода и неожиданно принес пирожков со щавелем. Сказал, что напекла его знакомая бабка из местных. Пирожки оказались очень вкусные: и сладкие, и кислые одновременно. Потом появился ее второй номер и присел тут же, рядом. Послушал молча, а потом вдруг спросил:

– Слушай, Вить. Я вот который день на тебя смотрю, но только сегодня подумал. Ты что, на мое место метишь?

– Не-ет, ты что?

– Он на мое метит, – сухо вато объяснила Вика. – Он отрабатывает навыки как раз первого номера, а не второго. Недельки через три сможет меня заменить, ежели что.

– Тьфу на тебя.

– Тьфу, – согласилась она. – Но нехай учится. От меня не убудет, а вдруг вторую винтовку где достанем.

– «Винторез», – тут же кровожадно пожелал Витя.

– Да щас тебе! Еще скажи «Выхлоп». Ты хоть на картинке их видел?

Никто даже хохмить не стал. Все то чудесное железо, которое им показывали в многочисленных телепередачах перед войной... Его не было! Не было ни прекрасных танков, ни превосходных самолетов, ни современных вертолетов. Не было средств связи, специальных патронов, удобного обмундирования и средств защиты. Все, что было, – это легкая стрелковка, в большинстве еще советского производства, и отдельные единицы оснащения к нему вроде подствольников и тех же прицелов. Более серьезное оружие было в отчаянном дефиците: каждый такой ствол обслуживали лучшие, самые опытные люди. Вот же странно: сколько времени считалось, что стрелковое оружие в современной войне не имеет уже практически никакого значения: 99 % потерь приходится на действия артиллерии и авиации. И вот началась война, и вся артиллерия со всей авиацией быстро закончилась, и они который уже месяц дерутся автоматами. Считая снайперские винтовки, пулеметы и гранатометы на единицы... Как могут дерутся, не очень-то хорошо, но...

Вика снова подумала про папу и снова вздохнула. Она не верила, что он еще жив. Бомбардировщик в современной войне – в небе, почти полностью контролируемом многочисленными натовскими истребителями, – это летающее ожидание беды. Она сама не видела ни единого своего самолета в небе уже много месяцев. И своего вертолета тоже, но это-то хоть легче объяснить. В смысле, это может быть объяснено и другим. Тем, что вертолеты далеко не летают. А папин «Сухой» покрывает больше трети страны на одной заправке – что-то папа такое говорил...

Она чуть не расплакалась прямо здесь, на этом самом месте, и спаслась от позора только тем, что разозлилась сама на себя. Наорала на ребят, что мешают занятиям. Приказала заканчивать треп. Сухо и зло продолжила инструктаж, делая упор на методические приемы, которые успела усвоить на занятиях у давно погибшего инструктора, имя которого она уже не помнила. Еще час занятий, и только потом первый на сегодня патрон. Как уже вспоминалось сегодня, специальных снайперских патронов не было ни хрена. Но в отряде были «ПКМ», которые ели те же самые 7,62 54, что и «СВД», поэтому имелось из чего выбрать. Каждый патрон она оглядывала со всех сторон и отбирала себе штуки без единого дефекта. Это как-то помогало: днем на 300 метрах Вика четко клала каждую пулю в головную мишень, а на 400 – и в грудную. И отобранные патроны экономила со страшной силой: для себя старалась, не для кого-то.

– Попал! Я попал!

К этому времени они лежали в овраге, чтобы звук выстрела уходил вверх. Овраг был сырой и довольно длинный. И еще неглубокий, поэтому работать в нем можно было не только в самой середине дня. Но сейчас было уже слишком далеко за полдень, и в овраге начали сгущаться сумерки.

– Да еще б ты не попал, со ста-то метров. За каждый промах – шелбан, мы договаривались.

Мишенью было березовое полено, белевшее на самой границе видимости. Березовая древесина очень светлая, от времени и дождей темнеет медленно. И сама Вика здесь же, по этому самому полену оружие пристреливала, и все остальные. Унесло полешко, как шелчком, значит, попал. Не надо ходить и мишень проверять. Можно по следующему целиться.

– Эй, бойцы!

Подожли к ним хорошо, сзади. Они и не услышали. Ну, Костя спину прикрывал, а он человек надежный, можно особо не напрягаться. Но все равно Вика напряглась.

– Кто идет?

– Свой. Это самое... Рыжий.

– Конопатый. Спускайся.

– Не, на фиг. Вылезайте. К командиру.

– Оба?

Витя поставил винтовку на предохранитель и со вздохом передал ее в протянутую Викину руку. Быстро, как обезьяна, начал карабкаться вверх по осклизлому склону, по щиколотку проваливаясь при каждом шаге в еще прошлогодние листья.

– Нет, токо ты со своим вторым номом. Про Витька ниче. Молод ысче, гы.

Вика ухватилась за поданную ей крепкую ладонь, и ее вздернули наверх, на край обрыва. Посыльного она смерила недобрым взглядом, и тот смутился. Он был старше и ее, и большинства других, но что он не деревенский, она знала отлично. Начинаящий ассистент какой-то инженерной кафедры, вроде бы или в Техноложке, или в Политехе. Придуриваться у него выходило неловко.

– Ладно, услышала. Кость? Что думаешь?

– Слухами земля полнится.

– Вот и я тоже так... Хотя наверняка пустышка и фигня.

Костя кивнул, и Витя кивнул тоже. Про окончательный выход все всё знали. Из дальнего, на много часов рейда ребята-разведчики пришли с потерями. Слава богу, санитарными, хотя один был довольно тяжелый. В тот раз с ними пошел доктор, и это, как обычно, оказалось хорошей идеей: чем-то кому-то он помог на месте. В рейде ребята дали обычный результат: ненамного лучше и ненамного хуже других своих выходов. Кого-то они убили, кого-то ранили, что-то сожгли. Ходили очень гордые, и совершенно заслуженно. Если бы их отряд без собственных безвозвратных потерь убивал по одному врагу хотя бы раз в три дня... Ох,

в Волховском районе давно было бы тихо и спокойно, и пели бы птички. А если бы это делал каждый такой отряд, как их, – и каждая рота на далекой линии фронта...

Но было, очевидно, не так. Именно поэтому вокруг на многие сотни и тысячи километров в любую сторону были «миротворцы». И сформированные и защищаемые ими «золотые роты». И убийственный дефицит лекарств, и сто лет не виданные здесь эпидемии, выкашивающие сейчас население не хуже пуль. Армия России не смогла справиться с обороной страны: слишком долго ее гнобили. И слишком коротким оказался тот период времени, за которой русским людям – и то далеко не всем – стало ясно: только Армия, ВВС и Флот отделяют их более-менее комфортную жизнь от кошмара и смерти. Практически неизбежной, только дай оккупантам время.

Трофеи ребята принесли смешные: пару отверток и иллюстрированный журнал. Правда, не сразу, только на второй день, выяснилось, что в этом самом журнале есть что-то очень и очень серьезное. Нечто такое, от чего штаб отряда бегаёт и непрерывно что-то делает. Планирует, решает: она не была уверена, но активность чувствовалась. Уже к середине вчерашнего дня разведчики начали намыливаться в очередной выход, но было очевидно, что это не боевой рейд, а что-то другое. Уходили парами и тройками, налегке или почти налегке. В гражданском, с одной легкой стрелковкой и холодным. Значит, к жилью: за сведениями или чем-то конкретным, что есть шанс добыть или выменять.

До жилья – в смысле, до мест обитания живого еще населения – топтать по-разному. В одну сторону сколько-то сотен метров, в другую километры, в третью полтора десятка километров в каждый конец. Вблизи основной и обеих запасных баз они всегда работали с очень большой аккуратностью. Но работали, когда была необходимость. Ловили, и вешали, и резали, и иногда даже стреляли. Реже чужаков – чаще своих. Точнее, бывших своих. Впрочем, какие они свои, пусть даже бывшие... Они уже давно были врагами, еще с довоенного времени. Только жили всегда по соседству и не убивали открыто: не стесняясь и не боясь ничего. А так – были... Вика давно знала, что запуталась, и даже не пыталась что-то особо умное выдумать. Просто работала. Но в этот раз обошлись без нее.

Разведчики возвращались вразбивку: теми же парами и тройками. Явно без больших успехов, но все без исключения с очень гордым и загадочным видом. Господи, какие мужики тупые, а? «Кое-что знаем» – было словно написано на них, так что даже аутист догадался бы отловить одного и повыспрашивать. Пользоваться голосом, глазами и мимикой Вика научилась еще год назад. Здесь же, среди оголодавших мужиков, да еще своих – проще лишь ириску у деревенского дурачка выманить. Уже через десять минут после возвращения очередной пары она знала все с начала и до конца. И здорово удивилась: чего там скрывать? Впрочем, примерно такими же – удивленными и настороженными в разной пропорции – до сих пор выглядели почти все, кто хоть как-то знал про этот журнал.

Найти учителя французского в столичном или «почти столичном» городе совершенно не проблема. В его ближайших пригородах – тоже. Но стоит удалиться от Москвы и Питера километров на двести, и с этим начинается беда. Английским в наши дни владеют все-таки уже многие. Но остальные европейские языки идут позади с большим отрывом. В Паше не нашлось ни учительницы, ни просто какой-нибудь интеллигентной старушки со знанием языка Вольтера и Дюма. Поселком, кстати, Паша была приличным: не только с общеобразовательной средней школой, но и с детской школой искусств, что в сельской местности встретишь не часто. Здесь раньше учили музыке и рисованию, плюс паре других полезных вещей. Но французского языка, опять же, среди кружков и классов не нашлось.

Теперь, к концу дня, когда кое-кто из разведчиков ушел уже по второму разу, вызвали и ее. Вика достаточно реалистично относилась к своим боевым навыкам. Что умела, то умела; чего нет, того нет. Настоящей разведчицей или связной она не была и не могла быть: больно

городская. Ну тут будто екнуло что-то внутри: ох, в этот раз за оптическим прицелом не отлежишься. В этот раз придется в глаза врагам посмотреть. Ой, мамонька... Ой, не хочется...

В штабе сержанта Петрову провели куда надо. В прокуренную комнату, где сидели и бухтели не только командиры, но и пара других непростых людей. Врач отряда, давно ей знакомый. Кто-то из местных. В коридоре перед самой дверью стояла и курила – почему-то отдельно от всех – девушка-связная. Которую вообще старались лишней раз лишним людям не показывать. Они еще не успели столкнуться взглядами, когда девушка отвернулась, а Вика окончательно посерьезнела. Зашла, доложила, как требуется; дождалась, пока ее оглядят сверху донизу. По-мужски оглядели, не только по-командирски. Но без хамства и грязи в глазах, это уж она чувствовала.

– Сержант Петрова, есть задача для тебя.

– Слушаю, товарищ майор.

Ноги вместе, руки по швам. Все как положено. Чай, не в детском саду и не в старших классах на презираемых всеми часах ОБЖ.

– Пойдешь в монастырь.

Кто-то за столом глухо всхлипнул, не удержавшись. Остальные сидели серьезными. Ей тоже ума хватило не переспросить. Расположенный к северо-востоку от их базы Введено-Оятский женский монастырь Санкт-Петербургской епархии был местом, не сильно располагающим к веселью. Но своим. По крайней мере один раз тяжелораненых свозили именно туда. Прикрывала транспорт половина отряда, и Вика тогда в стороне не осталась. Кое на что посмотрела. И даже при всем своем надменном отношении технаря к профессиональному духовенству – монахинь этого конкретного монастыря неожиданно зауважала.

– Знаю, что далековато. Знаю, что опасно. Но надо. Пойдете своей парой, больше людей не дам. Почти все хожалые в разгоне: сама видала, наверное. Доктор просился, но у него раненые сейчас.

Вика посмотрела, и доктор утвердительно кивнул – будто бы для нее одной.

– Боевая задача: найти в монастыре говорящую по-французски монахиню, или послушницу, или кого из трудников. И я не шучу... Люди там есть непростые, кого-то да найдешь. Дальше: дать на перевод передовицу трофейного журнала, вот этого. Записать в тетрадь под диктовку, вычитать перевод. Поблагодарить со всей вежливостью. Вернуться обратно. И все это быстро. Вопросы?

Она молча взяла в руки журнал, о котором столько говорили. Да, тот самый. Сначала знающих этот иностранный язык искали прямо в отряде, потом по соседям, потом еще дальше: в Рыбежно, Мошкино, Паше, Загубье. Не нашли. Чего в нем такого важного, интересно?

Одна из фотографий на страницах, заполненных текстом и цветными вставками, Вику зацепила. Яма, заваленная человеческими телами. Довольно привычное зрелище. Даже тела подростков среди тел взрослых – это тоже было привычно. Странно смотрелись чужие, непонимаемые слова вокруг. Может, в этом и смысл? Может быть, это и подействовало так на штаб?

О происходящем в мире они не знали почти ничего. Не было ни Интернета, ни телевизионных новостей, ни даже нормального радио – почти только одно чужое: с утра до ночи гонящее в уши всем слушающим тупую свою пропаганду. Незамутненную, классическую: «Россия была плохая, и за это ее наказали. Кайтесь, ироды! Но это все для вашей же пользы!» А без информации, без второй, третьей и четвертой точек зрения, без фактов – что хочешь сама, то и думай. По тому, что они видели вокруг, – на Россию действительно ополчился весь мир. И как было на самом деле – да, вот это действительно было всем интересно. Так что желтоватый журнал был сейчас к месту. Был не хуже коллекции листовок, призывающих всех бывших военнообязанных обоих полов зарегистрироваться в управе местного «сектора

зоны урегулирования». Чтобы организованно строить новый, лучший мир для себя и своих близких. Под руководством квалифицированных специалистов. Цивилизованных и демократичных.

– Два вопроса, товарищ майор. Сколько у нас времени и можно ли брать оружие?

Что связные ходят без оружия, Вика знала. Что сама она проще чувствует себя полуголой, чем невооруженной, это не касалось никого. Как уж прикажут.

– Времени – неполные сутки. Завтра к часу пополудни, а лучше и пораньше, ждем назад. Часа два вечерних вам даю на ближний подход, там не торопитесь, осторожнее. Лучше к самой ночи. Ночь проведете там. Пароли: первый – «Андреевщина», второй – «Лукич». Запомнила? Повторить?

– Так точно, запомнила. Повторять не надо.

– Хорошо. Своего второго номера внутрь не тащи, оставь под стенами где-нибудь, не скиснет он у тебя за ночь. Лето. Ну, сама разберешься. Оружие можно: если кто привяжется, вали на хрен, как ты умеешь. Но лучше по-тихому, конечно. Опять же, сама это понимаешь.

– Товарищ майор, там двадцать с лишним километров в одну сторону. Даже если через Химучасток, а не вдоль железки... Это реально два дня, пусть и налегке.

– Я что, не сказал? Возьмете мотоцикл. Твой Костя водит, я помню. Сама умеешь?

– Нет.

– Ничего, дело нехитрое. Как на велосипеде. Это не «Харлей», а деревенская драндулетина, услада местных рокеров. Но по той дороге и он пройдет. Где не пройдет, перекадите – и дальше. Сколько-то последних километров ножками, ясное дело, но все равно нормально. Как раз обернетесь. Что еще?

– Раненым нашим чего пусть захватит, – сказали сбоку.

Майор согласно кивнул.

– Да, согласен. Но немного. Грузоподъемность... Они оба не худенькие, а дорога там... Верно, через Химучасток надо, молодец. Доктор... Зампотыл...

– От меня ничего, кроме приветов. Наоборот, оттуда попрошу захватить, чего дадут противовоспалительного. Любого: ибупрофен, адвил, бонифен, бруфен... Хоть аспирин! Хоть лимонные листья, если дадут. Попросишь?

– Поняла... Так точно.

– А я передам кой-чего. Чтоб не совсем уж...

Зам по тылу поднялся тяжело, как старик. Глаза у него были воспаленные, рубец рассекал лицо наискосок, оставшаяся от кисти правой руки культя торчала из рукава, как обрубленное полено. Захотелось отвести глаза, хотя Вика видела его десятки раз. Это был заслуженный боец. Хорошо, что жив и при деле, среди своих. Калеки сейчас не жили.

– Разрешите выполнять?

– Выполняйте, сержант. Удачи.

Офицеры встали, по очереди подали ей руку. Кто-то улыбнулся, кто-то посмотрел без выражения, равнодушно. Так, наверное, и должен офицер смотреть на бойца, уходящего на задание.

Начпотыл вышел за Викой из двери, буркнул что-то в спину вновь отвернувшейся от идущих девушки-связной, и тяжело, неловко потопал по коридору. Сборы были недолгими. Упаковать журнал в полиэтиленовую пленку в два слоя. Туда же тетрадь в клетку и две шариковые ручки. Как в первый класс сборы, только передничка не хватает. И повязанных мамочкой бантиков... Зампотыл дал тяжелый пакет с чем-то шуршащим: в ответ на вопросительный взгляд сказал, что настоящий чай. Да, дорогое удовольствие! Сами они вперемешку с чаем заваривали и иван-чай, и брусничный лист, и чагу, и всякую прочую ерунду. Впрочем, не так уж и чувствуешь разницу после десятка километров туда-сюда, особенно если промохла в неподвижности и пару раз промочила ноги в ручьях.

Пистолет под пояс, в самодельную кобуру. Два запасных магазина и три десятка патронов в карманы россыпью. Нож. Индпакет и жгут.

Когда она вышла на хоздвор, Костя уже ходил вокруг мотоцикла, как кот вокруг миски с кормом, разве что не мявкал.

– Товаш сержант!

– Вольно. Как тут?

– Номана! С ветерком вряд ли, но... Транспорт.

Костя объяснил, что мотоцикл называется «Сова 175», отечественный. Очень б/у, но состояние еще не совсем убитое.

– Мотор слабоват, – сказал он, – везет как бы 200 килограмм, но не по такой дороге и не после стольких лет эксплуатации. Но да, все лучше, чем пешкодралом...

Цвет у мотоцикла, когда-то красный, теперь стал бурый с серым. Вика сочла, что это даже хорошо: почти камуфляж.

– Маршрут сказали тебе?

– Сказали выполнять твои... ваши приказания, – парень покосился на некрупную группу провожающих. – Как обычно. И еще автомат не брать.

– Что взял?

– «Макарова» взял. Что было, то взял. Я не разведчик, чтобы пижонские штуки иметь. Ничего, я и им умею.

– Я помню. Патроны?

– Запасная и россыпь. Кинджаль, конечно, вах!

Провожающие мужики посмеялись: кураж они уважали. Только зампотыл мрачнел на глазах. То ли себя вспомнил молодым и здоровым, то ли еще что.

– Сухой паек дам по минимуму, без консервов. Фляга своя? Хватит? Или еще одну надо?

Вика взяла, сунула в рюкзак к термосу. Нет, ничего, не так уж и тяжело.

– Спасибо, товарищ старший лейтенант. Мы отправляемся?

– Марш! Легкой дороги обоим. И тихо чтоб.

– Ох, спасибо...

– Давайте, бойцы, может, хоть вам повезет. А то или рукой штабу на все махнуть, или уже в Питер кому-то лыжи вострить, за носителем языка мушкетеров... Да назад потом, блин.

Вика кивнула, согласная со сказанным. Ага, эти все знают. Именно так: или махнуть рукой на возможную пустышку, или рисковать уже по-серьезному. Ну, любое задание нужно выполнять. Это конкретное – не хуже других. А то, что и они с Костей не хуже многих, это приходится доказывать.

Ну что, поехали? Рюкзак на спину, лямки уравновесить и подтянуть так, чтобы сидел как влитой. Покрутить бедрами, чтобы проверить, как держится кобура с тяжелым пистолетом. Затянуть шнуры в куртке, застегнуть молнии на карманах, оттянутых патронами. Костя молча и быстро делал то же самое, только рюкзак у них был один на двоих. Шлемов нет.

– На железку рули, тихонько.

На часах было полседьмого, нормально. Поехали. Она поерзала на неудобном сиденье, обхватила Костю за живот, и мотоцикл тут же дал с места. Сзади заливисто свистнули, это она еще услышала. А потом было уже ничего не слышно, только ветер свистел в ушах да все время что-то толкало в лицо. Даже на 30–35 километрах в час ощущалась каждая вбивающаяся в кожу песчинка, а ведь это была еще нормальная дорога, а не та убитая грунтовка, по которой они ходили к Рассвету и Ояти!

Ехать на мотоцикле было непривычно: страшновато и неожиданно весело. Трудно было наблюдать за окружающим, и на мозги непрерывно давило: в любой момент по ним

могут пальнуть, а они и почувствовать ничего не успеют. В двух километрах от базового лагеря их проверил первый свой пост, в трех с лишним – второй. Потом, еще дальше, был парный секрет, и это все. До самого, наверное, Лодейного Поля не будет ни одного организованного отряда – только разрозненные мелкие группы и одиночки-инициативники, с которыми вообще ни у кого нет связи. Кто действует на свой страх и риск, не имея никакого снабжения «снаружи». И может только надеяться на то, что в их борьбе есть хоть какой-то смысл. Вот где настоящая храбрость...

У Рыбежского озера Вика похлопала напарника по груди. Тот сразу же сбросил газ и мягко остановился. Пять минут она потратила на объяснение того, что требуется делать: куда и зачем они двигаются и что везут, кроме чая. Костя Титов был фаталистом, да и вообще настоящим бойцом: приказы он не обсуждал. Если бы ему приказали ехать в монастырь под чужими прицелами, но там искать помощь в заполнении кроссворда – он бы тоже поехал, только ругался бы сильно. А так только кивнул. По требованию сержанта повторил задачу, подтвердил: если что, возьмет журнал и отвезет куда надо, предпримет соответствующие посильные усилия для выполнения, ну и все такое прочее. Можно было не сомневаться, что так он и сделает, если Вика погибнет или перейдет в категорию небоеспособных. Впрочем, во втором случае он скорее засунет журнал куда поглубже и будет ее вытаскивать. И она сделает ровно то же самое для него, вот что здорово.

До войны это не понималось. Тогда помочь человеку – это было что-то отдельное. Чем гордишься, за что ожидаешь или конкретной, или отсроченной благодарности. И удивляешься ее отсутствию. Здесь, когда вокруг враг, а рядом проверенные в деле свои, рисковать жизнью и даже прямо идти на смерть ради товарища – неожиданно оказалось обычным делом. Совершаемым без колебаний. Бойца, бросившего товарища в бою, переводили в хозяйвод: на дефицитное оружие стояла почти очередь тех, кто никогда так не поступит. Или тех, кто уверен, что никогда. Все это ее поражало. Год назад, полгода скажи кто Вике, что она будет вот так работать, воевать... Убивать врагов, оказывать первую помощь раненым и хоронить своих убитых... Что в неудачном выходе будет прикрывать вляпавшуюся тройку разведчиков огнем, не обращая внимания на нащупывающие ее самую сквозь ветки пулеметные очереди... Она бы покрутила пальцем у виска да забыла сказанное через минуту, как очевидный бред. «Детка, боевая фантастика не в этом отделе».

Сейчас она улыбалась, крепко прижавшись к спине везущего ее по разбитой дороге друга. Второго номера снайперской пары, в которой была старшей. Она была маленьким, но командиром. Командиром парня, с которым еще не спала, и вообще даже не собиралась спать, – но которого однозначно уже любила. Вот ведь угораздило...

Рыбежно они обошли: свернули на боковую дорогу и тащились по ней, пока дорога не кончилась совсем. Тогда Вика сориентировалась по солнцу и «чуйке», и километра полтора они двигались вообще без дороги: то по едва намеченной тропке, то просто виляя между деревьями. Дважды пришлось пересекать довольно широкий ручей, – причем, судя по всему, один и тот же. Но вообще было довольно суховато, и толкать мотоцикл, а самим идти ножками, пришлось не так уж долго. Вышли к грунтовке, снова покатали километров под 30 в час и почти сразу же наткнулись на нужную развилку. Ага, значит, вообще все правильно. Отсюда до Химучастка было всего ничего, а там до Рассвета прямая дорога – уже не заблудишься.

– Тпру, блин!

Костя резко сбросил газ и вильнул сначала вправо, потом влево. Вика тут же перестала мечтать, повернула лицо к ветру и оглядела местность, ожидая сжавшимся в горошину желудком пулю, которая вот сейчас войдет в ее тело.

– Ох... Ты видишь?

Ну да, она видела. Немногочисленные дома маленькой деревни стояли все в белых пятнах, различимых издалека. Оба отлично знали, что это такое.

– Осторожно вперед. Смотрим.

Они проехали еще полторы сотни метров и остановились. Не дожидаясь приказа, Костя заглушил двигатель, и сразу стало ясно, что стоит мертвая тишина. Или это у них в ушах глухо после езды? Вика помотала головой, но это не помогло: все равно было слишком тихо.

– Вперед.

«Сову» Костя оставил на дороге, потратив еще сколько-то секунд, чтобы вручную развернуть ее мордой в обратную сторону. Положил на бок, распрямился уже с пистолетом в руках.

– Ты влево, я вправо.

– Пошли.

Короткая перебежка – залечь и тише мыши переползти на 2–3 метра вбок. Поглядеть поверх прицела на пространство перед собой; дожидаться, пока пройдут полминуты, требующиеся Косте, чтобы продвинуться вперед самому. Рюкзак Вике совершенно не мешал, но дыхания все равно не хватало. Вот и первый дом. Половина окон выбита, дверь цела. Бурые бревенчатые стены в многочисленных выбоинах, лучащихся ярко-белыми щепками. Откуда-то дальше несет горелым, но этот конкретный дом не горел.

Сдвоенный стук слева; ей даже не нужно поворачиваться – это дал сигнал ее второй номер, у которого все в порядке. Тридцать метров до следующего дома, ровно такого же. Попаданий в стены много, и располагались они бессистемно. Каждое отстояло довольно далеко от соседнего, в том числе и по высоте. И больно они были крупные для пули. Что за хрень?.. Ладно, дальше...

Вика была здесь уже несколько раз, хотя всегда видела деревню лишь мельком, двигаясь мимо, обычно к проходящей западнее «железке». И дома тогда были целыми, и всегда в них кто-то жил: сколько-то местных, сколько-то пристроенных к делу беженцев из ближайших городов. Сейчас она увидела один сгоревший почти дотла дом и несколько побитых. И у покосившегося забора последнего дома, такого же, как остальные, – короткий ряд свежих могил. Пять штук, все под одинаковыми деревянными крестами. На всех уже подвядшие полевые цветы, у одной пустой граненый стакан и пустая бутылка из-под водки. На последней в ряду – измочаленная плюшевая игрушка: хомяк в шапочке и с морковкой в лапах.

Вику замутило. В глазах у нее потемнело так сильно, что она просто потеряла себя на мгновение или два. С трудом прогляделась, на неверных шагах отошла в сторону. Подошедший сзади Костя поддержал ее под оба локтя сразу, отвел еще дальше.

– Видел? – хрипло, совершенно чужим голосом спросила она. Ответа не было, да и не должно было быть – на такой-то вопрос.

Вика пришла в себя, сидя на лавке перед одним из домов. Кости рядом уже не было, но вскоре он подъехал, на том же самом своем драндулете. Остановился, заглушил двигатель, снова положил мотоцикл на бок. Не меняя выражения лица, достал из валяющегося у Вики под ногами рюкзака термос, свинтил колпачок, налил ей слабого чая. Когда зубы лязгнули о край, сержант поняла, что сейчас разрыдается. Нет, все удержалось внутри.

– Вертолеты, – негромко произнес парень. – Несколько штук, точно. Вчера. Мы не слышали.

– И пожара не видели, – подтвердила Вика. – Далековато... Хотя отсвет могли увидеть...

– Значит, не сильно-то и горело, – согласился он. – Долго, но не сильно. Вертолеты... Прошли, обстреляли... На том доме и с одной стороны выбоины, и с другой, и с третьей тоже

– я смотрел. Значит, не просто на лету. Значит, обходили по кругу. Разок, может, обошли. Постреляли по людям – и дальше. Куда-то.

Вика бессильно выматерилась, снова стараясь сдержать слезы. Матерную ругань она освоила хорошо, но мат никогда не помогал ей так, как, очевидно, помогал мужикам. От этого тоже было обидно.

– Бессилие... – произнесла она вслух. – Боже мой, какое же бессилие...

– Надо нашим рассказать, – совершенно не в тон сказал ее второй номер. – Командирам, разведке. Они что-нибудь придумают конкретное. Ты же знаешь, какие они хитрожопые, а? Вик, ну не плачь! Не плачь, Викуля, держись. Они что-нибудь сделают, и мы оба пойдем. И Витьку с собой возьмем, и Фомку, и Босю, и Козлика – всех наших... Вика...

Она все-таки заплакала у него на плече, и плакала долго, минут пять. Костя гладил ее по волосам, плечам, целовал в затылок. Ничего плохого в этом не было, он был сейчас как брат. Причем старший, вот что странно. Она начала уже успокаиваться, когда увидела сквозь слезы ту же короткую улицу, в конце которой был ряд могил, – и захлебнулась снова, опять на минуты. А потом успокоилась как-то разом. По-житейски умный Костя был прав. Возможно, этот мелкий эпизод в тысячах эпизодов текущих месяцев заставит командование их несчастного маленького отряда оставить на день или два привычный тихий режим. Вызвериться и пойти убивать уже по-серьезному. Да, рискуя тяжелыми потерями, призрак которых висел над ними непрерывно. Но именно тут сержант осознала, что сама уже готова сказать себе «хватит». Что полностью готова стать той самой потерей, которая даст людям вокруг веру в лучшее, надежду.

Вытерев глаза рукой и всхлипнув еще раз, Вика пришла в себя окончательно и с некоторым усилием отцепилась от Кости. В его руках было удобно и тепло и так приятно, что снова подумалось о женском. О том, чему не время.

– Остальные ушли, как ты думаешь? – сказала она просто для того, чтобы что-нибудь сказать.

– Да, конечно. Здесь человек пятнадцать точно жили. Не знаю, сколько коренных, а сколько беженцев, но... Ушли, конечно. Куда-нибудь.

– Тоже подтверждает, что с воздуха. Любое отделение здесь бы все зачистило... Всех бы сожгло...

Оба одновременно обернулись в сторону сгоревшего дома. Нет, точно нет. Тогда бы никто не стал бы хоронить нескольких погибших в нормальных могилах, с крестами. Не может быть.

Все же пришлось сходить и проверить, и вернулись к дороге они чуть успокоенные. Нормальное пожарище: среди черных огрызков досок валяются железяки, черепки от тарелок и чашек, стоит закопченная печь. Сгоревших здесь не было, успели выскочить.

– Давай, садимся. И так уже задержались. Поехали.

– Так точно.

Закусив губу, Вика приладила рюкзак и уселась на уже почти привычное место за Костиной спиной. Закинула вперед и сцепила замком кисти рук. Костя завел двигатель, и тишина сменилась треском и рычанием слабосильного двигателя. И вонь тоже появилась – она была сейчас почти приятной. Собаки чуют пропахшего бензином человека за километр с наветра. Разведчики, честно говоря, тоже могут. Это плохо. А сама вонь – неплохой запах. Гораздо лучше, чем гарь.

Очередное озеро Никольское – здесь таких Никольских было штуки три или четыре только в их ближнем радиусе. Речка Викшеньга, еще несколько безымянных речек и широких ручьев. Какие-то мосты и мостики в хорошем состоянии, какие-то так себе. «Козлик» еще пройдет, «Шевроле-Нива» – уже с трудом. Это спасение для местных: без хотя бы легкой брони каратели по округе стараются все же не шарить. Выберешь себе какой-нибудь удален-

ный хутор типа такого вот Химучастка, и можно некоторое время тихо жить... Пока не пролетит мимо по своим делам вертолет, пилоту и стрелкам которого захочется отвести душу в отпуске с востока. Или, может быть, потренироваться перед отправкой на восток. Ну-ну...

Неполный десяток километров до Рассвета они проехали без каких-либо проблем, небыстро и мирно. Поселок смыкался своей западной окраиной с несколькими другими, и все вместе это было довольно серьезно: несколько асфальтированных улиц, школа, остов магазина «Пятерочка». Железнодорожная платформа с выгоревшей стекляшкой кассы, автобусные остановки. У отряда совершенно точно здесь кто-то был, но ей явку по понятной причине не дали. И наоборот, рекомендовали не светить Костю с его транспортом. На сто процентов верное решение, что бы там она себе ни фантазировала.

– Не заблудишься?

– Иди ты...

– Термос оставь, хорошо? Тебя-то там напоят.

Они спешили еще до перекрестка с проходной шоссейкой, прошли вперед и некоторое время наблюдали. Но все было тихо: ни транспорта, ни людей. Вернулись, взяли мотоцикл и шустро прошли перекресток «пешим порядком». Свели транспорт чуть под горку по тропке, ведущей в сторону скопления домов и сараев у ближайшего изгиба Ояти.

– Вот здесь.

Костя указал на один из сараев с гостеприимно распахнутой двустворчатой дверью, и Вика шагнула вперед, принохаясь. Да, людьми не пахнет, техникой тоже. Пустота и пыль. Лучше бы сено, но он и так не замерзнет. Какая-никакая крыша, и от людей подальше.

– Ладно, паркуйся. Я не поздно постараюсь. По холодку. Думаю, даже поспать можешь, но...

– Угу. Ушки на макушке.

– Все верно. Давай.

Они привычно ткнули друг друга в плечи собранными в кулаки ладонями, и Вике в очередной раз показалось, что вот сейчас он ее все же поцелует, – но все опять осталось как обычно. Прошло.

До первого серьезного скопления домов с того же перекрестка было метров шестьсот. Потом еще столько же или больше – уже до настоящего поселка, центра местной культуры и цивилизации. Вика свернула направо, в сторону реки и двинулась к монастырю не по нахоженной дороге, а через лесополосу, разделяющую несколько частей поселка. Как местные, интересно, такое называют? Слобода, микрорайон? Она зыркнула на поглядевшего на нее из открытой калитки одного из домов пацана, и тот демонстративно отвернулся. Негромко гавкнула и тут же заткнулась собака, ей ответила другая, будто приняла эстафету. В другом дворе женщина развешивала на веревках разноцветное белье: видимо, стирала уже на ночь глядя. В третьем, после нескольких пустых, светились окна – привычным уже, мерцающим светом свечей. Пока она шла, довольно быстро стемнело, и к монастырю, в обход очередной группы домов, Вика вышла уже почти на ощупь, сомневаясь в себе и мысленно ругаясь. На краю поля – то ли монастырского, то ли совхозного – она капитально во что-то вляпалась и разлилась на себя окончательно. Грязь здесь была суровая: в самый раз для русской деревни. Для глубинки, где сдохнет любой захватчик. Двести километров от второй столицы страны – и вот тебе пожалуйста – по щиколотку и выше самого натурального дерьмища. Но теперь она уже хорошо сориентировалась и вышла к монастырю с нужной стороны: не к главному зданию, а наоборот, к чему-то вроде хоздвора.

– Кто тут?

Голос был женский, и Вика удержала руку, сунувшуюся к пистолету. «Макаров» довольно надежен, и освоила его она хорошо. Если что, успеет.

– Не бойтесь, я одна. Я с Андреевщины, к матушке.

Пауза была секунд в двадцать, и Вика переждала ее молча. Андреевщина – это была деревня, хрен знает как далеко отсюда. Вроде бы в обозримом пространстве, но слишком далеко, чтобы дойти пешком за день. Если встретившаяся ей женщина в курсе, что значит это слово, она ответит ей куда нужно.

– Ага, ага. Пойдемте со мной, только тихо.

Вика кивнула, хотя этого явно было не видно в уже почти полной темноте. Август... Темнеет уже по-серьезному, это тебе не питерские июнь и июль.

– Петрович, ты здесь?

Из мглы выступила фигура: просто серый силуэт на темно-сером фоне.

– Здесь я. Кого там нам Бог послал?

Вика подошла к сторожу и остановилась, давая себя рассмотреть.

– Ага... Я Семен Петрович, местный сторож. А ты откуда будешь, красавица? И за какой надобностью?

Раньше Вика как-то думала, что, если девушка на глубокую ночь глядя является на монастырское подворье, ее сначала накормят-напоят и устроят на ночь, а только потом будут расспрашивать. Но не те сейчас времена, наверное. Или вообще это только в сказках было?

– Меня зовут Вика. Я с Андреевщины, к матушке с делом, – по второму разу сказала она. Сторож хмыкнул и вроде бы кивнул. Интересно, чем он вооружен? Берданкой, телескопической или резиновой дубинкой? Или вообще ничем, кроме уверенности в своем праве? Да и вообще... Ей только сейчас пришло в голову, что мужчина-сторож в женском монастыре – это странно. Хотя приняли же они раненых...

Вика помотала головой. Все же дорога ее вымотала. Болела спина, болели шея и руки; и еще болели наплакавшиеся сегодня глаза.

– Ладно, понятно... Ну, пойдем. Спасибо, Феня. Тебе еще урок?..

– Да, еще на часик, потом уж вечерять... Ну, идите с Богом, раз дело.

Сержант Вика обернулась на растворившуюся в темноте женщину. Почему-то ей пришло в голову, что здесь, в этом месте, слово «Бог» даже не просто пишут, а и произносят всегда с большой буквы. Это чувствовалось. Она так и не стала верующей, даже пройдя через столько всего, даже навидавшись за эти месяцы столько горя... Совесть ее была чиста, но верить она боялась.

– И как там дела... В Андреевщине вашей? – сторож даже не пытался изображать иронию, спрашивал спокойным тоном, без лишних интонаций. Но все равно чувствовалось.

– Живем, работаем. Делаем дело, как можем.

– Что ж, хорошо. У всех дело. Я вот такое себе нашел, и другого уже не будет. Слишком много лет... А Серега как, жив ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.